



УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 1

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной педагогический университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 1

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2023

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow Region State Pedagogical University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

| | | | |
|--|----|---|-----|
| От редакции | 7 | <i>Терентьев В. О.</i> Стабилизация фронта на Свирском направлении в октябре 1941 года: фактор ленинградских опол- ченцев. | 69 |
| АРХЕОЛОГИЯ | | <i>Терентьева Е. А.</i> Петрозаводск во французской прессе в годы Вто- рой мировой войны. | 77 |
| <i>Гусенцова Т. М., Жульников А. М.</i> Новые данные о датировке памятников с асбе- стовой керамикой энеолита — эпохи бронзы на территории Северо-Запада России | 8 | <i>Чуракова О. В.</i> Повседневная жизнь военно-санитарных поез- дов: исследовательский потенциал антропологии фронтальной экстремальности | 83 |
| ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ | | ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ | |
| <i>Савенкова И. Ю.</i> Проблема торговых монополий в противостоя- нии короны и парламента в годы правления Ели- заветы I Тюдор | 20 | <i>Кыржинаков А. А.</i> Охотничье снаряжение хакасов в XIX–XX веках | 93 |
| ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ | | Рецензии | |
| <i>Калинина Е. А.</i> Совершенствование системы физической куль- туры и спорта в Карелии во второй половине 1920-х годов. | 29 | <i>Алексеев Т. В., Лосик А. В.</i> Рец. на кн.: Колчинский Э. И., Синельнико- ва Е. Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. | 99 |
| <i>Короткова М. Н.</i> Социальная политика государства: к вопросу о периодизации реформ здравоохранения в пост- советский период | 36 | <i>Коткин К. Я.</i> Рец. на кн.: Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд истори- ков и антропологов | 101 |
| <i>Филимончик С. Н.</i> Развитие здравоохранения в Карелии в 1930-е годы. . 44 | 44 | Дискуссии | |
| <i>Шорохова И. В.</i> А. Н. Тимонен: от советской культурной ди- пломатии к межкультурному диалогу Карелии и Финляндии | 54 | <i>Голдин В. И.</i> Россия в Гражданской войне: северное регио- нальное измерение | 106 |
| КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕТРОЗАВОДСК – ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ» | | Юбилей | |
| <i>Зеленская Ю. Н.</i> Трудовой лагерь для советских граждан в Ку- тижме в годы Великой Отечественной войны. | 62 | <i>Абрамова О. Г.</i> К 65-летию со дня рождения И. А. Спиридоновой. . 114 | 114 |
| | | Память | |
| | | <i>Зайцева Н. Г., Муллонен И. И.</i> К 100-летию Г. М. Керта | 115 |
| | | Contents | 118 |

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 31.01.2023. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 48 экз.). Изд. № 5

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33



**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор ПетрГУ
С. Г. Веригин

Sergei G. Verigin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Первый в этом году номер журнала посвящен историческим наукам, и открывает его рубрика «Археология». В ней представлена статья Т. М. Гусенцовой (Санкт-Петербург) и А. М. Жульникова (ПетрГУ) о новых данных датировки памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России.

В сентябре 2022 года в Петрозаводске прошла VI Научно-практическая конференция с международным участием «Петрозаводск – город воинской славы: героические страницы прошлого Европейского Севера России». Доклады, вызвавшие наибольший научный и общественный интерес, в виде статей представлены в данном номере. В. О. Терентьев (Санкт-Петербург) раскрывает значение ленинградских ополченцев в стабилизации советско-германского фронта на Свирском направлении в октябре 1941 года. Е. А. Терентьева (СПбГУ) анализирует образ города Петрозаводска, создававшийся разными типами французских периодических изданий в годы Второй мировой войны. О. В. Чуракова (Архангельск) показывает повседневную жизнь военно-санитарных поездов в период Великой Отечественной войны с позиций антропологии фронтовой экстремальности. Ю. Н. Зеленская (ПетрГУ), анализируя новые архивные документы, на примере трудового лагеря в пос. Кутижма раскрывает трагедию мирного гражданского населения, попавшего в зону финской оккупации Карелии в 1941–1944 годах.

Как всегда, насыщена рубрика «Отечественная история», в которой опубликованы статьи ученых ПетрГУ Е. А. Калининой, С. Н. Филимончик, И. В. Шороховой и их коллеги из Перми М. Н. Коротковой. Новизна их публикаций определяется введением в научный оборот ранее не опубликованных архивных источников и воспоминаний очевидцев описываемых событий.

Большой интерес вызывают статьи других рубрик: «Всеобщая история» – И. Ю. Савенкова (Луганск) и «Этнология, антропология и этнография» – А. А. Кыржинаков (Абакан). Внимание читателей привлечет «Дискуссия», в которой помещена полемическая статья историка В. И. Голдина (Архангельск). В ней автор дает критический анализ энциклопедии «Россия в Гражданской войне».

Статьи и материалы данного номера будут полезны не только профессиональным исследователям, но и всем, кто интересуется историей.

ТАТЬЯНА МАТВЕЕВНА ГУСЕНЦОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник
АНО «Научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия»
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ddut@mail.ru

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечествен-
ной истории Института истории, политических и социаль-
ных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
rockart@yandex.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДАТИРОВКЕ ПАМЯТНИКОВ С АСБЕСТОВОЙ КЕРАМИКОЙ ЭНЕОЛИТА – ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

А н н о т а ц и я . В статье публикуются результаты радиоуглеродного датирования методом AMS (ускорительной масс-спектрометрии) образцов, полученных из комплексов асбестовой керамики с древних поселений Карелии, Вологодской, Ленинградской и Мурманской областей. Использование асбеста в качестве примеси к тесту керамической посуды – уникальный феномен первобытной культуры древнего населения Северной Европы. В энеолите – эпоху бронзы в северо-западной части России известно несколько типов посуды с примесью асбеста, отличающихся орнаментацией, морфологией и технологическими приемами, что указывает на наличие здесь групп населения, отличных в культурном и, видимо, этническом отношении. Выявление особенностей взаимовлияния и характера контактов групп населения с асбестовой керамикой возможно только после установления хронологических особенностей развития типа керамической посуды, что и определяет актуальность проведенного исследования. В статье впервые представлены материалы ряда комплексов асбестовой керамики, для которых были получены радиоуглеродные даты.

К л ю ч е в ы е с л о в а : асбестовая керамика, радиоуглеродное датирование, энеолит, эпоха бронзы

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов», № 19-18-00375. Авторы благодарны профессору Хельсинкского университета (Финляндия) Кристиине Маннермаа за помощь в организации и проведении датирования образцов, публикуемых в настоящей статье.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гусенцова Т. М., Жульников А. М. Новые данные о датировке памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.847

ВВЕДЕНИЕ

В древности на территории Фенноскандии сформировалась традиция изготовления глиняной посуды с примесью асбеста, сохранявшаяся на столь значительной части Северной Европы на протяжении нескольких тысячелетий. Эта традиция не была единой во времени и пространстве и представлена значительным количеством типов керамики, в том числе существенно различающихся по технологии изготовления, морфологии и орнаментации сосудов [2: 84].

Видимо, с течением времени менялось и предназначение примеси. Для ранних этапов изготовления асбестовой керамики, например,

имеются признаки символического использования экзотического минерала [2: 88], [7], [12], [13: 106]. Изучение особенностей распространения асбеста и сосудов с асбестовой примесью за пределами Балтийского щита, где этот волокнистый минерал не встречается в природе, позволяет реконструировать динамику этого явления как во времени, так и в пространстве, а также определить характер взаимодействия некоторых групп населения Северной Европы.

Для решения этих проблем особое значение имеют установление или уточнение данных о хронологии бытования типов асбестовой керамики и выявление особенностей их развития. Данная

статья презентует новые данные по радиоуглеродной датировке некоторых групп асбестовой керамической посуды, получивших распространение в энеолите – эпоху бронзы на территории Северо-Запада России, а также отчасти в Финляндии, на севере Швеции и Норвегии.

МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для датирования ряда комплексов, характеризующих разные типы асбестовой керамики Северной Европы в эпоху раннего металла, было отобрано пять образцов. Результаты датирования образцов представлены в таблице, а места расположения памятников обозначены на карте (рис. 1). Содержание радиоуглерода в отобранных объектах измерено методом AMS (ускорительной масс-спектрометрии) с использованием ускорителя частиц Хельсинкского университета [17]. Результат дан в виде радиоуглеродного возраста от 1950 г. н. э. назад и основан на периоде полураспада ^{14}C , равном 5568 лет. Неточность радиоуглеродного возраста ($\pm 1\sigma$) включает в себя статистические ошибки, вызванные измерениями пробы и необходимыми эталонными измерениями. Радиоуглеродный возраст нормирован по изотопному фракционированию на соответствие значению -25‰ с использованием значения $\sigma^{13}\text{C}$, измеренного методом AMS.

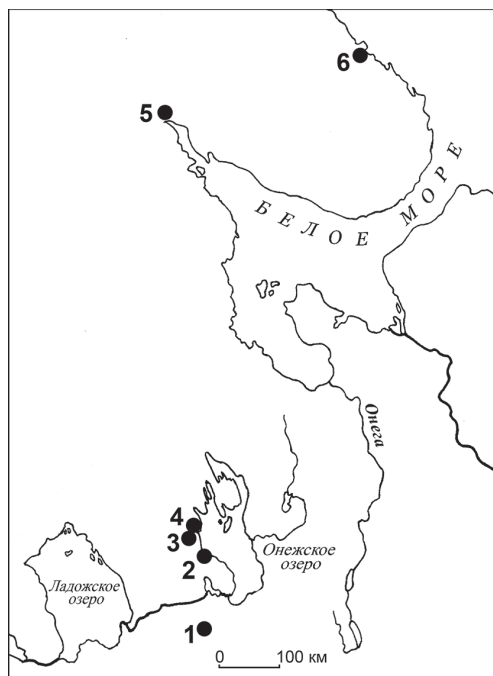


Рис. 1. Местонахождение стоянок с публикуемыми материалами. 1 – Падань I, 2 – Деревянное XVI, 3 – Верховье IV, 4 – Укшезеро I, 5 – Нива III, 6 – Нерпичья Губа

Figure 1. Location of the archaeological sites discussed in the article. 1 – Padan' I, 2 – Derevyannoye XVI, 3 – Verkhovye IV, 4 – Ukshezero I, 5 – Niva III, 6 – Nerpitchya Guba

Результат скорректирован на календарные годы с использованием поправочной кривой Intcal20 [18] и программного обеспечения OxCal 4.4. При оценке полученных данных необходимо учитывать вероятность удреждения на 100–200 лет дат, полученных по нагару с сосудов, по сравнению с датой по углю, что связано с воздействием так называемого резервуарного эффекта [19].

Радиоуглеродные даты, полученные для стоянок с асбестовой керамикой Карелии и сопредельных регионов

Radiocarbon dates obtained from archaeological sites with asbestos pottery in Karelia and neighboring regions

| Наименование стоянки | Лабораторный индекс | Дата ВР | Дата calBC (2σ) | Вид образца | Тип керамики |
|----------------------|---------------------|-----------|-----------------|-------------------------|--------------|
| Падань I | Hela-4911 | 4672 ± 28 | 3520–3370 | Нагар на керамике | Война-волок |
| Деревянное XVI | Hela-4909 | 4071 ± 28 | 2850–2490 | Береста из нижнего слоя | Оровна-волок |
| Верховье IV | Hela-4907 | 3781 ± 29 | 2300–2055 | Нагар на керамике | Палай-губа |
| Укшезеро I | Hela-4908 | 3782 ± 29 | 2300–2055 | Нагар на керамике | Палай-губа |
| Нива III | Hela-4910 | 3338 ± 26 | 1745–1540 | Нагар на керамике | Пасвик |

Наиболее ранняя из выполненной серии дата для комплекса асбестовой керамики (3520–3370 лет до н. э. (4672 ± 28, Hela-4911)), получена по нагару с фрагмента сосуда, обнаруженного на стоянке Падань I, расположенной в северо-восточной части Ленинградской области (см. рис. 1), на значительном удалении от природной границы распространения асбеста. Диапазон даты с фрагмента керамики не выходит за рамки третьей четверти IV тыс. до н. э.

Стоянка Падань I, исследованная Т. М. Гусенцовой, находится на залесенной песчаной террасе р. Падань, высотой 1–1,5 м над уровнем водоема, в месте истока реки из оз. Чик-озеро, расположенного в бассейне р. Оять – крупного левого притока р. Свирь. Культурный слой сохранился на площади около 1000 кв. м, раскопано 620 кв. м (1987–1989, 1996 годы). Стоянка заселялась на протяжении второй половины VI – начала III тыс. до н. э. В культурном слое памятника присутствуют материалы раннего неолита (культура сперрингс); среднего неолита (культура поздней гребенчато-ямочной керамики) и начала эпохи раннего металла (культуры ромбоямочной, пористой и асбестовой керамики) [4]. При раскопках стоянки найде-

ны разновременные выкладки из камней, остатки котлована неолитического жилища культуры ямочно-гребенчатой керамики, хозяйственные ямы, скопления керамики и развалы сосудов, многочисленный кремневый, кварцевый и сланцевый инвентарь.

Датированный фрагмент керамики с примесью асбеста украшен оттисками короткой и длинной гребенки (рис. 2). Оттиски короткой гребенки образуют на стенках сосуда горизонтальные ряды, перемежающиеся с широкими полосами пустого пространства. Между некоторыми горизонтальными рядами оттисков короткой гребенки размещены группы поставленных наклонно отпечатков длинной гребенки.

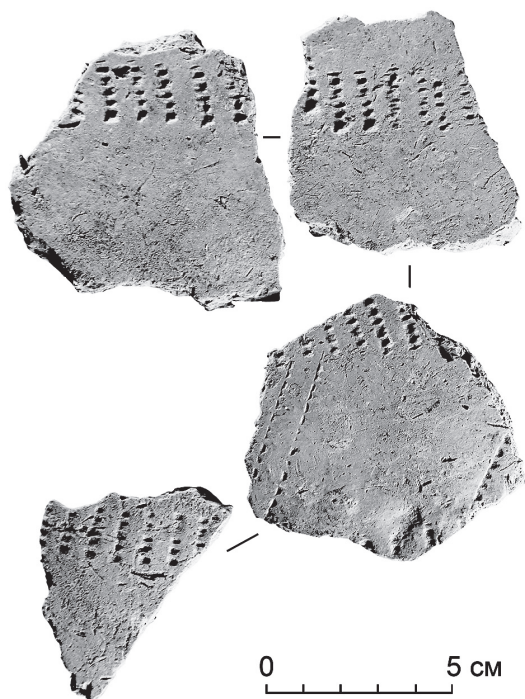


Рис. 2. Фрагменты датированного сосуда со стоянки Падань I
Figure 2. Fragments of the dated vessel from the Padan' I site

Комплекс пористой и асбестовой керамики на стоянке Падань I приурочен к наиболее низким и заболоченным участкам террасы. Культурный слой мощностью 0,15–0,23 м насыщен включениями кальцинированных и сырых косточек животных. Исследованы яма с находками фрагментов посуды и развал сосуда с примесью в глиняном тесте асбеста. Всего асбестовой керамики более 600 фрагментов от 32–34 сосудов. В большей части сосудов примесь асбеста обильная, в виде «игл» длиной 1,0–1,5 см и шириной от 0,2 до 0,5 см (рис. 3: 14). В других сосудах прослеживаются мелкие тонкие иглы асбеста или комочки минерала, напоминающие «пух». В составе глиняного теста иногда присутствуют

включения охры. Цвет посуды розовато-серый и серый. Сосуды лепились встык (на стенках прослеживаются желобки) или внахлест с последующим заглаживанием лент. Внутренняя поверхность посуды чаще гладкая или заштрихованная, иногда со следами нагара. Сосуды с прямыми стенками, непрофилированные; днища не сохранились, видимо, округлые. Толщина стенок сосудов преимущественно 0,7–0,9 см (около 70 %).

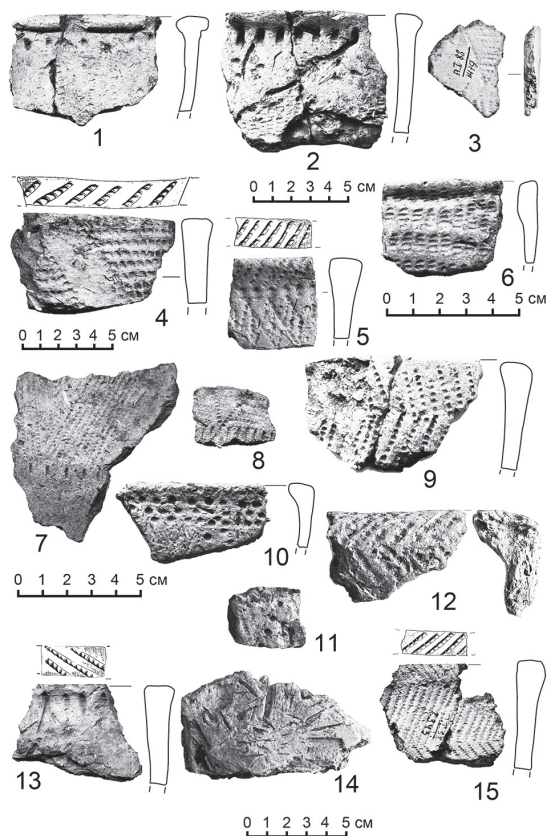


Рис. 3. Асбестовая и пористая керамика со стоянки Падань I
Figure 3. Asbestos and porous pottery from the Padan' I site

Венчики прямые, с небольшими утолщениями, иногда Т-образной формы или загнуты внутрь Г-образной формы (рис. 3: 1, 10, 12). Срезы венчиков украшены оттисками гребенчатого штампа. По способу орнаментации прослеживаются две группы сосудов. Преобладает посуда, украшенная геометрическим орнаментом в виде треугольников или зигзага, составленных из сочетания оттисков короткой и длинной гребенки, небольших ямок и оттисков гребенчатого штампа (рис. 3: 3–4, 7–8, 11). Она сходна с энеолитической асбестовой посудой типа Войнаволок, характерной для южной части территории Карелии [5], [7]. Датированный фрагмент сосуда, судя по его признакам, также относится к типу Войнаволок.

Вторую группу асбестовой посуды на стоянке Падань I составляют сравнительно тонкостенные сосуды, украшенные горизонтальными рядами или «елочкой» из оттисков гребенчатого штампа (рис. 3: 9, 12), близкие энеолитической асбестовой керамике типа Оровनावолок, хронологически сменяющей на территории Карелии асбестовую и пористую керамику типов Войनावолок (Южная Карелия) и Залавруга (Северная Карелия) [5]. На стоянке Падань I найдено около десятка сосудов с примесью в тесте растительности, пера и, возможно, раковины, по способу изготовления и орнаментации близкие посуде с асбестом типа Войनावолок (рис. 3: 5, 15).

Помимо энеолитической асбестовой керамики на поселении собрана выразительная коллекция импортных рубящих орудий русско-карельского типа из сланца. Эти орудия на памятнике могут быть синхронны как с керамикой типа Войनावолок, так и с керамикой типа Оровनावолок. В целом комплекс находок, связанных с асбестовой и пористой керамикой на стоянке Падань I, судя по отсутствию в коллекции этой посуды плоских и уплощенных днищ, датируется второй половиной IV – началом III тыс. до н. э.

В ходе проведенного исследования один из наиболее поздних комплексов с асбестовой керамикой типа Оровनावолок (по облику керамики) получил дату 2850–2490 лет до н. э. (4071 ± 28 , Hela-4909) по образцу угля (березовая кора), обнаруженного в замытом (нижнем) слое стоянки Деревянное XVI, расположенной на западном побережье Онежского озера (см. рис. 1). На стоянке, исследованной А. М. Жульниковым, выявлено два культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой намывного песка.

Керамика, обнаруженная в нижнем (втором) слое стоянки Деревянное XVI, относится к позднему варианту типа Оровनावолок. По индивидуальным особенностям стенок и венчиков выделено 15 сосудов. В качестве примеси у 13 сосудов использовались асбест и птичий пух, в одном случае наряду с пухом и асбестом использован шамот, в одном сосуде птичий пух сочетается с песком (?). На минимум четырех фрагментах имеются явные признаки окатанности. Сосуды круглодонные или с уплощенным доннышком. Венчики сохранились от шести сосудов, в пяти случаях они утолщены, разделяются по форме: прямосрезанные (5) (рис. 4: 6, 8), округлый без утолщения (1) (рис. 4: 10). Четыре венчика орнаментированы по верхнему срезу оттисками гребенки, два – мелкими ямками (рис. 4: 10). На стенках 13 сосудов прослеживаются оттиски гребенчатого штампа. Два сосуда

украшены мелкими ямками. Мотивы орнамента: вертикальный зигзаг (11) (рис. 4: 7–9, 11), горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа (1), диагональные ряды оттисков гребенки (1), горизонтальные ряды редко расставленных ямок (2).

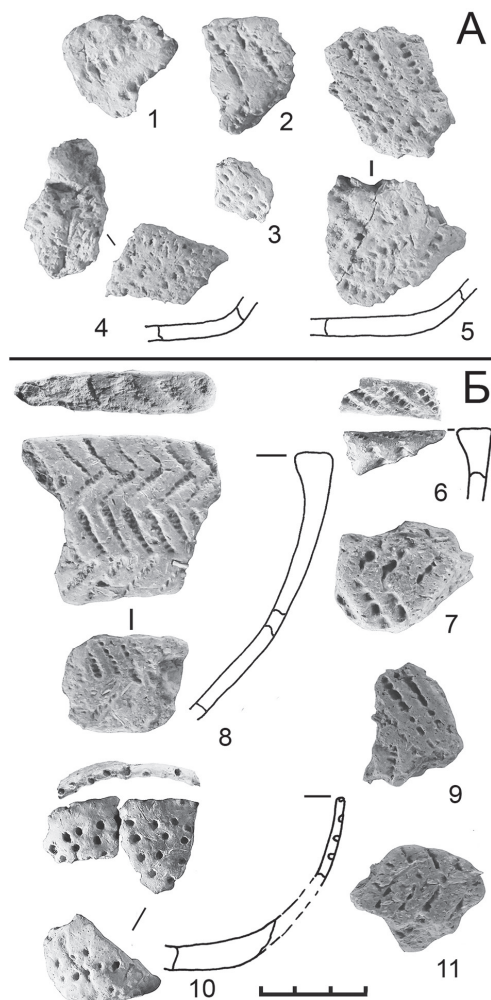


Рис. 4. Асбестовая керамика верхнего (А) и нижнего (Б) слоев стоянки Деревянное XVI

Figure 4. Asbestos pottery from the upper (A) and the lower (B) layers of the Derevyannoye XVI site

В замытом нижнем (втором) культурном слое число каменных орудий значительно больше, чем в верхнем слое: заготовки сланцевых рубящих орудий и их обломки, сколы с рубящих шлифованных орудий, сланцевый орнаментир, лидитовый нож, два кварцевых нуклеуса, обломки кварцитовых шлифовальных плит, отбойник на обломке шлифовальной плиты, два сланцевых отщепы с ретушью. Отщепов в нижнем культурном слое немного, наиболее многочисленны отщепы из сланца. Обращают на себя внимание кварцевые отщепы, так как в ранних комплексах асбестовой керамики типа Оровनावолок в этом районе Карелии они почти неизвестны.

В наиболее высокой части нижнего слоя были найдены кальцинированные косточки, что указывает на то, что размывание культурного слоя имело место здесь только на наиболее пониженных участках стоянки.

Керамика верхнего (первого) слоя стоянки Деревянное XVI имеет ряд признаков асбестовой позднеэнеолитической керамики типа Палайгуба [5: 53–54]. По особенностям орнаментации выделено семь сосудов типа Палайгуба. В качестве примеси в них использовались асбест и птичий пух. Венчиков сохранилось всего два, оба утолщенные, прямосрезанные, украшены оттисками гребенки. Стенки сосудов украшены оттисками гребенки, в том числе два – с тонкой нарезкой, вероятно, имитирующей оттиски веревочки, намотанной на палочку (рис. 4: 3, 4). Мотивы орнамента прослежены на шести сосудах: вертикальный зигзаг (5) (рис. 4: 1, 2, 5), горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа (1), горизонтальные линии из состыкованных оттисков гребенки чередуются с горизонтальными рядами оттисков гребенки, поставленной почти прямо (1) (рис. 4: 4). Обнаружено два плоских донышка. Оттиски гребенки с тонкой нарезкой и горизонтальные линии из оттисков гребенки – признаки, характерные для типа Палайгуба [5: 53–54]. Показательно различие в форме донышек, найденных в нижнем слое (округлые) и в верхнем (плоские). В верхнем слое при сборах и зачистке найдены многочисленные сланцевые отщепы, что указывает на наличие на стоянке мастерской по изготовлению сланцевых рубящих орудий. Иные каменные изделия в верхнем слое немногочисленны: кварцевый нуклеус, два кремневых ножа, обломок кварцевой шлифовальной плиты, обломок заготовки сланцевого рубящего орудия, обломок кремневого наконечника стрелы с вогнутой базой, окатанная заготовка сланцевого рубящего орудия русско-карельского типа. В верхнем слое при зачистке были собраны кремневые, лидитовые, кварцевые отщепы, но их сравнительно немного, а также фрагмент медного изделия.

Для комплексов керамики типа Палайгуба, получивших распространение в конце энеолита на территории Карелии, Мурманской области и северной части Ленинградской области [5], [6], ранее имелось всего две даты по нагару с посуды, найденной на западном берегу Онежского озера в жилище на стоянке Шелтозеро XII [8: 48]. Для уточнения датировки комплексов с подобной керамикой, имеющей признаки влияния шнуrowой и чирковской посуды [6], использован нагар с фрагментов от двух сосудов, обнаружен-

ных на стоянках Укшезеро I и Верховье IV. Стоянки расположены поблизости друг от друга, на противоположных берегах реки Шуя, у ее устья, неподалеку от западного побережья Онежского озера (см. рис. 1).

С нагара на сосуде типа Палайгуба (рис. 5: 1) со стоянки Укшезеро I получена дата 2300–2055 лет до н. э. (3782 ± 29 , Hela-4908). Сосуд с примесью асбеста имеет слегка отогнутый венчик без орнамента. На стенках сосуда оттиски двузубого штампа образуют горизонтальные ряды.

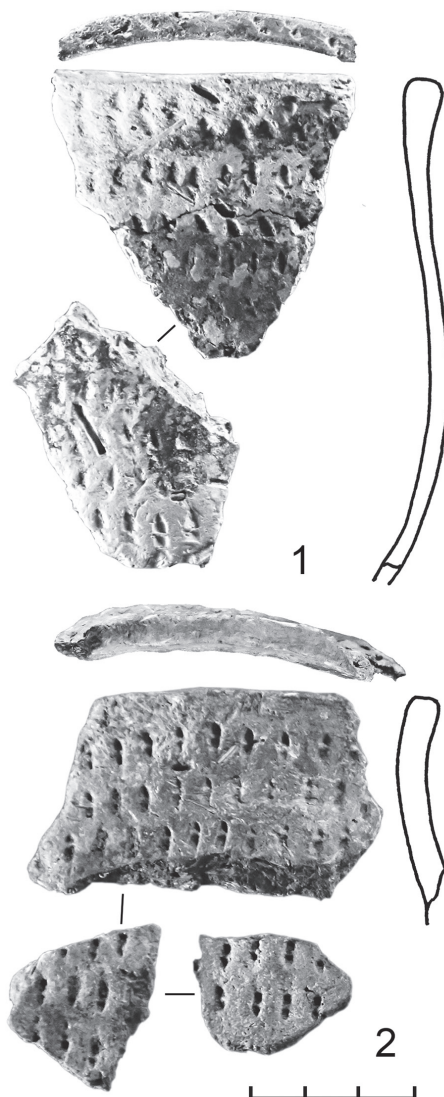


Рис. 5. Фрагменты датированной керамики типа Палайгуба со стоянок Верховье IV (1), Укшезеро I (2)

Figure 5. Fragments of the dated Palayguba-type pottery from the Verkhovye IV (1) and Ukshezero I (2) sites

На стоянке Укшезеро I, открытой А. М. Жульниковым в юго-западной части одноименного водоема, в древности представлявшего собой залив Онежского озера, найдены фрагменты минимум девяти сосудов типа Палайгуба. Они изготовле-

ны с примесью асбеста, в некоторых сосудах также заметна примесь органики, видимо, птичьего пуха. Сохранились венчики от шести сосудов. Четыре из них прямые, плоскосрезанные. Венчики двух сосудов прямые, округлые. Еще один плоскосрезанный венчик слегка отогнут. Четыре венчика орнаментированы оттисками гребенки, два венчика не украшены. На торцах трех венчиков оттиски гребенки поставлены под углом к краю сосуда, на четвертом венчике они образуют линию.

Посуда типа Палайгуба украшена по всей поверхности оттисками гребенки, в том числе три сосуда орнаментированы гребенкой с тонкой нарезкой, возможно, имитирующей отпечатки шнура, намотанного на палочку. Пять сосудов украшены композицией из оттисков, образующих вертикальный зигзаг, на двух сосудах вертикально поставленные отпечатки гребенки образуют горизонтальные ряды (рис. 5: 2). На одном сосуде оттиски гребенки сгруппированы у венчика в горизонтальные линии, что типично для посуды типа Палайгуба [5: 53]. С керамикой этого типа на стоянке, по-видимому, связан обломок тигля, изготовленного из глины с обильной примесью мелкого песка.

Второй датированный сосуд типа Палайгуба (рис. 5: 1) происходит с поселения Верховье IV, выявленного А. М. Спиридоновым на левом берегу реки Шуя, неподалеку от ее впадения в Онежское озеро. По нагару с фрагмента сосуда получена дата 2300–2055 лет до н. э. (3781 ± 29, Nela-4907). Помимо позднеэнеолитической асбестовой керамики на памятнике была найдена крупная янтарная округлая пуговица-нашивка линзовидного сечения с V-образным сверлением. Представлены на стоянке и более ранние материалы: фрагменты ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамики, каменный инвентарь.

Асбестовая керамика эпохи бронзы на территории Северо-Запада России известна в настоящее время лишь на Кольском полуострове и северной части Карелии¹. Подобная керамика на этих территориях вплоть до конца XX века рассматривалась как единая группа посуды эпохи раннего металла, отличная от посуды эпохи неолита [1], [3]. В конце XX века норвежскими исследователями впервые проведено деление асбестовой керамики эпохи бронзы на три культурно-хронологические группы с кратким описанием их отличительных признаков, локальных особенностей распространения на севере Норвегии, публикацией данных о радиоуглеродной датировке [16].

Выделенная норвежскими исследователями керамика типа Ловозеро имеет в основном гладкую внешнюю поверхность, украшена, как и вся керамика эпохи бронзы, лишь в верхней части сосуда. Значительная часть посуды не имеет орнамента. Сосуды в большинстве непрофилированные, венчики слегка утолщены, плоскосрезанные. Посуда орнаментирована горизонтальными или перекрещивающимися прочерченными линиями, рядами из ногтевидных отпечатков, неглубоких ямок. Для укрепления края венчика часто использованы крупные иглы асбеста [16: 17, fig. 7].

Вторая группа асбестовой керамики на севере Норвегии – керамика типа Пасвик. Для нее, по мнению норвежских исследователей, характерны следующие признаки: отогнутый наружу край венчика, сочетание асбеста и выгоревшей органики (волоса) в примесях, обработка внешней и внутренней поверхности зубчатым инструментом. Орнамент встречается редко. Отмечено наличие на некоторых сосудах у венчика ряда ямок [16: 15–17, fig. 5]. Датирована керамика типа Пасвик аналогично керамике типа Ловозеро, однако даты для нее получены лишь для угля из культурного слоя одного поселения [16: 89].

Кроме того, на севере Норвегии обнаружены немногочисленные фрагменты имитированной сетчатой асбестовой керамики, относящейся, судя по имеющимся датировкам, к эпохе бронзы. Поверхность этой посуды покрыта специфическими оттисками [16: 19], полученными, по-видимому, способом выколачивания стенок сосуда колотушками, покрытыми геометрической нарезкой (оттиски ромбической формы) или, возможно, обернутыми в мягкий материал, дающий нерегулярные оттиски.

А. И. Мурашкиным и К. Карпеланом отмечено широкое распространение керамики типа Ловозеро на стоянках Кольского полуострова и северной части Финляндии, Швеции, которые имеют сходные радиоуглеродные датировки для комплексов этого типа, изученных на территории Норвегии – в рамках 2000–700 лет до н. э. [9], [13]. Известна на территории Кольского полуострова в эпоху бронзы и имитированная сетчатая керамика, которая по характеру отпечатков на стенках выглядит неоднородной [9: 204]. Керамика типа Пасвик ранее в археологических публикациях как особый тип асбестовой посуды эпохи бронзы на территории Кольского полуострова не выделялась².

Выразительный комплекс профилированной штрихованной асбестовой керамики, обладающей сходством по ряду признаков с керамикой

кой типа Пасвик с территории Северной Норвегии, содержится в коллекции стоянки Нива III, расположенной в южной части Кольского полуострова (см. рис. 1). Стоянка находится на левом берегу реки Нива в черте города Кандалакша Мурманской области. Памятник открыт в 1970 году Ю. В. Титовым, им же частично раскопан в 1971–1972 годах (72 кв. м)³.

На стоянке обнаружены фрагменты от четырех энеолитических пористых сосудов типа Оровнаволок и фрагменты минимум от 14 сосудов, которые по своим признакам относятся к эпохе бронзы, что подтверждено датой по нагару с одного из слегка профилированных сосудов со штрихованной поверхностью (рис. 6: 1). Полученная для сосуда со стоянки Нива III дата 1745–1540 лет до н. э. (3338 ± 26 , Hela-4910) близка интервалу серии радиоуглеродных дат со стоянки Вирднееярви с керамикой типа Пасвик, исследованной на севере Норвегии (2031–1566 лет до н. э. (3490 ± 80 , T-6860), 2201–1831 лет до н. э. (3650 ± 60 , T-6861), 1895–1296 лет до н. э. ($3300 \pm$

120, T-6859), 1919–1536 лет до н. э. (3430 ± 70 , T-7386), 1892–1544 лет до н. э. (3430 ± 60 , T-7387)) [16: 89].

Посуда эпохи бронзы на стоянке Нива III, за исключением одного сосуда, изготовлена с примесью асбеста. Помимо данной добавки во всех сосудах заметны продолговатые поры, видимо, от выгоревшей шерсти или волоса. Венчики сохранились у 14 сосудов. У 12 венчиков край плоскосрезанный, у двух – скругленный. Шесть венчиков прямые, семь – слегка отогнуты, один – имеет заметный отгиб наружу. Два венчика орнаментированы: один оттисками гребенки, другой – нарезками. Сохранились фрагменты округлых доньшек минимум от шести сосудов. Вероятно, вся посуда эпохи бронзы со стоянки Нива III была круглодонной. Внешняя поверхность стенок девяти сосудов покрыта штриховкой, выполненной гребенчатым штампом (рис. 6). У пяти сосудов, от которых сохранились лишь небольшие фрагменты венчиков, характер обработки стенок установить не удалось, но и они, по-

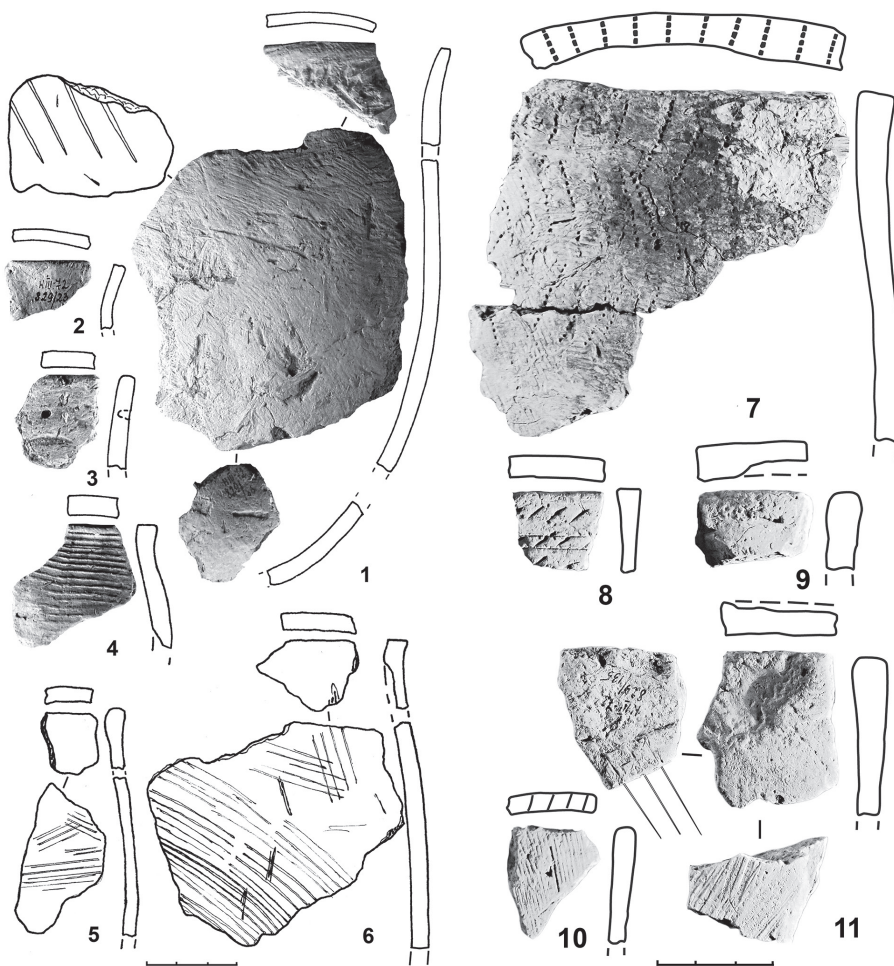


Рис. 6. Асбестовая керамика типа Пасвик со стоянки Нива III

Figure 6. Asbestos Pasvik-type pottery from the Niva III site

видимому, были покрыты штриховкой. Пять сосудов украшены в верхней части, остальная посуда не имеет орнамента. Один сосуд у венчика орнаментирован рядом из редко расставленных небольших ямок (рис. 6: 3). На втором сосуде между тонкими горизонтальными линиями размещены оттиски гладкого штампа, напоминающие ногтевидные вдавления (рис. 6: 8). Третий сосуд орнаментирован оттисками гребенчатого штампа, образующими у венчика вертикальный зигзаг (рис. 6: 7). Два сосуда украшены тонкими нарезками, сгруппированными под углом друг к другу (рис. 6: 1, 11).

На стоянке обнаружен многочисленный каменный инвентарь, часть которого, изготовленная из мелкозернистого кварцита, не имеет аналогий на памятниках с керамикой типа Оровнаволок и может быть связана с асбестовой штрихованной керамикой: треугольный наконечник стрелы с прямой базой, обломок наконечника стрелы с пильчатой ретушью и др.

Комплексы керамики эпохи бронзы типа Ловозеро известны на севере Норвегии [16], Финляндии [15] и в северной и центральной частях Кольского полуострова [9]. Чистые комплексы подобной посуды на стоянках региона малочисленны, сосудов на них обнаружено немного.

Для сопоставления керамики эпохи бронзы, обнаруженной на стоянке Нива III, с посудой типа Ловозеро нами использован комплекс керамики со стоянки Нерпичья Губа, исследованной Н. Н. Гуриной на севере Кольского полуострова, в районе бухты Дроздовка (см. рис. 1) [3: 49–56]. На этом поселении выделяется не менее 44–45 сосудов типа Ловозеро. Венчики не имеют по верхнему краю заметного утолщения, разделяются по оформлению края верхнего среза: округлые (10), прямосрезанные (31), скошенные внутрь (4). Большая часть посуды непрофилированная, лишь у трех сосудов венчики слегка отогнуты. Найдены обломки минимум шести округлых донышек. Судя по другим придонным частям, вся посуда типа Ловозеро со стоянки Нерпичья Губа была круглодонной. Орнаментирован всего один венчик – неглубокими ямками. Стенки гладкие у 44 сосудов, на одном сосуде (с отогнутым венчиком) на внешней стороне заметна штриховка гребенчатым штампом. Один слегка профилированный сосуд со штрихованной поверхностью, найденный на стоянке Нерпичья Губа, обладает явными признаками типа Пасвик. Примеси разнообразны: дресва (талык?) и шерсть (волос?) (23), дресва (талык?) и неопределенная органика (1), дресва (талык?) (2), талык и шерсть (волос?) (12), асбест и шерсть (волос?)

(5), асбест (2). Керамика типа Ловозеро со стоянки Нерпичья Губа отличается от посуды со стоянки Нива III не только составом примесей, но их большим разнообразием. Без орнамента 20 сосудов. Остальная посуда с Нерпичьей Губы украшена в верхней части следующими композициями: горизонтальные ряды гладкого (ногтевидного) штампа (13) (рис. 7: 3, 5); горизонтальные прочерченные линии (10) (рис. 7: 1, 2, 4), в двух случаях обрамленные в нижней части рядом из наколов-ямок (рис. 7: 1), в одном случае чередующиеся с рядами мелких ямок-наколов (рис. 7: 2); зигзагообразная полоса из ямок-наколов (рис. 7: 6); группы вертикальных рядов из ямок (рис. 7: 7).

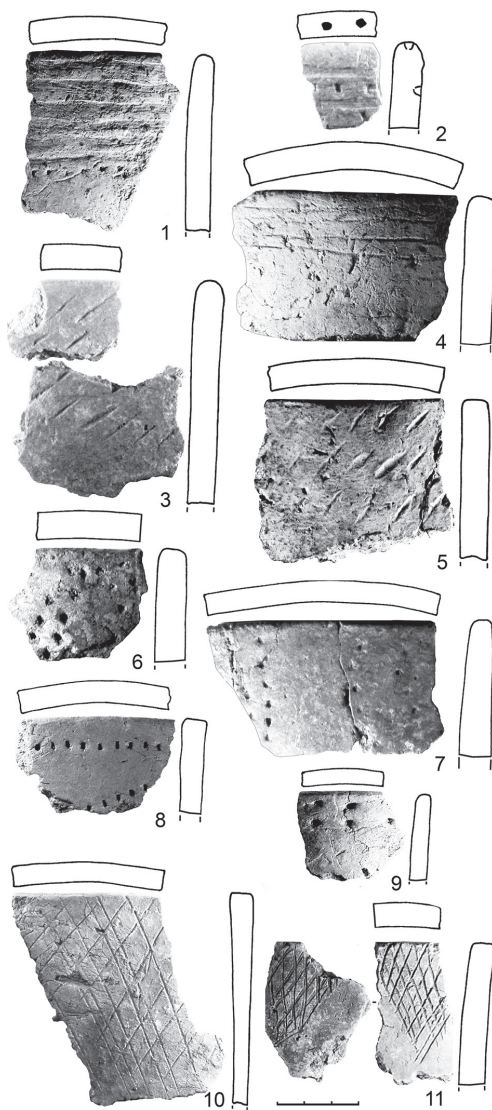


Рис. 7. Керамика типа Ловозеро со стоянок Кольского полуострова. 1–7 – стоянка Нерпичья Губа, 8 – Нижняя Салма, 9 – Мыс Семерка, 10 – Маяк II, 11 – Ловозеро V
Figure 7. Lovozero-type pottery from the archaeological sites of the Kola Peninsula. 1–7 – Nerpichya Guba, 8 – Nizhnyaya Salma, 9 – Cape Semyorka, 10 – Mayak II, 11 – Lovozero V

На других стоянках Кольского полуострова (Маяк II, Ловозеро I–V, Мыс Семерка, Северная Салма и др.) на керамике типа Ловозеро представлены иные варианты композиций из перекрещивающихся тонких линий (рис. 7: 10, 11) и ямок (рис. 7: 8, 9). Имеются и иные редкие варианты композиций, украшающих верхнюю часть сосуда типа Ловозеро [3: рис. 42: 1; 47: 10].

Для керамики типов Ловозеро и Пасвик Кольского полуострова, несмотря на довольно существенные различия в форме венчиков, орнаментации, обработке поверхности, характерно наличие ряда общих черт: круглодонность подавляющей части сосудов; использование в качестве примеси волоса; частое применение примеси волокнистых минералов, в том числе асбеста; орнаментация только верхней части сосудов; венчик без заметного утолщения по верхнему краю.

Наличие признаков типов Ловозеро и Пасвик на одном сосуде, наблюдаемое иногда на памятниках Кольского полуострова, может быть связано не столько с трудностями в классификации посуды с бедным набором типобразующих черт, как полагает К. Карпелан [15: 34], сколько с взаимовлиянием двух керамических традиций разных в культурном отношении групп населения, живущих в пределах довольно небольшого по площади региона Северной Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дата, полученная для асбестовой керамики типа Войнаволоков со стоянки Падань I, подтверждает высказанное ранее А. М. Жульниковым и А. Ю. Тарасовым предположение, что начало массового распространения асбестовой керамики и, вероятно, самого волокнистого минерала за пределы зоны асбестоносности (территории Балтийского щита) совпадает с возникновением в южной части Карелии нового типа керамики геометрического стиля Войнаволоков [7]. Примесь асбеста в данном случае, как нами уже было отмечено, видимо, имела не технологическое, а символическое значение. Это явление хронологически совпадает с резкой интенсификацией на Севере Европы процессов обмена рубящими орудиями из метатифа и сланца, изделиями из кремня, лидита, плитчатого сланца, красного шифера, меди, украшениями из янтаря [7: 31].

На начальной стадии формирования асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков на западном побережье Онежского озера появляются огромные специализированные стоянки-мастерские, где древними жителями

Карелии не только было налажено многоступенчатое, можно сказать ремесленное, производство рубящих орудий русско-карельского типа из метатифа, но и, скорее всего, происходил обмен различными изделиями и материалами, в том числе асбестом и посудой с примесью этого волокнистого минерала [11].

Финальная стадия существования поселений с асбестовой керамикой типа Оровнаволоков на территории Карелии и сопредельных регионов, судя по полученной дате со стоянки Деревянное XVI, относится к концу первой половины III тыс. до н. э. Появление первых признаков влияния культуры шнуровой керамики на асбестовую посуду Карелии (тип Палайгуба), исходя из полученных данных о датировке типа Оровнаволоков, можно отнести ко времени не ранее середины III тыс. до н. э., то есть примерно на два-три столетия позднее начала миграции нового скотоводческого населения в восточную часть побережья и прилегающих районов Финского залива [8].

Асбестовая керамика типа Палайгуба, насколько можно судить по совокупности полученных и имеющихся дат, существует на территории Карелии и Кольского полуострова довольно продолжительное время, вплоть до начала эпохи бронзы (начало II тыс. до н. э.).

Датированные фрагменты позднеэнеолитической керамики типа Палайгуба, обнаруженные на стоянках Укшезеро I и Верховье IV, удаленных друг от друга всего на 1,5 км, обладают целым рядом сходных признаков: по форме сосудов, их размерам, толщине стенок, примеси, а форму оттисков двузубого штампа, из которых составлен орнамент на сосудах, можно признать абсолютно сходной (см. рис. 5). Не исключено, что оба сосуда с этих стоянок были изготовлены одним человеком или членами близкородственной группы древних людей. Косвенно подтверждает этот вывод и полное совпадение датировок, полученных по нагару с этих сосудов.

Рассматривая распространение керамики типов Ловозеро и Пасвик на территории Кольского полуострова, следует отметить, что данные группы керамической посуды, судя по имеющимся радиоуглеродным датировкам, отчасти синхронны, относятся к эпохе бронзы. На поселениях этого периода на побережье Баренцева моря (север Кольского полуострова), по нашим данным, преобладает посуда, которую можно отнести к типу Ловозеро. На стоянках в центральной части региона соотношение числа сосудов типов Ловозеро и Пасвик примерно равное. На юге Кольского полуострова, как свидетельствуют материалы сто-

янки Нива III, в эпоху бронзы доминирует штрихованная асбестовая керамика типа Пасвик. Эта ситуация отчасти напоминает характер распространения двух типов асбестовой керамики эпохи бронзы на севере Норвегии, где посуда типа Ловозеро характерна для приморских и материковых поселений, тогда как сосуды типа Пасвик

обычны лишь для внутриматериковых районов [16: 53–54]. Отметим, что выявление хронологических, локальных особенностей асбестовой керамики эпохи бронзы типов Пасвик и Ловозеро на территории Фенноскандии не может быть решено в рамках данной статьи и требует дальнейшего специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На стоянках в южной части Карелии известны единичные сосуды с примесью асбеста, которые, видимо, появляются здесь на рубеже эпохи бронзы – в начале раннего железного века. В эпоху раннего железного века на территории Карелии в керамике вновь в широких масштабах используется примесь асбеста.
- ² Впервые информация о наличии штрихованной асбестовой керамики типа Пасвик на территории Кольского полуострова была представлена А. М. Жульниковым на конференции «История и предистория саамов», состоявшейся в 2008 году в Санкт-Петербурге. Кроме того, сведения о наличии на территории Кольского полуострова «нетипичной» керамики типа Ловозеро, выделяющейся профилировкой верхнего края и штриховкой внешней поверхности сосудов, содержатся в выпускной квалификационной работе 2022 года студента Санкт-Петербургского университета А. Г. Селина «Керамика типа Ловозеро (2000–700 л. до н. э.) на памятниках Кольского полуострова».
- ³ Титов Ю. В. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР в 1971 г. Петрозаводск, 1972 // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 263, 264; Титов Ю. В. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР в 1972 г. Петрозаводск, 1973 // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. № 294, 295.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анпилов А. В. Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в центральной части Кольского полуострова // Советская археология. 1981. № 1. С. 266–274.
2. Герасимов Д. В., Жульников А. М., Холкина М. А. О назначении асбеста при изготовлении керамики в неолите – энеолите Восточной Фенноскандии // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. С. 84–97.
3. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 240 с.
4. Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1994. С. 63–69.
5. Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. 224 с.
6. Жульников А. М. О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 188–203.
7. Жульников А. М., Тарасов А. Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков // Российская археология. 2021. № 4. С. 21–34.
8. Крийска А., Нордквист К. Эстонская культура шнуровой керамики (2800–2000 кал. лет до н. э.) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2021. С. 56–71.
9. Мурашкин А. И., Карпелан К. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 200–207.
10. Нордквист К., Мёккёнен Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита – энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Т. 11. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2018. С. 39–68.
11. Тарасов А. Ю. Индустрия рубящих орудий русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе: особенности производства и распространения // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. С. 111–139.
12. Холкина М. А., Гусенцова Т. М., Герасимов Д. В. Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Вып. 16. М.: Ин-т археологии РАН, 2020. С. 49–60.
13. Холкина М. А., Жульников А. М., Муравьев Р. И. Экспериментальное моделирование сосудов с примесью асбеста и органики // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. С. 98–110.

14. Bronk R. C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51 (1). P. 337–360.
15. Carpelan C. Environment, archaeology and radiocarbon dates. Notes from the Inari region, Northern Finnish Lapland // *Iskos 13. Early in the North*. Helsinki: The Archeological Society of Finland and Finnish Antiquarian Society, 2004. P. 17–45.
16. Jorgensen R., Olsen B. Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge 2100 f. kr. – 100 e. kr. *Tromsø* № 13. Tromsø, 1988. 92 p.
17. Palonen V., Tikkanen P. A novel upgrade to Helsinki AMS: Fast switching of isotopes with electrostatic deflectors // *Nuclear Instruments & Methods in Physics Research*. 2015. B 361. P. 263–266.
18. Reimer P. J. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62. P. 725–757.
19. Zhulnikov A., Tarasov A., Kriiska A. Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with asbestos and porous ware – probable result of “reservoir effect”? // *Fennoscandia Archaeologica*. 2012. Vol. XXIX. P. 76–83.

Поступила в редакцию 21.11.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Tatyana M. Gusentsova, Cand. Sc. (History), Research Associate, “Nasledie” Institute (St. Petersburg, Russian Federation)
ddut@mail.ru

Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

NEW DATA ON DATING ENEOLITHIC AND BRONZE AGE ARCHAEOLOGICAL SITES WITH ASBESTOS POTTERY IN THE TERRITORY OF NORTHWEST RUSSIA

Abstract. The article presents the results of the radiocarbon dating of samples from archaeological contexts of ancient settlements in Karelia, Leningrad, Vologda, and Murmansk regions, obtained with the AMS (accelerated mass-spectrometry) method. Using asbestos as a temper in clay mass for making pottery is a unique cultural phenomenon of the ancient population of Northern Europe. Several types of pottery with asbestos temper that differ in ornamentation, morphology, and making technology and date to the Eneolithic and the Bronze Age are known in the north-western part of Russia. Thus, several culturally and probably ethnically different groups of people lived in this territory. Studies on the specifics of the cultural interaction and intercultural influences of these groups are possible only with the well-developed chronology of pottery types development, which determines the relevance of the conducted research. The article is the first publication of archaeological materials from the contexts that provided the radiocarbon dated samples.

Key words: asbestos pottery, radiocarbon dating, Eneolithic, Bronze Age

Acknowledgements. The article was written as part of the project “The phenomenon of asbestos ware in pottery traditions of Eastern Europe: making and using technology, structure of interregional contacts” (No 19-18-00375) supported by the Russian Science Foundation. The authors express their deep gratitude to Kristiina Mannermaa, Professor of the University of Helsinki (Finland), for her help in organizing and conducting the dating the samples presented in the article.

For citation: Gusentsova, T. M., Zhulnikov, A. M. New data on dating Eneolithic and Bronze Age archaeological sites with asbestos pottery in the territory of Northwest Russia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.847

REFERENCES

1. Anpilov, A. V. Classification of pottery from the settlements in the Voron'ya River basin in the central part of the Kola Peninsula. *Soviet Archaeology*. 1981;1:266–274. (In Russ.)
2. Gerasimov, D. V., Zhulnikov, A. M., Kholkina, M. A. The purpose of using asbestos for pottery making in Neo-Eneolithic Eastern Fennoscandia. *Prestige economy of the primitive society*. Petrozavodsk, 2022. P. 84–97. (In Russ.)
3. Gurina, N. N. The history of culture of the ancient population of the Kola Peninsula. St. Petersburg, 1997. 240 p. (In Russ.)
4. Gusentsova, T. M., Andreeva, N. A. The results of studies of the Stone Age archaeological sites in the north-eastern districts of the Leningrad Region. *Tver archaeological collection*. Tver, 1994. Vol. 1. P. 63–69. (In Russ.)
5. Zhulnikov, A. M. The Eneolithic Age of Karelia (the sites with porous and asbestos-tempered ceramics). Petrozavodsk, 1999. 224 p. (In Russ.)
6. Zhulnikov, A. M. Contacts between the populations of Chirkovskaya and asbestos-tempered Palayguba ceramics. *The Volga River Region Archaeology*. 2022;3(41):188–203. (In Russ.)

7. Zhulnikov, A. M., Tarasov, A. Yu. On the origin and chronology of the asbestos-tempered pottery with the geometric style of decoration of Vojnavolok type. *Russian archaeology*. 2021;4:21–34. (In Russ.)
8. Kriiska, A., Nordqvist, K. Estonian corded ware culture (2800–2000 cal. BC). *Tver archaeological collection*. Tver, 2021. Vol. 12. P. 56–71. (In Russ.)
9. Murashkin, A. I., Carpelan, C. Periodization of the Early Metal Epoch of the Kola Peninsula based on pottery studies. *Issues of periodization and chronology in the archaeology of the Early Metal Epoch of Eastern Europe: Proceedings of the research conference*. St. Petersburg, 2013. P. 200–207. (In Russ.)
10. Nordqvist, K., Mökkönen, T. New data on the archaeological chronology of Northwest Russia: AMS dates of the Neo-Eneolithic of Karelia. *Tver archaeological collection*. Tver, 2018. Vol. 11. P. 39–68. (In Russ.)
11. Tarasov, A. Yu. Chopping tools of Russian-Karelian type in Karelia an Eastern Europe: specifics of production and distribution. *Prestige economy of the primitive society*. Petrozavodsk, 2022. P. 111–139. (In Russ.)
12. Kholkina, M. A., Gusentsova, T. M., Gerasimov, D. V. Phoenix feather: on a peculiar meaning of asbestos temper in pottery of North-West Russia. *Archaeology of the Moscow Region: Materials of the academic seminar*. Moscow, 2020. Vol. 16. P. 49–60. (In Russ.)
13. Kholkina, M. A., Zhulnikov, A. M., Muravyov, R. I. Experimental modeling of pottery vessels with asbestos and organic temper. *Prestige economy of the primitive society*. Petrozavodsk, 2022. P. 98–110. (In Russ.)
14. Bronk, R. C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*. 2009;51(1):337–360.
15. Carpelan, C. Environment, archaeology and radiocarbon dates. Notes from the Inari region, Northern Finnish Lapland. *Iskos 13. Early in the North*. Helsinki, 2004. P. 17–45.
16. Jorgensen, R., Olsen, B. Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge 2100 f. kr. – 100 e. kr. Tromsø, 1988. 92 p.
17. Palonen, V., Tikkanen, P. A novel upgrade to Helsinki AMS: Fast switching of isotopes with electrostatic deflectors. *Nuclear Instruments & Methods in Physics Research*. 2015;B361:263–266.
18. Reimer, P. J. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*. 2020;62:725–757.
19. Zhulnikov, A., Tarasov, A., Kriiska, A. Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with asbestos and porous ware – probable result of “reservoir effect”? *Fennoscandia Archaeologica*. 2012;XXIX:76–83.

Received: 21 November, 2022; accepted: 26 December, 2022

ИННА ЮРЬЕВНА САВЕНКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений
Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Луганская Народная Республика)
ORCID 0000-0001-5481-5254; inna-savenkova@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТОРГОВЫХ МОНОПОЛИЙ В ПРОТИВОСТОЯНИИ КОРОНЫ И ПАРЛАМЕНТА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ I ТЮДОР

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования определяется тем, что проблема монополизма в современной экономике имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку в ходе реализации своих экономических интересов монополистические образования, как правило, препятствуют развитию рыночных отношений как таковых, создают кризисную ситуацию. В этом отношении целесообразно обратиться к историческому опыту и разобрать примеры решения подобных проблем в прошлом. Целью статьи является рассмотрение одной из ключевых проблем социально-экономического развития Англии во второй половине XVI века – борьбы в парламенте вокруг торговых монополий и патентной политики короны. В ходе исследования установлено, что непосредственной причиной, вынудившей английский парламент вынести вопрос о монополиях на широкое обсуждение, стали многочисленные злоупотребления владельцев патентов. Последнее вызвало многочисленные жалобы со стороны тех купцов, кто в силу различных обстоятельств не смог получить ту или иную монополию. Дискуссии о вреде монополий продлились с 1597 по 1601 год, когда на рассмотрение палаты общин поступил антимонопольный билль, а королева Елизавета I издала соответствующую прокламацию, в которой отказалась от права выдавать монополии в будущем. Показано, что в итоге парламент не решился посягнуть на прерогативу короны выдавать патенты купцам и не принял соответствующий документ. Положение уже существующих монополий осталось прежним.

Ключевые слова: Англия, Тюдоры, монополия, парламент, патент, Британская корона

Для цитирования: Савенкова И. Ю. Проблема торговых монополий в противостоянии короны и парламента в годы правления Елизаветы I Тюдор // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 20–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.848

ВВЕДЕНИЕ

Проблема монополизма в экономике привлекает сегодня пристальное внимание не только специалистов, но и широких слоев населения, поскольку негативные последствия деятельности монополий ощущает прежде всего рядовой потребитель. Она является актуальной, поскольку создание передовой экономики мирового уровня предполагает, помимо прочего, предоставление равных возможностей субъектам хозяйственной деятельности, а также их конкуренцию. Создание же реальных условий для развития цивилизованных рыночных отношений, как представляется, возможно при наличии взвешенной, выверенной системы регулирования государством монополистических процессов и состязательности субъектов хозяйствования. В связи с этим не будет лишним обратиться к примерам разрешения подобных ситуаций в прошлом. В общем контексте анти-

монопольной государственной политики на современном этапе достаточно целесообразным является исторический анализ примеров борьбы вокруг торговых монополий в ведущих европейских странах. Данная статья является попыткой исследовать ход и характер парламентской борьбы вокруг монополий в Англии в годы правления королевы Елизаветы I Тюдор.

Комплекс вопросов, связанных с возникновением и деятельностью монопольных компаний, всегда привлекал значительный интерес в развитых странах мира, что, в свою очередь, обуславливает наличие значительного числа исследований по этой проблематике. Видное место в числе последних занимает история возникновения торговых монополий в Англии, которая была в числе первопроходцев в деле создания капиталистической экономической модели. Наибольшее количество работ, посвященных этой проблеме, принадлежит перу англоязычных

ученых. В работах исследователей из Великобритании, США, Австралии и Канады дискуссия в английском обществе вокруг монополий во второй половине XVI века рассматривается главным образом в контексте парламентской истории Англии. Анализ этих работ позволяет сделать вывод о наличии двух основных вариантов трактовки проблемы борьбы в Англии вокруг предоставления монополий. С одной стороны, такая борьба рассматривается в качестве индикатора тогдашнего состояния английского общества, в котором, несмотря на сохранение уважения к королевской власти, постепенно вызревало негативное отношение к экономическим прерогативам короны. Ввиду этого многие специалисты склонны квалифицировать эту борьбу в качестве вызова парламента конституционной власти Елизаветы I [6], [12], [17], [18]¹.

Иной точки зрения в отношении привилегированного статуса отдельных предпринимателей и объединений придерживаются историки – апологеты монополий. По их мнению, монополии являлись едва ли не единственным условием успешного ведения Англией каких-либо заморских дел или торговли, поскольку давали купцам возможность организовываться самостоятельно, в то время как государство не могло способствовать их деятельности за пределами Англии [8], [9], [10], [11], [20]². Отметим, что наличие настолько полярных точек зрения на указанную проблему было обусловлено прежде всего определенной заангажированностью некоторых исследователей, принадлежавших к политическим династиям, основатели которых в свое время непосредственно принимали участие в борьбе вокруг первых монополий. Характерной чертой зарубежной историографии является анализ обозначенной проблемы без должного учета такого важного, на наш взгляд, аспекта, как борьба за ограничение королевских полномочий в свете развития парламентаризма в Англии, становления общества раннего Нового времени с присущими ему характеристиками.

В советской и современной российской историографии работы, в которых бы непосредственно затрагивались вопросы борьбы вокруг проблемы предоставления монополий и пожалований в Англии второй половины XVI века, практически отсутствуют, хотя некоторые аспекты освещались А. В. Барчуговой, Е. Д. Воробьевой, В. В. Штокмар и О. В. Дмитриевой [1], [7]³. В теоретическом отношении оказались полезными работы В. В. Клочкова, рассмотревшего общие аспекты прерогативных полномочий английской монархии в раннее Новое время [3], [4].

Источниковой базой работы послужили английские публикации официальных государ-

ственных бумаг. К ним относятся, в частности, протоколы заседаний (*official minute books*) обеих палат английского парламента – так называемые парламентские бумаги, материалы о работе последних четырех парламентов Елизаветы I и детальные отчеты о дебатах в палате лордов и палате общин с 1559 по 1601 год⁴. Существенным подспорьем в определении характера обсуждения патентной политики Елизаветы I оказались также материалы многотомной «Парламентской истории Англии», упорядоченной и изданной известным историком английского парламентаризма У. Коббетом⁵.

ДИСКУССИЯ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВОКРУГ ПАТЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ ЕЛИЗАВЕТЫ I В 1597–1601 ГОДАХ

В Англии слово «монополия» впервые упомянуто Томасом Мором в труде «Утопия» (1516) для описания ситуации, сложившейся на рынке шерсти и шерстяных тканей вследствие своеволия скупщиков⁶. В привычном значении это слово встречается в документах 1582 года применительно к деятельности компании купцов-авантюристов, в дальнейшем его широко использовали в парламентской практике для описания системы патентов, выдаваемых королевой Елизаветой I⁷. Упомянутая система была создана при Тюдорах с опорой на феодальное право, согласно которому лорд – владелец манора присваивал привилегию контролировать торговлю, мельницы, выпечку хлеба, а также возникшую в XIV веке практику «покровительственных писем» («*letters of protection*»), призванных стимулировать развитие текстильного дела – новой для Англии отрасли ремесла⁸. Начиная с Генриха VIII Тюдоры стали расширять роль государства в урегулировании социально-экономических отношений в стране. Этой цели изначально служили статуты и прокламации, а с середины XVI века, в связи с колебаниями цен на шерсть и необходимостью реструктурирования экономики, в том числе и путем нововведений, корона стала применять письма-патенты [19: 135].

В годы правления Елизаветы I при активном содействии государственного секретаря У. Сесила (1520–1598) и Тайного совета при королеве торговля, а также промышленность и социальная система были выведены из муниципального подчинения и переданы в ведение государства. Причины подобных изменений, по мнению специалистов, заключались в экономическом развитии страны, основными чертами которого во второй половине XVI века являлись разложение ремесленных гильдий, упадок многих городов, перемещение центров промышленности в сельскую округу в том числе.

Необходимо также принимать во внимание и существенное усиление власти королевы Елизаветы I, опиравшейся на довольно мощную социально-политическую базу. При этом правительство Елизаветы регулировало не только право открывать торговлю, но и условия ведения последней, в том числе и за пределами страны. Определяющую роль в подобного рода делах играли государственные интересы в тогдашнем их понимании – регулирование промышленности (значительное внимание уделялось стимулированию развития ее новых отраслей и закреплению прав на изобретения), рост занятости населения и, прежде всего, обеспечение должного уровня развития внешней торговли [10: 3], [12: 417–420], [17: 17].

Вместе с тем во второй половине XVI века наблюдалось стремительное развитие частной инициативы именно в сфере внешней торговли. Заморская торговля, которая в то время была практически свободной от какого-либо надзора, фактически стала стержнем эпохи первоначального накопления капитала. Одной из особенностей указанного процесса во второй половине XVI века было возникновение крупных торговых компаний вроде Балтийской, Московской, Левантийской, а с 1600 года – Компании купцов Лондона, торгующих с Ост-Индиями. Каждой из таких компаний королевская власть предоставляла хартию (в английской практике того времени по отношению к монополии в каждом конкретном случае употреблялись также термины «патент», «лицензия», означавшие ограниченную монополию), в которой оговаривались монопольные права компании на торговлю в определенной географической зоне, строительство и удержание фортов, возможность иметь вооружения и другое. Наличие в тексте хартии подобных не вполне торговых привилегий объясняется спецификой проникновения в годы правления Елизаветы I английской торговой инициативы в отдаленные районы мира [17: 31]. Поскольку такая корпорация из-за значительного расстояния должна была на местах регулироваться самостоятельно, королева посредством патента делегировала ей часть своих властных полномочий. Кроме того, для организации заморских экспедиций в Англии второй половины XVI века не существовало достаточного единоличного капитала – необходимую сумму можно было собрать, опираясь на объединение нескольких предпринимателей, что и стимулировало возникновение монополий. Вместе с тем очень быстро дали о себе знать многочисленные злоупотребления купцов – членов монопольных компаний, что нашло отражение во взяточничестве, произвольном увеличении цен, создании дефици-

та товаров на внутреннем рынке и др. Последнее не могло не вызвать противодействия со стороны «аутсайдеров» – частных лиц и объединений, которые не являлись участниками привилегированных корпораций. Наиболее остро это противостояние ощущалось в стенах английского парламента.

Впервые вопрос о монополиях был внесен на парламентское обсуждение в 1571 году. К тому времени королева уже десять лет как проводила активную политику выдачи патентов на привилегированную торговлю, основными соображениями, которые побуждали ее к этому, являлись как необходимость поддержания деятельности государственного механизма с помощью налогов и пошлин, так и возможность пополнения личной казны за счет «добровольных подарков» от желающих получить патент. В числе последних, как правило, были фавориты королевы либо члены королевского двора. Это обстоятельство, конечно же, не могло не раздражать отдельных, менее удачливых представителей английских торговых кругов. Их мнение в некоторой мере озвучил на заседании палаты общин депутат Роберт Белл (?–1577), раскритиковавший деятельность поставщиков королевского двора за то, что «благодаря лицензиям незначительное меньшинство обогатилось, а большинство разорилось». Непосредственным толчком для этого первого зафиксированного в парламентских документах столкновения вокруг вопроса о монополиях стал парламентский конфликт между сторонниками пуритан и католиков по поводу религиозного билля. Сразу же после этого вниманию разгоряченных полемикой депутатов был представлен билль о патентах, получивший резко отрицательные отзывы⁹. Роберт Белл был вынужден выслушать ряд замечаний от присутствовавших на заседании общин членов королевского Тайного совета. Точку в споре поставила королева, которая в попытке упредить новую волну критики ее патентной политики пообещала «принимать заявки на лицензии с осторожностью, как это было и будет» [15: 202, 238].

Почему же Елизавета I в своей практической деятельности проигнорировала мнение парламентариев? Право выдавать патенты относилось к числу королевских прерогатив, поскольку, согласно средневековой традиции, корона считала себя единственным покровителем различного рода новшеств, внедряемых в хозяйственную жизнь королевства¹⁰. При этом, однако, прерогативное право предоставлять монополии ограничивалось общим правом, требовавшим от монарха не нарушать интересы широких слоев общества, закрепленные в Великой хартии воль-

ностей. Те же монополии, которые ограничивали свободы населения Англии, считались незаконными¹¹. Но королева Елизавета I была уверена, что ее положение и неограниченная власть позволяют раздавать патенты по собственному усмотрению. Как следствие, она злоупотребляла прерогативой, что и привело к конфликту с парламентом, следовавшим еще со времен Генриха VIII норме, согласно которой монарх и подданные подчиняются одному и тому же праву [9: 35]. Иными словами, применение королевских прерогатив в данном случае противоречило общему праву. Разногласия подогревались тем, что Елизавета часто пользовалась правом вмешиваться в парламентскую жизнь, вотируя билли. Так, за время работы девяти парламентов королева наложила вето на 72 билля, поскольку, по ее мнению, парламенту «следовало вмешиваться и хорошо разбирать лишь те дела, которые им предлагают на обсуждение и которые затрагивают дела Содружества» (под термином «Содружество» в данном случае следует понимать государство) [14: 39], [15: 199].

Второй раз вопрос о монополиях поднимался в парламенте уже следующего созыва: в январе 1580 года там читался билль об усложнениях в торговле. Однако в этом случае, как и ранее, билль остался всего лишь проектом закона. Королева же продолжила раздавать патенты, поясняя свои действия государственной пользой. Тем не менее экономическое положение Английского королевства к 1590-м годам в значительной степени усложнилось, что вызвало поток жалоб в законодательный орган страны по поводу патентной политики короны.

В 1597 году парламент снова обратился к этому вопросу [1: 275]. Королева всегда полагала, что подобные «государственные вопросы» следует рассматривать в палате общин, куда поступали жалобы, в том числе и на монополии, поскольку это затрагивало королевскую прерогативу. Соответственно, на заседании 7 ноября 1597 года депутат Фрэнсис Мур (1559–1621) представил вниманию парламентариев свои соображения «относительно различных гнусностей, порожденных патентами или привилегиями... а также злоупотреблений». По его мнению, следовало обратиться к королеве за разъяснениями. Эта инициатива нашла поддержку у депутатов, но, к сожалению, ответы секретаря королевы – сына У. Сесила – Р. Сесила (1563–1612), занявшего пост в 1596 году и использовавшего свое положение с тем, чтобы влиять на принятие решений в парламенте, а также генерального стряпчего Томаса Флеминга (1544–1613) не были записаны, хотя из более поздних материалов известно, что они, вероятно, выступили против, как были

против предложения Френсиса Гастингса (1545–1610) назначить комитет и обстоятельно изучить дело¹².

На заседании 9 ноября палата общин все же назначила комитет, задачей которого являлось рассмотрение отдельных вопросов в отношении монополий, патентов и привилегий. Однако депутаты не решились открыто пойти против прерогатив короны. По словам присутствовавшего на заседании парламента Р. Сесила, «день выдался очень тяжелым», и дело о монополиях было отложено до следующего раза. Отметим, что промедление с вынесением окончательного решения относительно жалоб, вызванных деятельностью монополий, на то время вообще являлось характерным для общего хода заседаний палаты общин. При этом продолжительность решения вопроса напрямую зависела от остроты дебатов¹³. Наконец, после длительного обсуждения двух законопроектов, вынесенных на рассмотрение еще в ноябре, на заседании 14 декабря 1597 года депутаты палаты общин отметили значительное количество злоупотреблений со стороны монополистов и пришли к выводу о целесообразности прекращения предоставления каких-либо патентов в будущем¹⁴. Несмотря на избранную Р. Сесилом тактику затягивания времени, его брат Томас Сесил (1542–1623) предложил подготовить проект петиции к Елизавете с просьбой разобрать дело. Но и в этот раз каких-либо юридических последствий решение депутатов не имело – на итоговое заседание парламента прибыла королева и пообещала дать ответ на запрос депутатов. 9 февраля 1598 года палата общин получила королевский ответ на антимонопольную петицию с обещанием, что «их (монополии. – И. С.) все следует изучить, придерживаясь при этом судебной процедуры и положений закона» [15: 197–207, 242]. Королева вежливо упрекала палату общин в самонадеянности, намекая на собственный высокий статус и связанное с ним право предоставлять патенты:

«Что касается монополий, Ее Величество надеется на то, что ее покорные и любящие подданные не отнимут у нее прерогативу – лучший цветок в ее саду и жемчужина в ее короне и диадеме... и предпочтут оставить это на ее усмотрение... она же обещает рассмотреть все патенты, придерживаясь права» [16: 242].

После чего королева выдала еще 30 патентов. Королевский двор не считал возможным реагировать на замечания парламента о негативных последствиях предоставления монополий, поэтому в 1601 году этот вопрос снова вошел в повестку дня палаты общин. В отличие от предыдущих парламентов, теперь на заседаниях присутствовали известные в то время юристы, напомним-

шие парламентариям об их привилегии аннулировать выданные короной патенты. В качестве примера был приведен случай, имевший место в годы правления Эдуарда III, когда парламент отказался признать выданный королем патент на производство сладкого вина. Как следствие, билль под названием «Акт, в котором разъясняется общее право по делам писем-патентов» прошел первое чтение на заседании 20 ноября, когда после быстрой подачи дело по предложению спикера было решено передать в соответствующую комиссию. Однако общины подняли шум, потому что у билля нашлись противники, не желавшие каких бы то ни было обсуждений. Причиной последнего было прежде всего нежелание депутатов устраивать громкий скандал в связи с прерогативами королевской власти. И хотя монополии однозначно воспринимались депутатами как зло и опасность для подданных Ее Величества, никто из присутствовавших все же не имел намерений каким-либо образом ограничивать королевские права либо высказывать неприязнь к монарху из-за пожалований¹⁵.

Дискуссия вокруг роли монополий в английской экономике в ходе этой парламентской сессии длилась довольно долго – депутаты не единожды указывали на злоупотребления в торговле, вызванные выдачей патентов на продажу алкогольных напитков и уксуса в том числе. Так, депутат Ф. Бекон (1561–1626) в ходе своего выступления привел детальную классификацию монополий, охарактеризовал их природу и указал на степень негативного влияния этих образований на развитие внутренней и внешней торговли Англии и Британских островов в целом. Его выступление завершилось словами:

«...Природа этих монополий, что вызывают недовольство, такая разнообразная... Если судьи (члены специальной комиссии. – И. С.) действительно найдут эти привилегии полезными для Содружества (государства. – И. С.), то позволяя их, иначе это следует запретить»¹⁶.

Со временем высказывания против предоставления монополий приобрели более резкий характер – теперь уже осуждалась практика «добровольных подарков» королеве в качестве благодарности за получение патента. Так, депутат палаты общин Лоуренс Хайд (1562–1641), член парламентского комитета, в качестве примера привел случай собственника патента на сладкое вино, из-за которого парламентарий угодил бы за решетку, если бы не уплатил 500 ф. ст. в королевскую казну. Также он указал на два патента, которые предоставляли любые привилегии вопреки статутам королевства. Некоторые из докладчиков неоднократно обращали внимание

палаты на то, что после заседания парламента в 1597/98 году королева не разобрала ни одного патентного дела, а, наоборот, предоставила новые привилегии¹⁷. Последнее вызвало в палате общин довольно широкий резонанс, депутаты долго шумели, так что секретарю Р. Сесилу даже пришлось выступить с нравоучительными словами и успокоить присутствующих.

Таким образом, в 1601 году вопрос о монополиях в отношениях Елизаветы I и ее парламента достиг апогея. Среди обвинений, которые звучали в адрес королевской власти по поводу предоставления монополий, можно выделить несколько главных моментов: королева отдает доходы государства в частные руки; акт о монополии является самым опасным для государства и самым ненавистным для подданных; монополии являются источником многочисленных злоупотреблений и вреда; монополии тормозят развитие торговли, поскольку те купцы, которые не входят в эти привилегированные объединения, опасаются вести собственную торговлю¹⁸. При этом мнения парламентариев в отношении возможности окончательного прекращения упомянутого нарушения государственных интересов разделились: некоторые, как, например, У. Рели (1554–1618) – фаворит королевы (имел патент на производство вина), отстаивали за короной исключительное право предоставления монополий и недопустимость вмешательства парламента в эти дела. По их мнению, корона имела беспрекословное право распоряжаться своими привилегиями либо расширять их по своему усмотрению. Основу этой группировки составляли представители придворных кругов, которые уже получили хартии на монопольную торговлю, а потому зависели от милости и поддержки королевы. Однако большинство членов палаты общин, которая состояла из представителей тех торговых кругов, которые хотели и власти, и богатства, но из-за наличия привилегированных конкурентов не могли реализоваться, требовали непосредственной ликвидации монополий¹⁹.

Констатируя безоговорочный факт попустительства короны монополиям путем выдачи патентов на что угодно, эти депутаты в качестве главного аргумента указывали на негативное влияние на экономику королевства, вызванное стремительным увеличением списка монополий²⁰. Основной проблемой, которую отмечали практически все докладчики, являлся непривычный рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, которые продавались именно монополиями. Как следствие, росли цены на сырье, из которого эта продукция производилась.

Дебаты о вреде монополий продолжались в течение шести дней. Парламент должен был решить довольно непростую дилемму: найти самый удобный путь к разрешению жалоб, которые возникли из-за патентной политики королевы, и не задеть при этом королевские prerogatives. Таким образом, на повестке дня стоял вопрос: каким образом завершить обсуждение – принятием соответствующего билля или петиции?²¹ В первом случае речь шла о единоличном разрешении парламентом проблемы монополий, а в другом – только о попытке согласовать возможное разрешение этого вопроса с короной. По этому поводу выступил Р. Сесил, подытоживший результаты дискуссии и указавший на ее, как представляется, истинную природу: фактически вопрос о монополиях являлся частью более масштабной проблемы – полномочий королевской власти и борьбы англичан со злоупотреблениями со стороны этой власти²². Однако открытого наступления с тем, чтобы ограничить prerogatives короны, на этом заседании не было. Общины решили пойти путем компромисса, что нашло отражение в петиции с изложением основных жалоб и просьб, которая и была адресована королеве.

В связи с вышеизложенным не вполне понятно, почему при наличии в парламенте значительного числа последовательных противников монополий и множества неопровержимых доказательств вредоносности подобного рода образований для экономики Англии высший представительский орган этой страны не воспользовался в полном объеме своими полномочиями и не ликвидировал упомянутую угрозу государственным интересам. Как представляется, ответ на этот вопрос может дать исследование, с одной стороны, характера взаимоотношений между парламентом и королевой, а с другой – баланса сил тех слоев английского общества, которые формировали сам парламент.

Следует отметить, что возникновение парламентской дискуссии по экономическим и правовым проблемам (к тому же с ярко выраженным политическим подтекстом, поскольку речь идет о королевских prerogatives) в целом стало возможным вследствие активной идейно-политической борьбы, которая продолжалась в Англии в середине XVI века и причиной которой стал в основном поиск тогда еще молодой английской буржуазией путей утверждения в английском обществе [2: 153], [5: 141]. Но, даже имея идейное оружие в виде многочисленных трудов английских гуманистов, тогдашняя буржуазия еще не имела достаточного веса в обществе для отстаивания собственных интересов, а значит, могла рассчитывать на поддержку королев-

ской власти. Это обстоятельство, наряду с наличием в палате общин определенного количества депутатов, связанных с монополиями и, как следствие, заинтересованных в дальнейшей деятельности этих образований, на наш взгляд, являлось надежным «предохранителем» от принятия парламентом радикальных решений.

Кроме того, в английской политической практике в целом были довольно сильны традиции, в частности преимущественное право короны предоставлять купцам широкие торговые привилегии, установленное еще во времена правления короля Иоанна Безземельного (1167–1216) в Великой хартии вольностей (1215)²³. Вследствие этого антимонопольная кампания воспринималась королевой Елизаветой как попытка парламента посягнуть на извечные священные права короны [17: 11–13]. Так, в 1597 году, выступая в парламенте, королева деликатно намекнула депутатам на то, что они вмешались не в свое дело, пообещала разобраться со всем и отозвать связанные со злоупотреблениями патенты. Однако взамен на протяжении четырех лет, которые прошли с момента закрытия парламента, королева не только не отозвала ни один патент, но и, как уже было сказано, выдала новые [1: 275]. Впрочем, причуды королевы уступили место трезвому расчету, поскольку в ходе уже упомянутой парламентской сессии 1601 года стало понятно, что своими действиями палата общин может вызвать раскол в обществе [16: 363, 370, 386, 387–388]. Возможно, принятие парламентом антимонопольного билля привело бы к противостоянию непосредственно сторонников и противников монополий по всей стране, что в значительной степени подорвало бы основы королевской власти [16: 380, 392]. В подобных условиях Елизавета решила опередить возможную инициативу палаты общин. В начале ноября 1601 года она сообщила парламенту о своем намерении расследовать связанные с монополиями злоупотребления и с этой целью вызвала к себе спикера. 28 ноября 1601 года она подписала прокламацию, ликвидировавшую монополии, и отказалась от их предоставления в будущем²⁴. Вечером 30 ноября 1601 года во дворце Уайтхолл королева устроила для депутатов прием, на котором присутствовали 140 членов парламента и спикер. Они заполнили приемную и встречали королеву, стоя на коленях. Именно здесь Елизавета произнесла публичную речь, широко известную в исторической традиции как «Золотая речь». На наш взгляд, более уместным является иное понятие, которое широко используется в отношении этого выступления в английской историографии, – «Прощальная речь» (Farewell speech), поскольку

фактически речь шла о сдаче королевской властью существенных позиций. Превращение же этой речи в «золотую» является полной заслугой самой королевы, которая сумела превратить капитуляцию в «золотые слова», суть которых можно свести к следующему:

«...я больше не приложу своей руки ни к одному патенту, но я это делала ради процветания моих подданных, а также ради выгоды некоторых из моих старых слуг, которые это заслужили, но мои пожалования не могут приносить вред моему народу. Наше королевское величество не выдержит того, чтобы наши пожалования оказались тяжкими для народа, а притеснение превратилось бы в привилегированное занятие вследствие наших патентов. Когда я услышала об этом, то не находила себе места, пока не исправила положение вещей... Господин Спикер, я заверяю Вас в своем желании того, чтобы все ошибки и неприятности, доставленные этими мошенниками и негодяями, которые недостойны называться моими подданными, не остались без заслуженного наказания... Господин Спикер, передайте Палате от меня, что я буду искренне благодарной, когда настоящие знания об этом деле дойдут от меня к ним» [16: 180, 203–204, 242].

После парламент получил соответствующую прокламацию королевы, на законодательном уровне закрепившую данные Елизаветой обещания и лишившую ее пожалования законной силы [12: 406].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в целом патентная политика королевы Елизаветы I Тюдор носила системный государственный характер. Она была призвана стимулировать темпы роста экономики королевства, капиталовложения и предпринимательство, занятость бедноты. При этом, однако, выдача монопольных патентов стала источником доходов короны, поскольку за приобретение патента необходимо было платить. Рост количества моно-

полий наблюдался в 1580-х годах, а уже к 1590-м дали о себе знать отрицательные последствия подобной политики. Патенты в одностороннем порядке одобрялись короной с опорой на прерогативы последней, что не могло не спровоцировать конфликт между Елизаветой I и парламентом, считавшим монополии вредоносными для королевства. В итоге парламент сумел добиться от короны должных результатов, даже не прибегая к небезопасному посягательству на права последней, что вполне могло произойти вследствие принятия палатой общин антимонопольного билля. Разумеется, прокламация Елизаветы практически ничего не изменила в положении уже существующих монополий – многие из них, как, например, Левантийская или Ост-Индская компании, продолжали свою деятельность еще на протяжении многих десятилетий.

При жизни Елизаветы проблема монополий не была разрешена, и участники конфликта остались при своем во многом благодаря незаурядным способностям королевы и ее качествам как правителя. Однако с повестки дня вопрос не был снят. Конфликт между королевой и парламентом перетек из экономической плоскости в политическую, предполагавшую закрепление полномочий каждого участника процесса. Поэтому при преемнике Елизаветы Якове I в 1624 году был принят Статут о монополиях. Но и это не сняло вопрос с повестки дня.

Важно отметить и то, что связанное с патентной политикой Елизаветы I противостояние можно считать одним из предвестников тех социальных потрясений, которые Англия пережила в середине XVII века, к числу причин которых относились и злоупотребления королевской властью, вызванные своеобразным пониманием монархами их прерогатив.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lane Pool R., Hunt W. The Political history of England. L.: Longmans, Green & Co, 1905. 298 p.; Lolme J. L. de, Stephens A. J. The rise and progress of the English Constitution. Vol. I. L.: J. W. Parker, 1838. 1140 p.

² Green J. R. A short history of the English people. L.: Harper and brothers, 1903. Vol. II. 931 p.; Henry Brougham Brougham and Vaux. The British Constitution: Its history, structure and working. L.: Griffin, Bohn and Company, 1861. 459 p.; Hughes P. L., Fries R. F. Crown and parliament in Tudor-Stuart England: A documentary constitutional history. L.: Putnam, 1959. 359 p.; Lane Pool R., Hunt W. The Political history of England. L.: Longmans, Green & Co, 1905. 298 p.; Tanner J. R. Tudor Constitutional Documents: A. D. 1485–1603. Cambridge: University Press, 1951. 636 p.; Фримен Э. Развитие английской конституции с древнейших времен. М.: Тип.-лит. Кушнерева, 1905. 160 с.

³ Барчугова А. В. Политическая борьба в Англии в конце XVI века: Дис... канд. ист. наук. Горький, 1951. 275 с.

⁴ d'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. L.: Printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. 719 p.; Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. 366 p.; Journal of the House of Commons. Vol. I: 1547–1629. L., 1802.; Journal of the House of Lords. Vol. II: 1578–1614. L., 1802.

⁵ Cobbett W. The Parliamentary history of England. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagsaw, 1806. 1518 cls.

- ⁶ Мор Т. Утопия (<http://lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt>).
- ⁷ d'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. L.: printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. P. 547, 554, 646.
- ⁸ Hulme W. The history of the patent system under the prerogative and at common law // The law quarterly review. 1896. Vol. 12. Iss. 45. P. 142.
- ⁹ Journal of the House of Commons. Vol. I: 1547–1629. L., 1802. P. 87.
- ¹⁰ Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Oxford: Printed at the Clarendon Press, 1768. Vol. I. P. 265, 271, 272.
- ¹¹ Coke E. The third part of the institutes of the laws of England: concerning high reason, and other pleas of the Crown, and criminal causes. L.: Printed by W. Rawlings for Thomas Basset, 1680. Vol. III. P. 182.
- ¹² d'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. L.: Printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. P. 554.
- ¹³ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 107–127.
- ¹⁴ Cobbett W. The Parliamentary history of England. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagsaw, 1806. Col. 930.
- ¹⁵ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 172.
- ¹⁶ Там же. С. 173.
- ¹⁷ Там же. С. 174.
- ¹⁸ d'Ewes S. The Journals of all the Parliaments during the reign of Queen Elizabeth. L.: printed for John Starkey at the Mitre in Fleetstreet near Temple-Bar, 1682. P. 28, 37–42, 66, 107.
- ¹⁹ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 176; Journal of the House of Lords. Vol. II: 1578–1614. L., 1802. P. 52.
- ²⁰ Cobbett W. The Parliamentary history of England. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagsaw, 1806. Col. 930.
- ²¹ Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680. P. 176; Journal of the House of Commons. Vol. I: 1547–1629. L., 1802. P. 177.
- ²² Townshend H. Historical collections: or An exact Account of the Proceedings of the four last parliaments of Q. Elizabeth. L.: Printed for T. Basset, W. Crooke, and W. Cademan, 1680, P. 176; Journal of the House of Lords. Vol. II: 1578–1614. L., 1802. P. 184.
- ²³ Памятники истории Англии XI–XIII вв. // Средние века. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 108.
- ²⁴ Cobbett W. The Parliamentary history of England. Vol. I: From Norman Conquest in year 1066 to the year 1803. L.: R. Bagsaw, 1806. Col. 934.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М.: Молодая гвардия, 2004. 275 с.
2. Каменецкий А. Б. Идеино-политическая борьба в Англии в 30-х – 50-х годах XVI в. (К вопросу об идеологической стороне генезиса капитализма) // Средние века. 1976. Вып. 40. С. 135–153.
3. Ключков В. В. Королевская прерогатива в Англии от ее зарождения до начала XVII в. // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. № 6 (143). С. 201–207.
4. Ключков В. В. Прерогативные полномочия английской монархии в раннее Новое время // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2012. № 1 (126). С. 224–228.
5. Мосолкина Т. В. Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (памфлет Дж. Смита «Описание новой Англии») // Средневековый город. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. Вып. 7. С. 140–148.
6. Черчилль У. Британия в новое время (XVI–XVII вв.). Смоленск: Русич, 2006. 416 с.
7. Штокмар В. В. История Англии в средние века. Л.: Изд-во ЛГУ имени А. А. Жданова, 1973. 184 с.
8. Cross G., Geoffrey R. E., Loades D. M., Scarisbrick J. J. Law and government under the Tudors. Cambridge: University press, 1988. 296 p.
9. Dean D. M., Jones N. The parliaments of Elizabethan England. Oxford: Basil Blackwell, 1990. 226 p.
10. Dent Ch. Patent policy in early modern England // Intellectual Property Research Institute of Australia, University of Melbourne. Working paper № 06.07. July, 2007. 33 p.
11. Dent Ch. "Generally inconvenient": the 1624 Statute of Monopolies as political compromise // Melbourne University Law Review. 2009. Vol. 415–453.
12. Elton G. R. Studies in Tudor and Stuart politics and government. Vol. 1–2. Cambridge University press, 2003.
13. Graves M. A. R. The Tudor parliaments: Crown, lords and commons, 1485–1603. L.: Longman, 1985. 173 p.
14. Graves M. A. R. Elizabethan parliaments, 1559–1601. Oxford: Taylor & Francis, 2014. 152 p.
15. Hartley T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. I 1558–1581. L.; N.-Y.: Leicester University Press, 1981. 564 p.
16. Hartley T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. III 1593–1601. L.; N.-Y.: Leicester University Press, 1995. 552 p.

17. Levy H. Monopoly and competition. A study in English industrial organization. Kitchener: Batoche Books, 2001. 271 p.
18. Morris T. A. Tudor government. L.: Routledge, 1999. 160 p.
19. Peck L. L. Court patronage and corruption in early Stuart England. Boston: London: Unwin Hyman, 1990. 319 p.
20. Williams H. The later Tudors: England, 1547–1643. Oxford: University Press, 1995. 666 p.

Поступила в редакцию 29.08.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Inna Yu. Savenkova, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Luhansk State Pedagogical University (Luhansk, Luhansk
People's Republic)
ORCID 0000-0001-5481-5254; inna-savenkova@mail.ru

THE ROLE OF TRADE MONOPOLIES IN THE OPPOSITION BETWEEN THE CROWN AND THE PARLIAMENT UNDER QUEEN ELIZABETH I TUDOR

Abstract. The relevance of the research is determined by the problem of monopolism in modern economy. It has great theoretical and practical significance because in the realization of their economic interests monopolistic associations usually hinder the development of market relations as such and produce crisis. In this respect it is expedient to turn to the historical past and parse an example of how this problem was solved then. The aim of this article is to investigate the principal problem of England's social and economic development in the second part of the XVI century, which was a struggle in the Parliament around trade monopolies and patent policy of the Crown. It was established that causa proxima that forced the Parliament's decision to introduce a monopoly question for debate was numerous abuses of patents' owners. It caused numerous complaints of those merchants who could not obtain a certain patent for some reasons. The debates about the harm of monopolies lasted from 1597 up to 1601, when the House of Commons considered the antimonopoly bill, and Queen Elizabeth I ordained the proclamation in which she renounced her right to give new monopolies in a future. It is demonstrated that as a result the parliament did not go as far as to infringe the Crown's prerogative to give merchants patents and did not pass the relevant bill. The status of the existing monopolies remained unchanged.

Keywords: England, Tudors, monopoly, parliament, patent, British Crown

For citation: Savenkova, I. Yu. The role of trade monopolies in the opposition between the Crown and the Parliament under Queen Elizabeth I Tudor. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):20–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.848

REFERENCES

1. Dmitrieva, O. V. Elizabeth Tudor. Moscow, 2004. 275 p. (In Russ.)
2. Kamenetsky, A. B. Ideological and political struggle in England in the 1530s and 1550s (The ideological aspect of the genesis of capitalism). *Middle Ages*. 1976;40:135–153. (In Russ.)
3. Klochkov, V. V. Royal prerogative in England from its origin to the early seventeenth century. *Izvestiya of SFedU. Engineering Sciences*. 2013;6(143):201–207. (In Russ.)
4. Klochkov, V. V. Prerogative powers of the English monarchy in early modern times. *Izvestiya of SFedU. Engineering Sciences*. 2012;1(126):224–228. (In Russ.)
5. Mosolkina, T. V. Colonial expansion propaganda in the early XVII century (John Smith's pamphlet "A Description of New England"). *Medieval city*. Saratov, 1983. Issue 7. P. 140–148. (In Russ.)
6. Churchill, W. Britain in the early modern period (XVI–XVII centuries). Smolensk, 2006. 416 p. (In Russ.)
7. Shtokmar, V. V. History of England in the Middle Ages. Leningrad, 1973. 184 p. (In Russ.)
8. Cross, G., Geoffrey, R. E., Loades, D. M., Scarisbrick, J. J. Law and government under the Tudors. Cambridge, 1988. 296 p.
9. Dean, D. M., Jones, N. The parliaments of Elizabethan England. Oxford, 1990. 226 p.
10. Dent, Ch. Patent policy in early modern England. *Intellectual Property Research Institute of Australia, University of Melbourne. Working paper No 06.07*. July, 2007. 33 p.
11. Dent, Ch. "Generally inconvenient": the 1624 Statute of Monopolies as political compromise. *Melbourne University Law Review*. 2009. Vol. 415–453.
12. Elton, G. R. Studies in Tudor and Stuart politics and government. Vol. 1–2. Cambridge University press, 2003.
13. Graves, M. A. R. The Tudor parliaments: Crown, lords and commons, 1485–1603. L., 1985. 173 p.
14. Graves, M. A. R. Elizabethan parliaments, 1559–1601. Oxford, 2014. 152 p.
15. Hartley, T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. I 1558–1581. L., N.-Y., 1981. 564 p.
16. Hartley, T. E. Proceedings in the Parliament of Elizabeth I. Vol. III 1593–1601. L., N.-Y., 1995. 552 p.
17. Levy, H. Monopoly and competition. A study in English industrial organization. Kitchener, 2001. 271 p.
18. Morris, T. A. Tudor government. L., 1999. 160 p.
19. Peck, L. L. Court patronage and corruption in early Stuart England. Boston; London, 1990. 319 p.
20. Williams, H. The later Tudors: England, 1547–1643. Oxford, 1995. 666 p.

Received: 29 August, 2022; accepted: 26 December, 2022

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

А н н о т а ц и я . История развития физической культуры и спорта в СССР берет свое начало с 1918 года. Современными авторами опубликовано значительное количество документов и исследований, посвященных разным периодам исторического прошлого, как создания государственной системы в целом, так и развития физкультурного движения в отдельных регионах в частности. Актуальность обращения к проблеме истории физкультуры и спорта обусловлена пристальным вниманием к вопросам здоровья, развития массового спорта в современном обществе. Статья посвящена совершенствованию системы физической культуры и спорта в Карелии в 1925–1929 годах. В эти годы в республике активно развивалась деятельность Карельского Совета физической культуры, Совета профессиональных союзов по организации физкультурных кружков и соревнований, приобщению местного населения к новым видам спорта, формированию сборных команд для участия во всесоюзных соревнованиях. Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и объективности, которые позволяют рассматривать процессы развития физической культуры и спорта в регионе с конкретно-исторических позиций и более полно учитывать исторический и современный социокультурный контекст. Новизна исследования определяется введением в научный оборот не опубликованных ранее источников. Источниковой базой послужил фонд «Совет физкультуры при исполкоме Кемского уездного совета» (Ф. Р-852) Национального архива Республики Карелия, опубликованные и неопубликованные документы. В статье используются законодательные акты, материалы республиканской периодической печати, в частности газет «Карельская коммуна» и «Красная Карелия». До настоящего времени нет исследований по истории развития физической культуры и спорта в Карелии во второй половине 1920-х годов. Опубликованный ранее материал представляет собой фрагментарный характер, изобилующий фактами без анализа и комментариев. Автор впервые на основе законодательных актов, архивных и документальных материалов анализирует деятельность республиканских Совета физической культуры и Совета профсоюзов по совершенствованию физкультурно-спортивного движения в Карелии в 1925–1929 годах. Делается вывод о создании системы физической культуры и спорта в республике, несмотря на серьезные проблемы в деле ее организации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : физкультурные кружки, Карельская АССР, виды спорта, массовая физическая культура, профсоюзы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Калинина Е. А. Совершенствование системы физической культуры и спорта в Карелии во второй половине 1920-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 29–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.849

ВВЕДЕНИЕ

Обзор современной литературы по истории физической культуры и спорта Советского Союза демонстрирует возросший интерес к данной проблематике. Тем не менее эта тема не является приоритетной в отечественной исторической науке. В своих исследованиях авторы уделяют внимание формированию органов государственной власти по управлению физической культурой,

развитию массового спорта [1], [3], [4], [5], [6], [7]. Работы карельских специалистов в области физической культуры фрагментарно освещают развитие физической культуры и спорта [2] или содержат значительный пласт фактической информации об организации физкультурных состязаний, строительстве спортивных сооружений, судьбах спортсменов в довоенное время¹. Опыт изучения истории физкультурно-спортив-

ного движения Карелии в период второй половины 1920-х годов показывает необходимость комплексного изучения этих вопросов на основе новых научных подходов.

Целью данной статьи является рассмотрение методов совершенствования системы физической культуры и спорта в Карелии в 1925–1929 годах. Выводы автора стали результатом анализа правительственных распоряжений, документов Национального архива Республики Карелия и материалов республиканской периодической печати. Анализируется содержание физкультурной работы Карельского Совета физической культуры и Совета профессиональных союзов в регионе, раскрываются особенности внедрения новых видов спорта, создания государственной системы физкультурно-спортивного движения, развития массового спорта и участия карельских спортсменов во всесоюзных соревнованиях.

Первой структурой, осуществившей массовое привлечение советских граждан к физической культуре и спорту, стал Всевобуч. В период 1918–1922 годов в губернских, уездных городах и селах Советской России были созданы военно-спортивные клубы, ставшие центрами военного и физического образования молодежи. После роспуска Всевобуча был создан Российский союз красных организаций физической культуры (РСКОФК). На местах началось формирование временных областных, губернских и уездных бюро. Для «спортизации» трудового населения не допризывного возраста предлагалось организовать общественные спортивные объединения, входящие в состав союза по физическому развитию. Все организации должны были официально признать советскую власть и выполнять распоряжения РСКОФК. Существование спортивных организаций, не входивших в РСКОФК, исключалось. В 1922–1923 годах в Карелии появились спортивные общественные организации «Спартак», «Яхт-клуб», «Сокол», которые создавали физкультурные кружки, проводили спортивные состязания. Однако отсутствие материальной базы, финансирования, специалистов в области физической культуры, несомненно, отразилось на их неэффективной работе, особенно в районах Карелии. В 1923 году РСКОФК сложил свои полномочия, а руководство физкультурно-спортивным движением было передано Высшему Совету физической культуры (ВСФК) при ЦИК СССР, на местах создавались республиканские, уездные Советы физической культуры (СФК).

Постановление ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 года «О задачах партии в области физи-

ческой культуры» определило пути дальнейшего развития физической культуры и спорта и явилось программным документом для ВСФК и региональных Советов физической культуры. В нем были сформулированы задачи и содержание социалистической системы физического воспитания, ее организационная структура, место физкультурно-спортивного движения в обществе. Физическая культура определялась как «метод воспитания масс», «средство сплочения широкий рабочих и крестьянских масс вокруг тех или иных партийных, советских или крестьянских организаций»², средство оздоровления и военной подготовки населения. Она не должна была исчерпываться одними лишь физическими упражнениями в виде гимнастики, подвижных игр, а обязательно включать общественную и личную гигиену труда и быта, использование естественных сил природы, правильный режим труда и отдыха и т. д.

Партийным организациям страны предлагалось усилить руководство физкультурными организациями, обеспечивая политическое воспитание, и не допускать их отрыва от массовых профессиональных организаций. Физическая культура включалась в общий план деятельности профсоюзов, комсомола, Красной армии, учебных заведений, органов здравоохранения. Запрещалось создавать какие-либо самостоятельные спортивно-гимнастические объединения, «что неизбежно привело бы к отходу от основной политико-просветительной работы и к отрыву занимающихся физической культурой масс от основных общественных организаций»³. Идеологический контроль, отсутствие государственного финансирования и кадровая проблема стали основными причинами закрытия всех спортивных общественных организаций. Такие формы спортивных общественных ассоциаций и обществ, существовавшие в первые годы советской власти, были неприемлемы для новой власти. Общее руководство за деятельностью всех спортивных организаций поручалось ВСФК, региональным СФК и Советам профессиональных союзов. Советы осуществляли научно-методическое и учебное руководство и согласовывали мероприятия по взаимному использованию площадок, стадионов, проведению соревнований, физкультурных выступлений и т. п. Был взят курс на централизацию и политизацию спорта, а также на массовое физкультурное движение.

НОВЫЕ ВИДЫ СПОРТА

В 1925–1929 годах в Карелии можно отметить попытки внедрения в спортивную жизнь

республики новых видов спорта. Это гандбол, городки, шашки и шахматы, пинг-понг (настольный теннис), пушбол, велоспорт, плавание. Для знакомства населения со спортивными новшествами первоначально организовывались показательные игры, затем при Совете физической культуры и в профсоюзах открывались физкультурные кружки, устраивались соревнования. Важно отметить, что инициаторами развития новых видов спорта становились военнослужащие, приехавшие в республику для прохождения военной службы, строители Кондопожской бумажной фабрики, а также рабочие Мурманской железной дороги. Одни виды спорта продолжили свое развитие и в дальнейшем, другие в спортивной жизни довоенной Карелии не закрепились.

Среди тех видов спорта, которые получили широкое распространение, можно назвать шашки и шахматы. У истоков их развития стоял Ф. Ф. Машаров [4], [5]. Первые шахматно-шашечные кружки появились в Петрозаводске в январе 1925 года и привлекли значительное внимание горожан. Если в декабре 1925 года в первом городском турнире участвовало восемь, в 1926 году – 13 человек, то в 1928 году в шести городских турнирах принимало участие более 200 человек. Например, в феврале 1928 года в профсоюзных шахматно-шашечных соревнованиях участвовало девять шахматных команд и пять шашечных: медсантруда, сельскохозяйственных рабочих, печатников, работников просвещения и др. В индивидуальном зачете победителями стали: Ф. Ф. Машаров, Кириллов, Иссерсон, Барусин, Н. Клишко, братья Я. М. и Д. М. Басс, Рик, Н. Крылов⁴. Обычно шахматные турниры проводились в трех номинациях: «Главная» – лучшие игроки, «Побочная» – малые шахматы и «Массовая» – начинающие шахматисты. В декабре 1927 года при Карельском совете профессиональных союзов по инициативе и под председательством Ф. Ф. Машарова начала работать шахматная секция.

Первый ежегодный Всекарельский шахматно-шашечный турнир прошел летом 1928 года в Петрозаводске. В нем участвовали команды из Олонца, Сегежи, Сороки, Ухты, Кондопоги, Повенца и Шалы. Отметим, что призерами турнира были не только петрозаводчане, уже известные шахматисты, но и новички, например Проскуряков из Ладвы.

О появлении в Петрозаводске велосипедной секции газета «Красная Карелия» впервые проинформировала читателей весной 1927 года. Секция работала только в весенние и летние месяцы. Первые велосипедные соревнования в Петроза-

водске провели в июле 1927 года. В программе состязаний было заявлено два вида: «тихий ход» (кто медленнее) и «на скорость» на дистанции 6,5 км. В них участвовало четыре команды: «Динамо», Онегзавод, Горсовет, железнодорожники⁵. Состязания велосипедистов стали популярными среди жителей Петрозаводска. Этот вид спорта постоянно включался в программу различных спортивных праздников, проводимых в столице республики. Колонны велосипедистов являлись украшением ежегодных физкультурных парадов, шествий. Летом СФК устраивал «велосипедные вылазки» в лес или «велосипедные экскурсии» в близлежащие населенные пункты. Так, в 1929 году велосипедисты из Петрозаводска побывали на экскурсиях на водопаде Кивач, в Вилге, Сельге, Песках. Прибыв на место, экскурсанты, как правило, организовывали подвижные игры, соревнования по плаванию и стрельбе.

В эти годы в Карелии получил свое развитие городошный спорт.

«Кто из жителей Петрозаводска не играл в рюхи? – задавался вопросом корреспондент газеты «Красная Карелия» в 1926 году. – Трудно найти такого человека. Играет молодежь, не отстают взрослые и даже бородачи-старики... Играют азартно, особенно по субботам. Ночи напролет за игрой проводят, благо светло и на работу идти не нужно. Одно плохо – места для игры нет. Приходится играть на улицах и дворах. Проходим гражданам, детишкам, курам, стенкам – всем достается во время игры в рюхи. И все это потому, что у нас в городе нет специальных площадок для игры в рюхи. <...> Любителям игры в рюхи нужно организовать и создать команду (группу) и устраивать между ними соревнования»⁶.

Городошные состязания с 1926 года ежегодно включались в программу республиканских соревнований, на которых неоднократно победителями являлась команда кондопожских городошников (строителей Кондопожской бумажной фабрики).

Некоторые виды спорта в 1920-е годы только однажды блеснули на спортивном небосклоне Карелии и быстро угасли, не получив дальнейшего развития. Так, были осуществлены первые попытки создания физкультурных кружков и организации соревнований по плаванию, пинг-понгу, гимнастике, пушболу. Однако они не увенчались успехом и не получили достойного внимания горожан. В июле – августе 1926 года на железнодорожной спортплощадке в столице республики состоялись первые показательные гандбольные матчи, участниками которых стали военнослужащие, железнодорожники, работники народного просвещения и профклуба. Позднее в СФК была открыта регистрация ганд-

большого кружка и созданы гандбольные команды⁷, но в скором времени они распались.

В феврале 1929 года при СФК была организована секция по фигурному катанию. Занятия фигуристов проходили на общественном катке в акватории Онежского озера только в течение одного зимнего сезона.

В конце 1920-х годов во многих городах Советского Союза горожане увлеклись новым видом спортивной игры – пушболом. Это командная игра с мячом большого размера (диаметр 183 см, вес 22,7 кг), который необходимо толкать для перемещения его по полю. Пушбол входил в программу I Всесоюзной спартакиады 1928 года. Для игры в пушбол Карельский Совет физической культуры летом 1929 года приобрел пушбольный мяч. Документальные материалы свидетельствуют, что летние встречи по пушболу были проведены в Петрозаводске между городскими командами, но серьезные повреждения мяча как во время матча, так и после него не позволили продолжить развитие этого вида спорта. Как отметил неизвестный корреспондент газеты «Красная Карелия»:

«...Мяч был накачан, но остался на заводе до тренировок. Оставшийся без наблюдения СФК, он был пущен ребятами в оборот – на него прыгали, мяли. В результате лопнула камера мяча, стоящая 200 руб. Лопнули надежды сыграть в пушбол»⁸.

НОВШЕСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

В 1925–1929 годах изменился график проведения спортивных соревнований, которые перестали посвящать каким-либо юбилейным и памятным датам. В сентябре 1926 года ВСФК утвердил положение о правилах их организации⁹. Предварительно ВСФК определял конкретные сроки проведения республиканских состязаний. В календарях спортивных соревнований региональные СФК должны были разъяснять необходимость их проведения и финансовые затраты на их организацию. Соревнования, не включенные в официальный календарь, не разрешались. Все спортсмены перед стартом обязаны были пройти медицинской контроль. Таким образом, организация и проведение всех спортивных соревнований находились под контролем ВСФК.

Судя по архивным документам, в Карелии появились ежегодные праздники открытия и закрытия зимних (в январе) и летних (в конце мая – начале июня) сезонов. Это были праздничные мероприятия с проведением парада физкультурников и торжественных митингов, показательных выступлений физкультурников.

В программу праздника открытия зимнего сезона включали лыжи, коньки и хоккей, в программу открытия летнего сезона – легкую атлетику, футбол, шахматы, городки, велосипед. Ежегодно программа этих праздников усложнялась: увеличивалось количество видов спорта и численность участников. Организаторами состязаний являлись Совет физической культуры и Совет профсоюзных организаций. Практиковалось проведение в республике «Двухнедельников физической культуры».

Во второй половине 1920-х годов шло формирование государственной системы спортивных соревнований. Первоначально проводились состязания на конкретных предприятиях внутри коллективов – межбригадные, межцеховые и т. п. Далее – соревнования между предприятиями одной отрасли, затем представители каждого профессионального союза проводили свои состязания по разным видам спорта на уровне Северо-Западного, Сибирского, Западного, Южного регионов, и только потом победителей приглашали на Всесоюзные спортивные праздники. В Карелии первые низовые соревнования среди производственных коллективов провели в 1926 году среди членов профсоюза работников искусства (Рабис) по шахматам и шашкам и среди рабочих Мурманской железной дороги по легкой атлетике, городкам, футболу, баскетболу.

В этот период произошло возрождение ежегодных летних Всекарельских спартакиад. Напомним, что первая летняя Спартакиада была проведена в 1920 году, а вторая – только в сентябре 1927 года¹⁰. В 1928 году состоялась третья Всекарельская летняя спартакиада, в которой участвовали команды из 11 районов и г. Петрозаводска – всего 150 спортсменов, в том числе 29 женщин. Соревнования проводились по легкой атлетике, баскетболу, футболу, гребле, городкам, стрельбе, плаванию.

В конце 1920-х годов СФК продолжил организацию еженедельных спортивных вечеров, где главное место отводилось чтению лекций о значении спорта, физического развития. После официальной части физкультурникам демонстрировались музыкально-литературные выступления, гимнасты показывали вольные упражнения, опорные прыжки, комбинации на параллельных брусьях, борцы – элементы французской (вольной) и татарской борьбы, поднятие штанги. Завершались такие мероприятия танцами. Как правило, на вечерах подводили итоги спортивных соревнований с вручением грамот и призов.

Пожалуй, одним из важных изменений в спортивной жизни Карелии в 1925–1929 годах являет-

ся оживление физкультурной работы на местах. Создание районных СФК, несомненно, способствовало этому. В эти годы активность проявлялась в Ухте, Пудоже, Сороке, Великой Губе, Кондопоге, Шуезере, Лехте Тунгудского района. Наиболее продуктивная деятельность в этом направлении отмечена в Кемском районе. Здесь активно развивалась кружковая работа. С 1924 года Кемским СФК ежегодно проводилась районная спартакиада по легкой атлетике. В сентябре 1925 года в ней участвовало 80 человек (работчие лесозаводов и железнодорожных станций Кемь, Лоухи, Чупа, Имандра и Сорока)¹¹. Ярким зрелищем на состязаниях были футбольные матчи между командами Кемь и Петрозаводска. В 1927 году в программу Кемской спартакиады кроме легкой атлетики были включены городки, баскетбол, футбол¹². С 1929 года в Кемь стали проводить районные спартакиады по зимним видам спорта – лыжам и конькам. Постоянными участниками этих соревнований являлись школьники.

УЧАСТИЕ КАРЕЛЬСКИХ СПОРТСМЕНОВ ВО ВСЕСОЮЗНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ

Впервые карельские спортсмены приняли участие во всероссийских соревнованиях в 1926 году в г. Нижний Новгород, это был II Всероссийский зимний физкультурный праздник. Состав сборной команды от Карелии был представлен только лыжниками. Команды конькобежцев и хоккеистов отсутствовали. Среди лыжников победителями стали Нордлинг (I место), М. Минина (II место).

Для успешного выступления на III Всесоюзном зимнем празднике в 1927 году в Карелии была создана специальная комиссия¹³. В плане подготовки лыжников, конькобежцев и хоккеистов был усилен тренировочный и соревновательный процесс. Тренировки проводились регулярно. Хоккейные матчи выявляли лучших игроков, на отборочных лыжных соревнованиях определялись кандидаты в сборную Карелии. Однако отсутствие инструкторов по конькобежному спорту и коньков не позволили создать команду конькобежцев. Несмотря на все старания, выступление карельской сборной в Ленинграде не было успешным. Хоккеисты проиграли все матчевые встречи. Лыжная команда заняла 13-е место.

Летом 1928 года в Ленинграде проводилась спартакиада Ленинградского округа¹⁴ по футболу, баскетболу, легкой атлетике, плаванию, гребле, стрельбе и городкам. В числе приглашенных участников была и сборная команда из Карелии.

Удача сопутствовала карельским спортсменам в стрельбе. Команда в составе Карчевского, Иванова, Сосновского заняла I место. В соревнованиях по гребле Маленков, Трофимов, Лечинский, Дьяков, Пахомов, Ларкин в общем зачете стали вторыми. Пловцы завоевали бронзовые награды. Из легкоатлетов призером стал только А. Кивьякас, заняв I место в беге на 800 и 5000 м¹⁵. Не были достигнуты успехи в футболе, баскетболе и городках.

В августе 1928 года в Москве торжественным парадом на Красной площади открылась Всесоюзная спартакиада. Все регионы СССР представили на этот праздник сборные команды из лучших спортсменов. Среди участников спартакиады были и карельские спортсмены. А. Кивьякас одержал победу в финале в беге на 800 м, установив новый рекорд СССР. Гребцы приняли участие в соревнованиях по народной гребле, однако их выступление было неудачным. Необходимо отметить успех основоположника карельского бокса Ю. Паакки. Он в составе команды рабочих-боксеров из Финляндии одержал победу в легчайшем весе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги развития физической культуры и спорта в Карелии в 1925–1929 годах, необходимо отметить, что в этот период шло дальнейшее совершенствование системы физического воспитания и спорта. Это проявлялось в расширении спектра различных видов спорта, постепенном упорядочении организации спортивных соревнований, оживлении работы на местах. Молодежь и взрослое население вовлекались в регулярные занятия физкультурой. На производственных предприятиях начали работу физкультурные кружки. Если в 1921 году в Карелии работало пять физкультурных кружков, которые посещали 89 человек, то в 1929 году в 24 кружках занималось 1016 человек (687 мужчин и 329 женщин)¹⁶. Так реализовывался курс советского правительства на массовое физкультурное движение.

В этот период зарождался опыт по организации секционной работы, а также по проведению спортивных состязаний и турниров, агитпробегов, звездных эстафет. Необходимо отметить роль финнов в развитии физической культуры и спорта в Карелии. Многие из них являлись призерами спортивных соревнований различного уровня. Благодаря финским эмигрантам жители республики имели возможность познакомиться с новыми видами спорта: гандболом, пинг-понгом (настольный теннис), пушболом, велоспортом, плаванием.

Несмотря на положительные стороны развития физической культуры в Карелии, сохранялись проблемы создания материальной базы, отсутствие государственного финансирования. В регионе имелись примитивные спортивные площадки, плохо обустроенные катки.

«Не каток, а жалкая пародия на него, недоразумение какое-то... — отметил в газете “Красная Карелия” неиз-

вестный автор. — При такой постановке дела мы далеко не уйдем. Не будет у нас своих чемпионов: ни лыжников, ни конькобежцев, ни других»¹⁷.

Нехватка тренеров и руководителей кружковой работы, отсутствие круглогодичных тренировок, несомненно, оказывали негативное влияние на результаты карельских спортсменов в соревнованиях высокого ранга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Киселев В. Петрозаводск спортивный. Петрозаводск, 2004. 93 с.; Колосов Г. В. Страницы футбольной истории Карелии: Книга-справочник. Петрозаводск, 2017. 99 с.; Лыжный спорт в Карелии / Сост. А. Ф. Типсин, А. М. Ершов, П. И. Петров. Петрозаводск; 2013. 218 с.; Прошутинский С. П. Война, спорт, жизнь. (По страницам истории карельского спорта). Петрозаводск, 2021.
- ² Постановление ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. «О задачах партии в области физической культуры» // Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / Под ред. И. Г. Чудинова. М.: Физкультура и спорт, 1959. С. 12.
- ³ Там же. С. 13.
- ⁴ Профсоюзные шахматно-шашечные командные соревнования // Красная Карелия. 1928. 7 февраля; Шахматно-шашечный турнир // Красная Карелия. 1927. 30 апреля.
- ⁵ Первые велосипедные соревнования // Красная Карелия. 1927. 15 июля.
- ⁶ В. К. Любителям игры в рюхи нужно организоваться // Карельская коммуна. 1926. 19 июня.
- ⁷ Богров. Хандбол в Петрозаводске // Карельская коммуна. 1926. 6 августа.
- ⁸ 200 рублей по халатности СФК брошены на ветер // Красная Карелия. 1929. 2 июня.
- ⁹ В Высшем Совете физической культуры // Красный спорт. 1926. № 40.
- ¹⁰ Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-862. Оп. 1. Д. 1 / 4. Л. 62.
- ¹¹ Там же. Д. 1/1. Л. 44.
- ¹² Четвертая Кемская Спартакиада // Красная Карелия. 1929. 11 сентября.
- ¹³ Спортсмен. Карелия на Всесоюзном празднике зимнего спорта // Карельская коммуна. 1926. 23 ноября.
- ¹⁴ Ленинградский округ – административно-территориальная единица в составе Ленинградской области, существовавшая в 1927–1930 годах с центром в г. Ленинграде.
- ¹⁵ Карелия на Северо-Западной спартакиаде // Красная Карелия. 1928. 8 августа.
- ¹⁶ Доклад председателя ГСФК Данилова на IV сессии Карельского ЦИКа // Красная Карелия. 1928. 22 июля.
- ¹⁷ ТДА. Дело спорта влачит у нас жалкое существование // Красная Карелия. 1927. 25 февраля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кадымов А. А. История развития физической культуры и спорта в 1920–1940 годы в БССР // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 5. С. 82–85.
2. Калинина Е. А., Киэлевяйнен Л. М. Становление и развитие физической культуры и спорта в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.730
3. Королева А. А. Физкультурно-спортивное движение в Пензенской губернии в 1918–1928 гг. // Национальное здоровье. 2019. № 1. С. 175–179.
4. Лапсак А. «Но помни: в жизни многое важнее шахмат...» // Северный курьер. 2000. 13 сентября.
5. Лапсак А. Рыцарь карельских шахмат: сквозь пламя войн и революций: к 120-летию со дня рождения Ф. Ф. Машарова. Петрозаводск: Verso, 2010. 159 с.
6. Павленко В. В. Профсоюзы и советское физкультурно-спортивное движение (1920–1950-е гг.) // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2021. № 2 (33). С. 57–62.
7. Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск: Печатная мануфактура, 2019. 695 с.
8. Суник А. Б. Размышления о физкультурно-спортивном движении в постреволюционную эпоху (20-е годы) // Теория и практика физической культуры. 2005. № 5. С. 2–13.
9. Шарошкин Н. А., Кузьмина Т. Н. Развитие спортивно-массовой работы в Поволжье в 1920-е годы // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2010. № 15 (19). С. 120–123.

Поступила в редакцию 12.07.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Elena A. Kalinina, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN KARELIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

Abstract. The history of the development of physical culture and sports in the USSR dates back to 1918. Modern researchers have already published a significant number of documents and studies on different periods of our historical past, addressing both the creation of the state system in general and the development of the physical culture movement in certain regions. The relevance of studying the history of physical culture and sports is due to close attention to current public health issues and the development of mass sports in the modern society. The article examines the improvement of the system of physical culture and sports in Karelia in 1925–1929. These years saw the intensive activities of the Karelian Council of Physical Culture and the Council of Trade Unions aimed at organizing sports clubs and competitions, introducing new kinds of sports to the local population, forming national teams for participation in all-union competitions. The methodology of the study is based on the principles of historicism and objectivity, which allows us to consider the processes of development of physical culture and sports in the region from specific historical perspectives and take into greater consideration the historical and modern socio-cultural contexts. The novelty of the research is determined by the introduction of previously unpublished sources into scientific circulation. The source base for writing the work was the collection of the National Archives of the Republic of Karelia on the Council of Physical Culture under the Executive Committee of the Kem' District Council (F. R-852), as well as other various published and unpublished documents. The article uses legislative acts, materials of the republican periodical press, in particular the *Karelskaya Kommuna* and *Krasnaya Karelia* newspapers. So far, there has been no studies on the history of the development of physical culture and sports in Karelia in the second half of the 1920s. The previously published materials are fragmentary and full of facts without any relevant analysis and commentary. This paper is the first to use legislative acts, archival documents, and other documentary materials in order to analyze the activities of the Republican Council of Physical Culture and the Council of Trade Unions aimed to improve the physical culture and sports movement in Karelia in 1925–1929. The paper concludes on the creation of a system of physical culture and sports in the republic, despite serious problems with its organization.

Keywords: sport, physical culture, sports competitions, Council of Physical Culture, Council of Trade Unions, Karelia

For citation: Kalinina, E. A. Improvement of the system of physical culture and sports in Karelia in the second half of the 1920s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):29–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.849

REFERENCES

1. K a d y m o v, A. A. History of development of physical culture and sports in the 1920s–1940s in Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. *Vestnik of Kostroma State University*. 2016;22(5):82–85. (In Russ.)
2. Kalinina, E. A., Kielevainen, L. M. Formation and development of physical culture and sports in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.730 (In Russ.)
3. Koroleva, A. A. Physical culture and sports movement in the Penza Province in 1918–1928. *National Health*. 2019;1:175–179. (In Russ.)
4. L a p s a k o v, A. “But remember: there are many things in life more important than chess...” *Northern Courier*. 2000. 13 September. (In Russ.)
5. L a p s a k o v, A. The knight of Karelian chess: through the flames of wars and revolutions: commemorating the 120th birth anniversary of F. F. Masharov. Petrozavodsk, 2010. 159 p. (In Russ.)
6. P a v l e n k o, V. V. Trade unions and the Soviet physical culture and sports movement (1920–1950th). *Education and Science in Modern World. Innovations*. 2021;2(33):57–62. (In Russ.)
7. S a r y c h e v a, T. V. The Soviet system of physical culture as a socio-cultural phenomenon of the XX century (the case of Western Siberia, 1920–1991). Tomsk, 2019. 695 p. (In Russ.)
8. S u n i k, A. B. Reflections on sports' movement in Russia's post-revolutionary epoch (the 20s). *Theory and Practice of Physical Culture*. 2005;5:2–13. (In Russ.)
9. S h a r o s h k i n, N. A., K u z m i n a, T. N. The development of mass sports public work in the Volga Region in the 1920s. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Humanities*. 2010;5(19):120–123. (In Russ.)

Received: 12 July, 2022; accepted: 26 December, 2022

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА КОРОТКОВА

кандидат политических наук, доцент кафедры истории Отечества, истории медицины, политологии и социологии Пермский государственный медицинский университет имени академика Е. А. Вагнера Министерства здравоохранения Российской Федерации (Пермь, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-4997-7109; korotkova_mariya@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РЕФОРМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А н н о т а ц и я . В постсоветский период государством были инициированы реформы, направленные на развитие рыночных отношений во всех сферах общества, в том числе в системе здравоохранения. Сегодня, спустя несколько десятков лет, настало время для подведения итогов социальной политики государства. В качестве одного из методов подведения итогов в исторической науке широко используется метод периодизации. Новизна данного исследования обусловлена небольшим количеством научных статей, затрагивающих вопросы периодизации реформ здравоохранения в постсоветский период: чаще всего это происходит либо в косвенной форме или / и на основе частных явлений. Представленная в работе периодизация является результатом системного подхода. Для этого автором были рассмотрены главные проблемы здравоохранения, механизмы их решения, интенсивность упоминаний и даты запуска реформ. Основными источниками информации послужили официальные документы и выступления президента России. В исследовании были использованы сравнительный, хронологический методы, метод периодизации, контент-анализ, структурный подход. В результате проведенного исследования выделены два периода реформ: 1) после распада СССР до 2005 года – переходный (в рамках которого были сформулированы новые принципы функционирования здравоохранения, изменения в этот период носили слабоуправляемый, вследствие этого малоэффективный характер); 2) с 2005 года по наши дни – период системных преобразований (в рамках которого последовательно воплощались ранее сформулированные принципы). Кроме того, в последнем периоде можно выделить еще три дополнительных этапа: 1) 2005–2013 годы – этап технического переоснащения ЛПУ; 2) 2013–2020 годы – этап оптимизации финансовых, материальных и людских ресурсов; 3) с 2020 года – этап модернизации первичного звена (на некоторое время прерванный пандемией коронавируса).

К л ю ч е в ы е с л о в а : история здравоохранения, история медицины, реформы здравоохранения, периодизация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Короткова М. Н. Социальная политика государства: к вопросу о периодизации реформ здравоохранения в постсоветский период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.850

ВВЕДЕНИЕ

Здоровье человека является одним из самых важных факторов экономического развития страны, основой национальной безопасности государства. Охрану здоровья можно назвать задачей высшего порядка [18: 5]. Как известно, в постсоветский период новым правительством были инициированы реформы, направленные на осуществление транзита рыночных отношений. Сегодня, спустя несколько десятков лет, можно подвести итоги деятельности государства. В качестве одного из методов подведения итогов в исторической науке широко используется ме-

тод периодизации. По периодизации реформ современного (постсоветского) здравоохранения очень мало статей. Возможно, потому что до сих пор не появилось общего устоявшегося восприятия произошедших перемен. Для получения частного представления необходимо провести анализ материалов, связанных с модернизацией здравоохранения в целом.

В мае 2022 года по запросу «модернизация здравоохранения» в библиотеке eLibrary было найдено более одиннадцати тысяч научных работ. Среди них четко выделяются несколько (часто встречающихся) направлений / тематик:

финансовое, юридическое, управленческо-организационное.

По запросу «модернизация здравоохранения» (рубрикатор «Экономические науки») были найдены 498 статей, по запросу «реформы в здравоохранении» – 560 статей (во многом они пересекаются). Заголовки и ключевые слова позволяют составить представление о том, что интересует специалистов в первую очередь: «Стоматологическое здравоохранение в России: сравнение полиса обязательного медицинского страхования и частных услуг в стоматологической практике» [20], «Институциональные особенности финансирования российского здравоохранения» [19], «Основные экономические показатели развития российского медицинского рынка в 2015–2018 годах» [1] и т. д. В самих статьях речь, как правило, идет о внедрении страховой медицины [6], платных услуг [1], подушевого норматива [17], стимулирующих выплат / эффективного контракта [16], одноканального финансирования [4], ГЧП (государственно-частного партнерства) [3]. Указанные процессы датируются соответственно 1991/1993, 1993/2012, 1998/2013, 2008/2012, 2011/2013, 2005/2015 годами¹. Такие исследователи, как Л. И. Юзвович, А. В. Юзвович, Н. В. Стукова, в своих работах о модернизации здравоохранения опираются на целый комплекс финансовых преобразований [22]. Однако чаще авторы пытаются выделить этапы общей модернизации, исходя из более узконаправленных тем (например, А. И. Данилов и А. С. Бизенков отталкиваются в своих рассуждениях от реформ в области медицинского страхования [6]).

По запросу «модернизация здравоохранения» (рубрикатор «Государство и право. Юридические науки») в библиотеке eLibrary были найдены 183 статьи, по запросу «реформы в здравоохранении» – 288 статей. Также для поиска публикаций была использована справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Исследования последних лет сконцентрированы в основном на правовых аспектах уже упоминаемых финансовых преобразований [13], [15], [21]. В работах, посвященных общим вопросам правовой модернизации системы здравоохранения, этапы развития, как правило, не выделяются, однако по описываемым в них нормативно-правовым актам можно составить косвенное представление об авторской интерпретации интересующих нас процессов [5], [9], [12]. Среди наиболее часто упоминаемых документов: Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года № 1351 от 09.10.2007

с изм. от 01.07.2014; Концепция социально-экономического развития РФ на период до 2020 года № 1662 от 17.11.2008; Указ Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» № 597 от 07.05.2012; Указ Президента РФ «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» № 598 от 07.05.2012; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года от 13.03.2013; Государственная программа РФ «Развитие здравоохранения» в ред. Постановления Правительства РФ № 210 от 01.03.2018; Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» от 07.05.2018 года.

По запросу «модернизация здравоохранения» (рубрикатор «Организация и управление») в библиотеке eLibrary были найдены 109 статей, по запросу «реформы в здравоохранении» – 87 статей. Большинство работ посвящено политике оптимизации кадров [2], [7], [8], в том числе на основе такого механизма, как цифровизация ресурсов [11], [14]. Поэтому в качестве рубежной даты следует упомянуть 2010–2011 годы² [22].

Таким образом, целью данной работы является периодизация реформ системы здравоохранения постсоветской России в комплексе. Для достижения поставленной цели автор статьи предлагает: 1) выделить общие тенденции / механизмы / направления развития системы здравоохранения, опираясь на базовые документы и официальные выступления главы государства; 2) определить годы запуска, начала / конца реализации реформ и интенсивность их упоминаний.

В качестве источников для анализа будут использованы базовые нормативно-правовые акты РФ, Послания Президента Федеральному Собранию (1994–2021 годы), Прямая линия с Президентом России (2001–2022 годы).

В исследовании были использованы общенаучные методы, сравнительный исторический и хронологический исторический методы, контент-анализ, структурный подход.

ДАТЫ ПРИНЯТИЯ КЛЮЧЕВЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, АНОНСИРОВАНИЕ НОВЫХ ЭТАПОВ

В 1991 году появился закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»³, знаменующий переход к принципиально новой модели финансирования здравоохранения.

В 2000 году утверждена «Концепция охраны здоровья населения Российской Федерации на пе-

риод до 2005 года»⁴. На ее основе разработан ряд федеральных целевых программ.

В 2005 году анонсирован национальный проект «Здоровье», официальными целями которого стали: укрепление первичного звена, профилактики, усиление диспансеризации населения, улучшение доступности дорогостоящих и высокотехнологичных видов помощи⁵. Проект сопровождался техническим переоснащением ЛПУ⁶.

В 2011 году принят закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁷, в 2012 году – указ «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»⁸. Вновь, кроме общих аспектов, поднят вопрос о приоритетном развитии профилактики. Также в это время провозглашен новый этап модернизации здравоохранения, прошедший под знаком оптимизации материальных, финансовых и людских ресурсов⁹.

В 2018 году подписан указ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года»¹⁰, направленный в том числе на завершение / интенсификацию уже начатых реформ в здравоохранении.

В 2020 году вышел указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹¹, постулирующий продолжение работы по сохранению населения, здоровья и благополучия людей. В 2020 году также анонсирована новая программа масштабной модернизации первичного звена¹². Она была прервана пандемией ковида и вновь запущена в 2022 году¹³.

В таблице представлены: 1) проблемы, с которыми столкнулось отечественное здравоохранение после распада СССР; 2) механизмы решения, предложенные государством; 3) даты упоминаний / реализации / запуска механизмов.

Проблемы отечественной системы здравоохранения и механизмы их решения¹⁴
Problems of the national healthcare system and mechanisms to address them

| Постановка проблемы | | Источник упоминания | | | | | | | | |
|---|--|--|--|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 |
| Наименование проблемы / цели | Механизм | 1 ¹⁵ | 2 ¹⁶ | 3 ¹⁷ | 4 ¹⁸ | 5 ¹⁹ | 6 ²⁰ | 7 ²¹ | 8 ²² | 9 ²³ |
| Расширение частного сектора | расширение платной сферы | 1998 1999 | 2001 2013 | | | | | | | |
| | расширение частного сектора | 1999 2000 2005 | | | | | | | | |
| | развитие рыночных механизмов | | 2003 2009 | | | | | | | |
| | децентрализация, расширение хозяйственной самостоятельности | 2006 2018 2021 | 2013 2014 2015 2021 | | + | | | | | |
| Решение вопроса дефицита финансирования отрасли | переход к страховой медицине, сокращение расходов бюджетной системы на здравоохранение | 1994 1995 1998 2003 2004 2006 2008 2013 2014 2015 | 2001 2002 2009 | | | | | + | + | |
| | акцент на первичное звено (в том числе на раннюю диагностику и профилактические мероприятия) | 1999 2005 2006 2009 2010 2013 2016 2018 2019 2020 2021 | 2005 2006 2007 2009 2010 2017 2018 2019 2021 | + | + | + | | + | + | |
| | пропаганда ЗОЖ | 2009 2011 2012 2020 | | | | | | | | |
| | внедрение персонализированной медицины | 2013 | | | | | | | | |

Окончание таблицы

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 |
|--|--|--|--|---|---|---|---|---|----|----|
| Повышение качества услуг и производительности труда, решение вопроса дефицита кадров | ограничение бесплатных медицинских услуг базовым набором | 2011 | | | | | | | | |
| | внедрение программы «территория заботы» | 2018 | | | | | | | + | |
| | стимулирование труда (в том числе через эффективный контракт и родовые сертификаты) | 2006 2010 2012 2013 | 2001 2002 2006 2007 | | + | | + | + | | |
| | проблема дефицита кадров | 2013 2019 | 2005 2006 2007 2009 2010 2012 2013 2017 2019 | | | | | | | |
| | продолжение политики целевого набора | 2020 | | | | | | | | |
| | принцип солидарности, подушевое финансирование | 2013 | 2011 | | | | | | | |
| | возврат к отраслевой зарплате | 2020 | | | | | | | | |
| | развитие технологий (в том числе электронного документооборота и телемедицины) | 2006 2007 2009 2018 2010 2013 2015 2016 2018 2019 2021 | | + | + | | | + | + | |
| | «земский доктор» | 2019 | 2019 | | | | | | | |
| | мобильные выездные бригады | 2018 2019 | | + | | | | | | |
| Решение вопроса эпидемиологического транзита, неэффективности ресурсов | оптимизация, стационарзамещающие технологии | 1999 2013 2015 2016 2018 2019 | 2011 2013 2017 2021 | | + | | | | | |
| | оптимизация соотношения врачебного и среднего медицинского персонала в пользу последнего | | | | + | | | + | | |
| | «бережливая поликлиника» | 2019 | 2019 | | | | | | + | |

ДАТЫ ПЕРВЫХ УПОМИНАНИЙ – НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИЙ КОНКРЕТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Необходимость перехода к страховой медицине постулируется с 1994 года. Сегодня этот вопрос практически снят с повестки дня, в отличие от вопросов, связанных с возрождением первичного звена (стабильно поднимаются с 2005 года), развитием технологий, телемедицины, электронного документооборота, новыми методами стимулирования труда (с 2006 года), оптимизацией ресурсов (с 2008 года). Таким образом, основные механизмы развития системы здравоохранения (за исключением страховой медицины) были заложены в 2005–2008 годах.

ИНТЕНСИВНОСТЬ УПОМИНАНИЙ МЕХАНИЗМОВ

Почти одинаково пристальное внимание властей заслужили вопросы, касающиеся дефицита финансов и дефицита кадров. Расширение частной сферы и реорганизация ресурсов упоминаются почти в три раза реже.

Наиболее животрепещущие «подтемы» – переход к страховой медицине и развитие первичного звена.

«Пиками» частоты упоминаний являются: 1) для дефицита финансов – 2013, 2018/2019 годы; 2) для дефицита кадров – 2006/2007, 2013, 2018/2019 годы; 3) для реорганизации ресурсов – 2013 год. Для выяснения причин, почему

именно эти, а не другие годы стали периодами интенсификации реформ (когда государство проводило более активную политику в отношении выделенных проблем), безусловно, требуется дополнительное исследование, которое, к сожалению, выходит за рамки поставленных в статье целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В постсоветское время можно выделить два периода реформ: 1) после распада СССР и до 2005 года – переходный период (который связан в основном с формулировкой новых принципов функционирования здравоохранения

и первыми попытками внедрения страховой медицины и частных инициатив); 2) с 2005 года по наши дни – период системных преобразований (который направлен на последовательное воплощение ранее провозглашенных принципов на основе разработанных механизмов).

В период системных преобразований можно выделить еще три подпериода, в которые, кроме общих аспектов, делался акцент на узконаправленные задачи: 1) 2005–2013 годы – техническое переоснащение ЛПУ; 2) 2013–2020 годы – оптимизация финансовых, материальных и людских ресурсов [10]; 3) с 2022 года – масштабная модернизация первичного звена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая цифра означает дату принятия государством решения о проводимой реформе / постулирование цели, вторая – начало реализации реформы / четкого правового регулирования процесса.

² Губенко А. Голикова признала неудачной оптимизацию здравоохранения в регионах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/03/11/2019/5dbecba99a79470b57a29e69> (дата обращения 20.08.2022).

³ Закон РФ от 28.06.1991 № 1499-1 «О медицинском страховании граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2000 № 1202-р «Концепция охраны здоровья населения Российской Федерации на период до 2005 года» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Приоритетный национальный проект «Здоровье» // Департамент здравоохранения Воронежской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zdrav36.ru/proekt-zdorove/info> (дата обращения 20.08.2022).

⁶ Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России») 27 сентября 2005 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23190> (дата обращения 24.02.2022); Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // СПС КонсультантПлюс; Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России») 18 октября 2007 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24604> (дата обращения 24.02.2022).

⁷ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. Полный текст программы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2072038> (дата обращения 24.02.2022); Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.

¹² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Распоряжение Правительства России от 23.09.2022 № 2746-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/46613> (дата обращения 24.02.2022).

¹⁴ Знак «+» означает упоминание в тексте документа соответствующего механизма хотя бы один раз. Дата означает год Послания или Прямой речи Президента, упоминание соответствующего механизма хотя бы один раз. Имеет значение и прямое, и косвенное упоминание механизма. Пример прямого упоминания: «Предлагаю увеличить стоимость родовых сертификатов, которые мы ввели в прошлом году и которые себя зарекомендовали неплохо» (Послание Президента от 2006 года, механизм стимулирования труда). Пример косвенного упоминания: «Деньги должны следовать не в лечебное заведение за то, что оно существует в природе, а за качество оказываемых услуг и за количество воспользовавшихся ими пациентов. Вот когда в страховой системе будет достаточно средств для того, чтобы деньги следовали эффективно за пациентами, тогда и доходы самой сферы медицины, и доходы медицинских работников удастся, мне кажется, значительно изменить в качественную сторону» (Прямая линия от 2001 года, механизм стимулирования труда).

¹⁵ Послания Президента Федеральному Собранию (1994–2021 годы).

¹⁶ Прямая линия с Президентом России (2001–2022 годы).

- ¹⁷ Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года от 09.10.2007 № 1351 с изм. от 01.07.2014 // СПС КонсультантПлюс.
- ¹⁸ Концепция социально-экономического развития РФ на период до 2020 года от 17.11.2008 № 1662 // СПС КонсультантПлюс.
- ¹⁹ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // СПС КонсультантПлюс.
- ²⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» // СПС КонсультантПлюс.
- ²¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года от 13.03.2013 // СПС КонсультантПлюс.
- ²² Государственная программа РФ «Развитие здравоохранения» в ред. Постановления Правительства РФ от 01.03.2018 № 210 // СПС КонсультантПлюс.
- ²³ Указ Президента РФ от 07.05.2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова С. А. Основные экономические показатели развития российского медицинского рынка в 2015–2018 годах // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2019. № 1. С. 33–40. DOI: 10.25742/NRIPH.2019.01.004
2. Беляев С. А. О неравномерности обеспеченности врачами в федеральных округах страны в контексте процессов оптимизации в здравоохранении // Наука и практика регионов. 2019. № 1. С. 110–115.
3. Борзенко К. В. Эволюция государственно-частного партнерства в условиях цифровой экономики: новые возможности и новые приоритеты // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 1. С. 83–89.
4. Буранбаева Л. З., Якшимбетова Г. И. Социально-экономические приоритеты подушевого финансирования здравоохранения // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 4. С. 70–75.
5. Волкова Н. С. Модернизация здравоохранения и совершенствование статуса его учреждений // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 54–61.
6. Данилов А. И., Бизенков А. С. Реформирование системы здравоохранения в современной России // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2019. Т. 18. № 1. С. 202–205.
7. Данилова Н. В. Возможности оптимизации подготовки кадров для практического здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2012. № 3. С. 20–24.
8. Елизарова Л. И., Слепцова Е. В. Особенности управления профессиональным развитием персонала в медицинских учреждениях // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4. С. 58–61.
9. Ерохина Т. В. Некоторые особенности реформирования системы здравоохранения // Социальное и пенсионное право. 2013. № 1. С. 20–23.
10. Короткова М. Н. Социальная политика государства: модернизация системы здравоохранения в постсоветский период // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 48–50. DOI: 10.26140/anie-2020-0903-0048
11. Крутиков В. К., Якунина М. В., Шаров С. В. Формирование системы общественного здравоохранения на базе технологий цифровой экономики // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Серия: Экономика и управление. 2021. № 18. С. 36–38.
12. Мохов А. А. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года и ее правовое обеспечение // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 48–50.
13. Нехаичук Д. В., Котелевская Ю. В., Шевчук Л. Е. К вопросу качественного финансового обеспечения социально-экономического развития региона: город Севастополь // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 8-1. С. 85–93.
14. Романов К. А. и др. Оптимизация информатизации управления в системе здравоохранения // Вестник ИжГТУ имени М. Т. Калашникова. 2014. № 2 (62). С. 140–142.
15. Рютли А. А., Ларионов М. Ю., Варламов Б. А. Законодательные основы закупок в государственных учреждениях // ЦИТИСЭ. 2020. № 2. С. 371–384. DOI: 10.15350/2409-7616.2020.2.34
16. Соболева Е. А. О реформировании системы оплаты труда в здравоохранении: достижения, проблемы, коррективы // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6, № 4. С. 80–90. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-9
17. Соболева Е. А. Эволюция модели финансирования здравоохранения в РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 12-3. С. 67–75. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11519
18. Счетная палата Российской Федерации. О реализации государственной политики в сфере здравоохранения // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2013. № 23 (507). С. 5–26.
19. Тимаков И. В. Институциональные особенности финансирования российского здравоохранения // Дискуссия. 2020. № 3. С. 6–14. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10061

20. Тишков Д. С. Стоматологическое здравоохранение в России: сравнение полиса обязательного медицинского страхования и частных услуг в стоматологической практике // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 1. С. 334–336. DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0082
21. Шахаева А. М., Вердиева Д. А. Пробелы договора возмездного оказания медицинских услуг // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 37, № 1. С. 80–83. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-37-1-80-83
22. Юзвович Л. И., Юзвович А. В., Стукова Н. В. Эволюционная парадигма системы финансирования здравоохранения в Российской Федерации // Sciences of Europe. 2017. № 13-4 (13). С. 88–93.

Поступила в редакцию 27.08.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Maria N. Korotkova, Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor, Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner (Perm, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4997-7109; korotkova_mariya@mail.ru

STATE SOCIAL POLICY: PERIODIZATION OF HEALTHCARE REFORMS IN THE POST-SOVIET PERIOD

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, the new government initiated reforms, including those in the healthcare system, aimed at the transition to market relations. Today, after several decades, it is time to summarize the results of the state social policy. The method of periodization is widely used in historical science as one of the summary methods. The presented research novelty is determined by the insufficient number of articles dealing with the issues of the periodization of the post-Soviet healthcare reforms: most articles address this issue indirectly and/or investigate particular reforms. The main stages of reforms presented in this study are the result of the systematic approach. To determine these stages, the article considers the main healthcare system problems, mechanisms to address them, the frequency of references, and the dates of the beginning of the reform implementation. The main sources of the research were official documents and the speeches of the Russian President. The research used the comparative and chronological methods, the content analysis, and the structural approach. As a result, two stages of reforms were identified: 1) the transitional stage from the collapse of the USSR to 2005 (new principles of healthcare functioning were formulated, but changes during this stage were poorly controlled and, therefore, ineffective); 2) the stage of systemic transformations from 2005 to the present day (consistent implementation of previously formulated principles). The latter can be further divided into three sub-periods: 1) from 2005 to 2013 – technical re-equipment of medical facilities; 2) from 2013 to 2020 – optimization of financial, material, and human resources; 3) from 2020 – primary care modernization (suspended by the coronavirus pandemic).

Key words: history of healthcare, history of medicine, healthcare reforms, periodization

For citation: Korotkova, M. N. State social policy: periodization of healthcare reforms in the post-Soviet period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.850

REFERENCES

1. Bazhenova, S. A. Main economic indicators of Russian medical market in 2015–2018. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2019;1:33–40. DOI: 10.25742/NRIPH.2019.01.004 (In Russ.)
2. Belyaev, S. A. Unequal staffing of medical facilities in the country's federal districts in the context of healthcare optimization process. *Science and Practice in the Regions*. 2019;1:110–115. (In Russ.)
3. Borzenko, K. V. Evolution of public-private partnership in digital economy: new opportunities and new priorities. *Vestnik of Rostov State University of Economics*. 2019;1:83–89. (In Russ.)
4. Buranbaeva, L. Z., Yakshimbetova, G. I. Socio-economic priorities of per capita financing of health. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2017;4:70–75. (In Russ.)
5. Volkova, N. S. Modernization of healthcare and improvement of the status of its institutions. *Journal of Russian Law*. 2006;4:54–61. (In Russ.)
6. Danilov, A. I., Bizenkov, A. S. Health care system reforming in modern Russia. *Vestnik of the Smolensk State Medical Academy*. 2019;18(1):202–205. (In Russ.)
7. Danilova, N. D. Opportunities of optimizing personnel training for practical health care. *Manager Zdravoochraneniya*. 2012;3:20–24. (In Russ.)
8. Elizarova, L. I., Sleptsova, E. V. Features of managing the professional development of personnel in medical institutions. *Economics of Sustainable Development*. 2021;4:58–61. (In Russ.)
9. Erokhina, T. V. Some peculiarities of reform of the system of health care. *Social and Pension Law*. 2013;1:20–23. (In Russ.)
10. Korotkova, M. N. Social policy: modernization of the health care system in the post-Soviet period. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2020;9(3):48–50. DOI: 10.26140/anie-2020-0903-0048 (In Russ.)

11. Krutikov, V. K., Yakunina, M. V., Sharov, S. V. Formation of a public healthcare system based on digital economy technologies. *Bulletin of the Central Russian University Educational Consortium. Series: Economics and Administration*. 2021;18:36–38. (In Russ.)
12. Mokhov, A. A. The concept of Russia's healthcare system development until 2020 and its legal support. *Russian Justice*. 2011;8:48–50. (In Russ.)
13. Nekhaychuk, D. V., Kotelevskaya, Yu. V., Shevchuk, L. E. High-quality financial support for the socio-economic development of the region: the city of Sevastopol. *Bulletin of Altai State Academy of Economics and Law*. 2019;8:85–93. (In Russ.)
14. Romanov, K. A. et al. Management informatization optimization in the healthcare system. *Bulletin of Kalashnikov Izhevsk State Technical University*. 2014;2:140–142. (In Russ.)
15. Riutli, A. A., Larionov, M. Yu., Varlamov, B. A. Legislative bases of purchasing in public institutions. *CITISE*. 2020;2:371–384. DOI: 10.15350/2409-7616.2020.2.34 (In Russ.)
16. Soboleva, E. A. On reforming the remuneration system in health care: achievements, challenges, adjustments. *Research Result. Economic Research*. 2020;6(4):80–90. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-4-0-9 (In Russ.)
17. Soboleva, E. A. Evolution of the model of public health financing in Russia. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2019;12(3):67–75. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11519 (In Russ.)
18. Accounting Chamber of the Russian Federation. Implementation of the state policy in the field of healthcare. *Analytical Bulletin of Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*. 2013;23(507):5–26. (In Russ.)
19. Timakov, I. V. Institutional aspects of Russian healthcare finance. *Discussion*. 2020;3:6–14. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10061 (In Russ.)
20. Tishkov, D. S. Dental healthcare in Russia: a comparison of the policy of obligatory medical insurance and private services in the dental practice. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2021;10(1):334–336. DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0082 (In Russ.)
21. Shakhaeva, A. M., Verdieva, D. A. Gaps in the contract for paid medical services. *Law Herald of Dagestan State University*. 2021;37(1):80–83. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-37-1-80-83 (In Russ.)
22. Yuzvovich, L. I., Yuzvovich, A. V., Stukova, N. V. The evolutionary paradigm of health financing in the Russian Federation. *Sciences of Europe*. 2017;13(4):88–93 (In Russ.)

Received: 27 August, 2022; accepted: 26 December, 2022

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

syrsa@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КАРЕЛИИ В 1930-е ГОДЫ

А н н о т а ц и я . Для формирования эффективной государственной политики устойчивого развития важно изучать социальные последствия экономических реформ. В статье впервые рассмотрены основные направления развития здравоохранения Карелии в контексте форсированной индустриализации 1930-х годов. В числе достижений выделены формирование санитарной службы, амбулаторной сети, развитие специализированной медицинской помощи, в том числе родовспоможения, начало плановой вакцинации взрослого населения. В условиях снижения уровня жизни рабочих, массового привлечения сезонников стали создаваться медицинские учреждения при ведущих промышленных предприятиях. Впервые была развернута широкая подготовка среднего медицинского персонала. Однако многие проблемы здравоохранения сохраняли остроту, особенно на селе. Выпускники медицинских вузов плохо закреплялись на работе ввиду большой нагрузки, отсутствия жилья. Отсталое коммунальное хозяйство, трудные жилищные условия мигрантов, отсутствие эффективных вакцин против ряда тяжелых болезней сохраняли высокий уровень эпидемических угроз. Люди жаловались на очереди в медицинских учреждениях, нехватку медикаментов, низкое качество медицинской помощи. Здравоохранение признавалось одной из отстающих сфер развития Карелии. Исследование выполнено на основе архивных документов с применением системного и проблемно-хронологического методов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : здравоохранение, медицинские кадры, Государственная санитарная инспекция, эпидемия, вакцинация, родильный дом, аборт, санаторий

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филимончик С. Н. Развитие здравоохранения в Карелии в 1930-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 44–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.851

ВВЕДЕНИЕ

Динамика современного мирового развития обострила проблему эффективности социальных институтов по обеспечению безопасности и здоровья людей. Во время пандемии коронавируса граждане многих стран сомневались в принятых властных решениях, но восхищались героическими усилиями подвижников – медиков. Вырос общественный интерес к здравоохранению как важнейшей части социальной политики государства. В России историей здравоохранения традиционно занимались врачи и руководители органов здравоохранения, они стремились сберечь память о выдающихся профессионалах, проследить процесс совершенствования методов лечения. Достижения советской медицины связывались с преимуществами социалистического строя [4], [8], [10], [13], [18]. В последние десятилетия в изучение истории советского здравоохранения активно включились историки. Они рассматривают здравоохранение

в тесной связи с другими сферами общественного развития и с учетом специфики природной, хозяйственной, культурной жизни на местах [1], [6], [7], [15]. Региональный материал ценен при изучении таких дискуссионных вопросов, как доступность квалифицированной медицинской помощи, роль медицинских учреждений при промышленных предприятиях, квалификация выпускников медицинских вузов и др.

Основные проблемы развития здравоохранения Советской Карелии в эпоху нэпа обстоятельно охарактеризовала И. И. Колесьянкина [12], а в послевоенное десятилетие – Л. И. Вавулинская [3]. Здравоохранение Карелии в 1930-е годы остается малоисследованным, хотя изучение этого вопроса важно для понимания социальных последствий форсированной индустриализации и коллективизации. Частично восполняя данный пробел, автор ставит задачей охарактеризовать сеть медицинских учреждений Карелии, их кадровое обеспечение и основные направ-

ления деятельности в 1930-е годы. Источниковую базу работы составили документы 16 фондов Национального архива Республики Карелия. Используются отчетные и статистические документы фондов Совнаркома КАССР, Госплана КАССР, УНХУ Госплана КАССР, Минздрава КАССР, Минздрава КФССР. К сожалению, отчеты о работе органов здравоохранения в связи с чрезвычайными условиями эвакуации в 1941 году сохранились частично. Привлечены материалы личных фондов известных врачей С. А. Вишневого, М. Д. Иссерсона, К. А. Гуткина, опубликованные воспоминания медиков. Они позволили уточнить хронологию событий, полнее представить облик врачей, условия их работы. В процессе исследования использованы системный и проблемно-хронологический методы.

В начале 1930-х годов из-за недостатка средств, выделяемых государством на социальную сферу, отставания строительной отрасли сохранялась отсталость материальной базы здравоохранения. В 1934 году в Карелии работала 41 больница, стационарное лечение одновременно могли проходить 1541 человек. Однако три четверти больниц располагались в обветшавших помещениях, не отвечающих санитарным требованиям. Были случаи закрытия медицинских учреждений из-за антисанитарного состояния (в Пряже, Толвуде). Коечный фонд рос за счет уплотнения помещений и приспособления под больницы обычных крестьянских изб. Если строились новые больницы, то экономили на всем: в новостройках не было необходимых хозяйственных построек (ледника, прачечной, кухни), водопровода и канализации. Многие фельдшерские пункты не имели автоклавов, биксов для стерилизации перевязочного материала. В больницах не хватало постельного белья, а имевшееся было изношено. Очень скудным был рацион питания.

В Петрозаводске новых больниц не строилось, а численность больных в зданиях, построенных до революции, увеличилась в три раза. Самая крупная Центральная (с 1936 года – Петрозаводская городская) больница (595 коек) располагалась в зданиях, нуждавшихся в ремонте. Так, о терапевтическом отделении в отчете за 1931 год с горечью отмечалось: «Это не больница, а казарма или общежитие для больных, здание такое ветхое, что его нельзя даже и ремонтировать»¹. Акушерско-гинекологическое отделение больницы хирург Михаил Давыдович Иссерсон на X Всекарельском съезде Советов (1935 год) охарактеризовал так: «В это

учреждение в настоящее время люди боятся поступать, избегают его»². Больница имела печное отопление – 288 топков. Больничный обоз ежедневно доставлял для своего хозяйства 14–15 бочек колодезной воды³. В 1931 году заявки на молоко в Центральной больнице выполнялись лишь на треть, не поступало ни коровье, ни растительное масло, не хватало картофеля⁴. Питание больных было недостаточным по калорийности и однообразным.

В середине 1930-х годов ситуация стала выправляться. Почти все больницы были обеспечены инвентарем, бельем. Был проведен ремонт помещений, закуплены рентгеновские аппараты, оборудование для физиопроцедур. Значительно улучшилось питание больных. В 1934 году в городских больницах на питание выделялось 1,75 руб., а в 1935 году – 3,8 руб. В сельской местности за это время средства на питание больного выросли с 1,5 руб. до 3 руб. Для нуждающихся было введено диетическое питание⁵. В подсобных хозяйствах больниц содержались коровы, свиньи и куры, выращивались картошка, свекла, капуста, огурцы и помидоры. В результате удалось улучшить питание больных, материально поддержать медиков. Правда, персоналу больниц при этом поручили в дополнение к профессиональным обязанностям огородные и фермерские работы⁶.

В 1935 году в Карелии прошел конкурс на лучшую больницу. По его итогам лучшей стала больница в Повенце. Среди победителей конкурса оказались Сорокская, Кондопожская больницы, больница Нивастрой⁷. Показательными признали также больницы в Олонце, Ухте, Пудожье, Шуньге. Конкурс показал заметные изменения к лучшему в районных больницах. Из новостроек выделим больничный городок в Кондопоге, строительство которого завершилось в 1937 году. В него вошли здание больницы на 130 коек, жилой дом для медиков, прачечная, морг⁸. Кроме того, в поселке бумажников работали поликлиника, туберкулезный пункт, венерологический диспансер, детская и женская консультации, молочная кухня⁹. Возможности для получения медицинской помощи у жителей Кондопоги заметно расширились [17: 86].

Ведущим центром специализированной медицинской помощи стала Петрозаводская городская больница. В 1940 году в ее составе работало 9 отделений. Штатное расписание включало 23,5 должности врачей и 103 должности среднего медицинского персонала [14: 39, 213]. Самыми оснащенными являлись глазная и хирургическая лечебницы. Они располагались в специальных, хорошо оборудованных зданиях, имели рент-

ген, физиоаппаратуру. Общественный авторитет и профессиональное признание снискали их руководители – офтальмолог Илья Александрович Шехман и хирург Михаил Давыдович Иссерсон. В 1935 году, когда построили второй корпус, хирургическая лечебница стала самостоятельным учреждением. С 1929 года в центральной больнице была организована стационарная помощь лор-больным. С 1930 года заведовал отоларингологическим отделением Александр Федорович Никольский. В 1932 году открылось травматологическое отделение – одно из первых в РСФСР. С 1934 года им заведовал хирург Василий Александрович Баранов. При травматологическом отделении круглосуточно работал травмпункт¹⁰. В 1937 году в Петрозаводской горбольнице открылся онкологический пункт. Лечение онкологических больных вели хирург Зинаида Михайловна Иссерсон и гинеколог Павла Алексеевна Цаль [2: 124].

В Петрозаводске в 1929 году открылся республиканский кожно-венерологический диспансер. Большой вклад в его развитие внесли врачи Марк Тимофеевич Бриль и Владимир Дмитриевич Тихомиров. В 1930 году под руководством Сергея Александровича Вишневого начала работу физиотерапевтическая лечебница [4: 8]. На ее базе действовал филиал Ленинградского НИИ физиотерапии и курортологии.

Большое значение для развития специализированной помощи в Карелии имела поддержка ленинградских медицинских центров: Ленинградского государственного института для усовершенствования врачей, Института травматологии и ортопедии, Института переливания крови, Института онкологии [14: 37]. Специалисты из Ленинграда курировали деятельность новых медицинских подразделений, брали врачей Карелии на стажировки и повышение квалификации. Ленинградские клиники принимали больных из Карелии. Для консультирования в Петрозаводск безотказно приезжали ведущие профессора¹¹. В АКССР были созданы филиалы ленинградских институтов – по травматологии, акушерству, гинекологии и др.

В 1933 году в Карелии организован филиал Ленинградского института по переливанию крови под руководством М. Д. Иссерсона. 25 мая 1933 года им было сделано первое в Карелии переливание крови пациентке Лобановой, находившейся при смерти. После процедуры больная пошла на поправку и вскоре выписалась из больницы. Первое переливание крови ярко отложилось в памяти Константина Андреевича Гуткина:

«Во время операции все ординаторы отделения и акушеры-гинекологи находились в операционной и, затаив дыхание, внимательно следили за ходом ее. Михаил Давыдович со свойственной ему щепетильностью провел операцию блестяще. Овладение новым лечебным методом произвело на нас всех исключительное впечатление»¹².

За первые три года работы филиала было выполнено 239 переливаний крови¹³.

В рассматриваемый период впервые в Карелии формируется система амбулаторной помощи больным, прежде ее вели в стационарах. В 1930 году в Петрозаводске открылась городская поликлиника [14: 36]. Амбулаторное лечение начали организовывать на ведущих городских предприятиях. В 1936 году была открыта поликлиника Онегзавода. В ее составе работали терапевтический, глазной, хирургический, гинекологический, стоматологический, отоларингологический, физиокабинеты. При Лыжной фабрике действовала врачебная амбулатория, где оказывалась хирургическая, терапевтическая, зубоврачебная помощь.

На предприятиях активно создавались здравпункты. За 1932–1937 годы их численность выросла с 9 до 41, то есть в 4,5 раза¹⁴. Здравпункты оказывали медпомощь работникам, проводили профилактические осмотры, вели учет производственного травматизма и разрабатывали меры по его устранению¹⁵. Стали создаваться здравпункты и на предприятиях лесной отрасли. Однако качество медицинской помощи лесозаготовителям оставалось недостаточным¹⁶. На постоянную работу на лесопункты отправляли ротных фельдшеров и сестер Красного Креста, обладавших лишь базовыми медицинскими знаниями. В краткосрочные командировки выезжали врачи из Ленинграда и Петрозаводска.

Чтобы охватить срочной медицинской помощью отдаленные населенные пункты, с 1937 года в Карелии начала использоваться санитарная авиация. АвиAPERелеты в то время еще только отрабатывались, и на случай непредвиденных обстоятельств врачей знакомили с устройством самолета. К. А. Гуткин вспоминал первые полеты из гидропорта: У-2 никак не мог оторваться от воды, долго катался по Онежскому озеру, заливая пассажиров водой. Зимой Гуткин вылетел на срочную операцию в Пудож и настолько замерз, что во время операции его руки не чувствовали тепла крови больной¹⁷. В 1938 году врачи В. Н. Петропавловский и К. А. Гуткин были награждены правительством Карелии за активное участие в работе санитарной авиации¹⁸.

В условиях форсированной индустриализации и коллективизации резко активизировались ми-

грационные потоки, а жилищные условия, питание и быт многих мигрантов не были устроены. Нужно было быстро сформировать сеть государственных учреждений для предупреждения и борьбы с инфекционными и паразитарными заболеваниями. В 1932 году при Наркомздраве АКССР создана Государственная санитарная инспекция. Ее руководителем стал заместитель наркома здравоохранения республики Владимир Теофилович Ярошевич – опытный санитарный врач. К концу 1930-х годов в каждом районе работали санинспектор и три его помощника.

В 1935 году из состава инспекции выделилось эпидемиологическое управление. В 1939 году впервые в Карелии организованы санэпидстанции: Республиканская, Петрозаводская городская и три межрайонные – в Кондопоге, Медвежьегорске и Прионежском районе¹⁹. В Петрозаводске и Кеми работали бактериологические лаборатории²⁰.

При эпидемической вспышке в очаг командировался эпидемический отряд. Открывались изоляторы, работали дезокамеры, банно-прачечные отряды. Массовая санпросветработа включала лекции, беседы, киносеансы, размещение плакатов, фотовыставки. Так, в 1938 году в Карелии зафиксирована вспышка малярии – 1,8 тыс. случаев. Больше всего заболевших было выявлено среди сезонников на лесозаготовительных и горных предприятиях в Пудожском, Кондопожском, Беломорском районах. Медики быстро организовали обследование рабочих. Впервые в Карелии открылись малярийные кабинеты в Петрозаводске, Суне и Шале, а также санитарные пункты. Наркомздрав АКССР подготовил маляриолога и хинизаторов, специалисты Ленинградской малярийной станции консультировали врачей на межрайонных конференциях. Вблизи общежитий сезонников провели гидротехнические работы и частичное благоустройство территории. Для населения организовали массовые лекции «Все на борьбу с малярией», просмотр кинофильма «Крылатый враг». В Пудожском районе удалось добиться снижения рецидивов болезни на 80 %. Смертельных случаев от малярии во время этой вспышки не зафиксировано²¹.

Санитарная сеть Карелии испытывала острую нехватку кадров. В первой половине 1930-х годов в районах фактически не было эпидемиологов, имелось всего 6–8 санитарных врачей вместо полагавшихся 21 по штату²². В Кондопожском, Медвежьегорском районах работали санитарные врачи. В других районах – фельдшеры или медтехники, подготовленные по ускоренной программе. Они не обладали должным авторитетом, хозяйственники выпол-

няли их требования под сильным нажимом²³. Чтобы привлечь кадры, зарплату санитарных врачей увеличили на 30 %, что мало помогло²⁴. Временным выходом стали командировки в Карелию санитарных врачей из Ленинграда. Государственная санитарная инспекция проверяла предприятия сферы питания. В 1933 году столовые, магазины, рынки, пекарни были обследованы с участием санитарных врачей из Ленинграда. Во время проверок чаще всего выявляли некачественную рыбу. Так, в Пудожском районе за год уничтожалось более 1 тыс. кг рыбы. Кроме того, изымались испорченные картофель, крупы, горох, консервы, печенье. Выявлялись нарушения у персонала столовых и пекарен: нехватка спецодежды, нерегулярное прохождение медицинских осмотров. Санитарная инспекция осуществляла жилищно-коммунальный надзор: проверяла общежития, прачечные, парикмахерские. Повсеместно выявлялись грязь, нехватка постельных принадлежностей, посуды в общежитиях. Много нареканий было к ветхим баням, а средств на строительство новых не хватало. Во многих поселениях вокруг домов копился мусор, нерегулярно убирались уборные, были переполнены помойки. По итогам проверок составлялись акты с требованиями исправить положение в определенный срок. До устранения недостатков закрывались магазины (Шелтозерский район), пекарни, парикмахерские (Медвежьегорский район), промышленные объекты (Петрозаводск). Нарушителей санитарных требований штрафовали, в районах – весьма скромно. В 1940 году в Пудожском районе взыскано 115 руб., в районе Калевалы 235 руб., в Кемском районе 370 руб., а в Петрозаводске 12790 руб. О более строгом контроле за столичными объектами говорит и тот факт, что в том же году в Петрозаводске по санитарным показаниям было возбуждено 10 уголовных дел²⁵.

Важной противоэпидемической мерой стала вакцинация. С середины XIX века в Олонецкой губернии прививали от оспы детей и подростков [16], однако только в советское время эта работа стала массово вестись среди взрослых. Обязательная вакцинация дала результат: в Карелии во второй половине 1920-х годов фиксировались лишь единичные случаи оспы [12: 139]. Однако в начале 1930-х годов ситуация осложнилась. Болезнь выявлялась среди иммигрантов из Америки. В 1933 году зафиксирована вспышка заболевания среди рабочих Нива-строа²⁶. Вспышки удалось быстро локализовать. При этом активизировалась прививочная кампания. В 1935 году в Карелии поставлено более 84 тыс.²⁷, в 1936 году – 99 тыс. прививок против

оспы²⁸. Пути распространения вируса удалось перекрыть. Официально в стране в 1936 году было заявлено, что оспа ликвидирована.

В середине 1930-х годов в Карелии проводилась плановая вакцинация взрослого населения против брюшного тифа, ежегодно ставилось 53–70 тыс. прививок. В 1932 году в Петрозаводске зарегистрирован 671 случай брюшного тифа, а в 1935-м – 68. Налицо снижение случаев опасного заболевания. Однако в 1936–1937 годах в Петрозаводске вновь подскочила заболеваемость брюшным тифом. Причина, способствовавшая распространению инфекции, – плохое санитарное состояние города. В основном тиф завозился с сезонной рабочей силой. Заслон болезни должен был поставить санитарно-пропускной пункт, но его строительство в Петрозаводске превратилось в долгострой. В 1933 году рапортовали, что здание подведено под крышу²⁹, однако и в 1940 году санпропускник в Петрозаводске все еще не был достроен. Численность привитых против других инфекций в 1930-е годы была незначительной – всего несколько тысяч человек в год, ситуация с заболеваемостью скарлатиной, дизентерией и особенно корью сохранялась тревожной. После советско-финляндской войны, потребовавшей от приграничной республики большого напряжения, заболеваемость инфекционными заболеваниями вновь выросла, особенно на севере Карелии.

Одной из самых острых проблем являлась высокая заболеваемость и высокая смертность среди детей. Более благополучной ситуация в этой сфере была в середине 1930-х годов, когда детская смертность снизилась в сравнении с началом 1930-х годов с 25–30 до 20–21 промилле, а в некоторых районах Карелии – до 12–13 промилле³⁰. Чаще всего младенцы погибали от желудочно-кишечных заболеваний и пневмонии. Лечение детей оставалось отсталым участком здравоохранения. Однако, несмотря на трудности, врачи успешно осваивали новые методы лечения. Много детей, заболевших дифтерией, умирало вследствие острого удушья. В начале 1930-х годов для спасения ребенка в экстренной ситуации впервые в Карелии стали применять метод интубации – введение полой трубки в щель гортани. Заведующий инфекционным отделением Центральной больницы Абрам Андреевич Гуткин освоил эту методику и квалифицированно интубировал детей³¹.

С 1926 года в Петрозаводске работал пункт охраны материнства и младенчества, в 1930-е годы он был реорганизован в самостоятельные учреждения – детскую и женскую консультацию. В 1936 году при детской консультации от-

крыли столовую для детей из малообеспеченных семей. По отзывам, кормили в ней питательно и вкусно³². В 1936 году организован социально-правовой кабинет, где матери могли получить юридическую консультацию и при необходимости материальную помощь³³. С 1937 года организована квартирная помощь детям, а в конце 1930-х годов в Карелии открылась первая специализированная детская больница³⁴. Важным направлением охраны материнства и детства стало открытие новых роддомов и родильных отделений³⁵. В 1939 году в республике действовало 12 родильных домов, в том числе 8 в сельской местности. Койки для рожениц выделялись при врачебных амбулаториях, фельдшерско-акушерских пунктах. Был взят курс на создание колхозных роддомов. Часть из них была хорошо оснащена – в Кончезере, Шокше, Ялгубе, Шуе, Нюхче, Святозере и др. Однако большинство колхозных роддомов были плохо оборудованы, так как колхозы не имели достаточных средств для их содержания³⁶. Тем не менее не только в городах, но и в сельских поселениях Карелии большинство родов проходило с медицинской помощью. Так, за первое полугодие 1936 года на селе зарегистрировано 7655 родов, из них 4737 прошли с медицинской помощью: 3652 в стационаре, 1085 дома при медицинской поддержке³⁷. Через женские консультации, пункты охраны материнства распространялись средства контрацепции, но их не хватало. Регулирование рождаемости проводилось преимущественно через аборт. Советская Россия являлась первой страной, легализовавшей прерывание беременности по желанию беременной женщины. Число абортов в Карелии росло: в 1931 году – 1984, в 1933 году – 2523, в 1934 году – 2600³⁸. При том, что с 1926 года были запрещены аборт при первой беременности, а также делавшим эту операцию менее полугодом назад. Для прерывания беременности требовалось сначала получить разрешение так называемой абортной комиссии. В 1930-е годы была введена плата за аборт. В 1935 году она составляла от 25 до 300 руб. Бесплатно прерывали беременность больным туберкулезом, эпилепсией, шизофренией, страдающим врожденным пороком сердца [11]. В 1936 году аборт в СССР вообще были запрещены, их можно было проводить только по медицинским показаниям. Эта административная мера способствовала увеличению рождаемости, количество абортов резко снизилось. Так, в 1936 году в Петрозаводске до декрета было сделано 982 аборта, а после декрета – 24. В то же время возросло число криминальных абортов. Зафиксированы смертные

случаи по этой причине³⁹. Женщины сначала шли к знахарке, к «бабке», а к медикам обращались уже с начавшимся абортom. В 1938 году в Петрозаводске было выполнено 575 абортom, из них по разрешению врача всего 46. Подавляющее большинство абортom (529) началось вне медицинского учреждения. О таких случаях врач должен был информировать правоохранительные органы, на практике это выполнялось в исключительных случаях. В 1938 году в Петрозаводске по итогам разбирательства были переданы в прокуратуру три дела⁴⁰.

Уровень медицинской помощи существенно зависел от кадрового обеспечения этой важнейшей сферы. В 1933 году Карелии требовалось 334 врача, а фактически работало 174 (52 %). Большинство молодых врачей подготовили для республики ленинградские вузы. Далеко не всем студентам, если они не имели среднего медицинского образования, короткий срок обучения – 4 года – обеспечивал высокую профессиональную подготовку.

Часто молодые врачи, немного поработав, покидали Карелию, так как не могли получить жилья, обустроить быт, а работать приходилось на износ. В 1933 году прибыли на работу 64 врача, а уехали из республики 57⁴¹. В докладе наркома здравоохранения АКССР Стернина на X Всекарельском съезде Советов отмечалось: «Кадры, которые имеются в наличии, разбегаются»⁴². В районы в качестве шефской помощи командировывали врачей из Ленинграда, но это было временной мерой. Практика показала, что обычно в Карелии закреплялись те, кто здесь вырос и был послан на учебу республиканскими властями. В 1934 году 133 стипендиата Карелии обучались в медицинских вузах Ленинграда⁴³. Еще до войны была поставлена задача открыть в республике собственный медицинский вуз.

В 1935 году, когда развернулось стахановское движение, партийная ячейка Наркомздрава на собрании обсуждала вопрос о том, как организовать его в своей сфере. Пришли к выводу, что стахановское движение в медицине – это прежде всего изжитие казенного отношения к больному, освобождение врачей от канцелярской работы. Добиться внимательного отношения к больному непросто, говорилось на этом собрании, ибо «районные врачи выполняют по 30 вызовов в день. О качестве их работы история умалчивает»⁴⁴.

Заработная плата участкового врача в 1934 году составляла 270 руб. по ставке, кроме того полагались надбавки до 35 % за выслугу лет, обслуживание лесозаготовок и др. Все врачи брали совместительство, за него допла-

чивалось полставки. В Петрозаводске практически каждый врач имел два или более места службы. В условиях карточной системы врачам выдавался спецпак из 6 продуктов. При крупных больницах открывались столовые закрытого типа (в Сороке, Пудожье, Олонце и др.). В подсобных хозяйствах был выделен особый фонд для улучшения снабжения медиков. В сельской же местности врачи несколько лет получали один хлеб, даже молоко в колхозах им не выдавалось месяцами, только после отмены карточек положение сельских медиков заметно улучшилось. В 1940 году заработок врача составлял 500 руб., фельдшера, как правило, – 275 руб., акушерки – 225 руб.⁴⁵

Если в 1923 году в республике работало 55 врачей, в 1933 году – 174, то в 1940 году – 331 врач⁴⁶. Большинство врачей (224) работали в городских поселениях. Более трети (137) врачей – это терапевты. Помимо них, насчитывалось 25 хирургов, 20 акушеров-гинекологов, 54 педиатра, 10 окулистов, 11 невропатологов и др. 50 зубных врачей и 15 фармацевтов имели высшее образование. Большинство врачей – это женщины.

В рассматриваемый период в республике удалось наладить систему подготовки среднего медицинского персонала. В 1929 году в Петрозаводске возобновил работу медицинский техникум в составе акушерского отделения (3 года обучения) и отделения медсестер (2,5 года обучения). В 1935 году техникум был преобразован в фельдшерско-акушерскую школу. В ней подготовка медицинских кадров быстро наращивалась. В 1933 году учебное заведение окончили 32 человека, а в 1937 году – 120 человек, из них 110 выпускников были направлены в районы. В фельдшерско-акушерской школе преподавали известные врачи М. Д. Иссерсон, С. А. Вишневский, К. А. Гуткин, Н. Д. Цаль и др.⁴⁷ Также в Петрозаводске работала школа медсестер. В 1936 году в ней обучалось 173 человека.

За 1923–1940 годы число среднего медицинского персонала выросло в Карелии в 14 раз – с 165 до 2301. Большинство их (1181) работали в сельской местности⁴⁸. Законченное среднее медицинское образование имели более трех четвертей медиков⁴⁹.

Обеспеченность медицинскими кадрами районов перед войной покажем на примере северного Тунгудского района. В нем проживало 11,2 тыс. человек, их обслуживали 38 медиков, в подавляющем большинстве – специалисты со средним профессиональным образованием. В каждом поселке действовал медпункт. В райцентре – деревне Лехта располагалась больница, которой руководила молодой врач Юлия Федо-

ровна Покровская, карелка, в 1939 году окончившая 3-й Ленинградский медицинский институт. В 1939–1940 годах в район прибыло еще три врача, для всех них Тунгудский район стал началом профессионального пути. Кроме того, здесь работали 11 фельдшеров, в отличие от врачей среди фельдшеров было больше опытных работников: три фельдшера имели 20-летний профессиональный стаж, двое – стаж более 10 лет⁵⁰. Также в районе работали 10 акушеров, 9 медицинских сестер, 5 ясельных сестер и санинспектор. Большинство фельдшеров и медсестер получили образование в Петрозаводской фельдшерской школе. Медиков имели и трудпоселки. Правда, уровень подготовки этих работников был ниже. Так, в трудпоселке Летняя 2 медпунктом заведовал фельдшер Григорий Спиридонович Кочеватов, окончивший ротные курсы во время Первой мировой войны. В трудпоселке Летняя больницей заведовала фельдшер Антонина Федоровна Трянина, окончившая 6-месячные курсы Беломорско-Балтийского комбината.

Руководящий состав органов здравоохранения пострадал во время массовых репрессий. В 1936 году в причастности к троцкистской оппозиции был обвинен нарком здравоохранения Карелии Василий Петрович Аверкиев, вскоре покончивший с собой. Был расстрелян заместитель наркома, главный санитарный врач В. Т. Ярошевич. В ходе чисток госаппарата пострадали управленцы на местах. Так, в 1937 году главному врачу Пудожской районной больницы Федору Федоровичу Шаблееву предъявили обвинения в том, что он якобы организовал контрреволюционную повстанческую группу и даже устроил диверсионный акт – отравил воду в Водле, чтобы началась эпидемия. Его расстреляли 5 октября 1937 года [5: 190]. А ведь совсем недавно, на X Всекарельском съезде Советов, главный врач Пудожской больницы Шаблеев характеризовался как один из лучших специалистов, отдающий все силы работе⁵¹. Расправам над людьми не может быть оправданий. Когда «чистки» начали стихать, в августе 1938 года на работу в Карелию пригласили научного сотрудника Рентгенологического института в Ленинграде, кандидата медицинских наук Марка Ефимовича Альховского. Впервые Наркомат здравоохранения Карелии возглавил врач, имеющий ученую степень⁵².

Сбалансированность разных направлений развития здравоохранения в трудных условиях первых пятилеток выдержать не удалось. Признавая это, следует все же выделить ценные инициативы республиканских властей в области медицинской профилактики. В 1930-е годы были вы-

делены две социально-демографические группы, которым в первую очередь предлагалось санаторное лечение, – дети и больные туберкулезом. В условиях полуголодной жизни начала 1930-х годов у многих детей отмечались слабость, острое малокровие. В 1931 году в деревне Судалица в двух километрах от Олонца по инициативе врача Алексея Кириковича Михайлова открылся детский дневной санаторий на 20 мест. В 1933 году дополнительно открыли ночной санаторий для школьников Олонецкого района на 20 коек. В санатории проводился медицинский контроль, поддерживалось калорийное питание с достаточным количеством белка. Для организации досуга детей имелись настольные игры, музыкальные инструменты, книги⁵³. В 1936 году эти санатории объединились. За 1931–1941 годы в санатории побывало более полутора тысяч детей, в основном из малообеспеченных семей. Второй детский санаторий успешно работал в Уе. Кроме того, ежегодно сотни детей направлялись в детские санатории Ленинградской области.

В силу климатических особенностей особое значение в Карелии имело санаторное лечение больных туберкулезом. В основном бору вблизи Медвежьей Горы продолжал работу санаторий, открытый Транспортно-промышленным комбинатом МЖД в июле 1925 года. В 1930-е годы в нем в два раза увеличилось число отдыхающих. Санаторий был оснащен современным оборудованием, благодаря подсобному хозяйству обеспечивал полноценное питание пациентов. В 1936 году в Медвежьей Горе был открыт санаторий для воспитанников детских домов [9]. В 1935 году открылся ночной туберкулезный санаторий в Сороке⁵⁴. Дети, больные костным туберкулезом, проходили лечение в санатории в Видлице⁵⁵.

В 1933–1934 годах по приглашению Наркомздрава АКССР в Карелии работала экспедиция Государственного центрального института курортологии. Она подтвердила лечебную ценность железистых источников в районе Марциальных Вод и целебных габозерских грязей. Физиотерапевтическая лечебница организовала ежедневные измерения физико-химических свойств Марциальных источников. Была поставлена задача возрождения в Карелии первого русского курорта «Марциальные воды».

В 1930 году был открыт Дом отдыха в Маткачах. В 1933 году в нем укрепили здоровье 1287 жителей Карелии⁵⁶. В декабре 1934 года в Святозере открылся первый в Карелии Дом отдыха колхозников-ударников. В 1935 – августе 1936 года в нем отдохнуло 988 человек (в основном мужчины)⁵⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях форсированной индустриализации в Карелии произошли существенные изменения во всех областях здравоохранения. При поддержке ведущих ленинградских центров развивалась специализированная медицинская помощь, внедрялись новые методы лечения. Накапливался опыт плановой вакцинации взрослого населения. Формировались санитарная сеть, система амбулаторной помощи больным. В условиях снижения уровня жизни рабочих, массового привлечения сезонников стали создаваться медицинские учреждения при ведущих промышленных предприятиях. Они обслуживали своих работников, вели профилактическую и санитарно-просветительскую работу в трудовых коллективах. Колхозы не имели больших средств для активной социальной деятельности, но по мере сил поддерживали родильные дома, акушерские пункты. Большинство родов в Карелии проходило с медицинской поддержкой. В республике открылись первые санатории. Была развернута система профессиональной подготовки медиков средней квалификации. В 1929/30 хозяйственном году на здравоохранение в Карелии выделялось 6 %, а в 1940 году 27 % республиканского бюджета⁵⁸.

На 1 октября 1939 года в Карелии работали 53 больницы на 2188 коек. Медицинскую помощь населению оказывали 11 поликлиник, 94 врачебные амбулатории, 166 акушерских пунктов⁵⁹. В городских поселениях обращение к врачу, фельдшеру становилось обычной формой поведения граждан в случае болезни. Однако многие проблемы здравоохранения в предвоенные годы оставались далеки от решения, особенно на селе. Прибывшие в Карелию выпускники медицинских вузов слабо закреплялись на работе даже в городских медучреждениях ввиду большой нагрузки, отсутствия жилья, бытовой неустроенности. Молодежи требовалось время, чтобы накопить врачебный опыт. Отсталое коммунальное хозяйство, тяжелые жилищные условия мигрантов, отсутствие эффективных вакцин против ряда тяжелых болезней сохраняли высокий уровень эпидемических угроз. Если требования санитарных врачей затрудняли выполнение производственного плана, они до последнего игнорировались. Люди постоянно жаловались на очереди в медицинских учреждениях, нехватку медикаментов, низкое качество медицинской помощи. Здравоохранение признавалось одной из отстающих сфер развития Карелии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 462. Оп. 1. Д. 6/83. Л. 22.
- ² НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 27/187. Л. 37.
- ³ НАРК. Ф. 462. Оп. 1. Д. 6/83. Л. 1, 2.
- ⁴ НАРК. Ф. 462. Оп. 1. Д. 6/83. Л. 2.
- ⁵ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1458. Л. 36.
- ⁶ НАРК. Ф. 580. Оп. 5. Д. 1/2. Л. 5.
- ⁷ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1458. Л. 37.
- ⁸ Новая Кондопога. 1938. 1 января.
- ⁹ НАРК. Ф. 580. Оп. 6. Д. 4/39. Л. 371.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 3518. Оп. 2. Д. 3/43. Л. 30.
- ¹¹ НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 26/185. Л. 63, 64, 69.
- ¹² Гуткин К. А. Из воспоминаний врача // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 299.
- ¹³ Красная Карелия. 1936. 9 мая.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 221/1667. Л. 2.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 2047. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 8, 21.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 44. Л. 28.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 3518. Оп. 2. Д. 43. Л. 43.
- ¹⁸ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача... С. 305.
- ¹⁹ НАРК. Ф. 2796. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 16.
- ²⁰ НАРК. Ф. 580. Оп. 5. Д. 1/2. Л. 17.
- ²¹ НАРК. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 48/361. Л. 37–40.
- ²² НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 172/1219. Л. 78.
- ²³ НАРК. Ф. 580. Оп. 5. Д. 1/2. Л. 10.
- ²⁴ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 172/1219. Л. 79.
- ²⁵ НАРК. Ф. 2796. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 1, 2, 17, 43, 45, 58, 60, 63, 93, 102, 104.
- ²⁶ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 172/1219. Л. 56.
- ²⁷ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201/1458. Л. 40.
- ²⁸ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 211/1543. Л. 8, 219.
- ²⁹ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 172/1219. Л. 7.
- ³⁰ НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 26/183. Л. 99. Д. 26/185. Л. 141.
- ³¹ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача... С. 302.
- ³² НАРК. Ф. 2047. Оп. 1. Д. 3/11. Л. 57.

- ³³ НАРК. Ф. 2047. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 4, 5.
- ³⁴ Гуткин К. А. Из воспоминаний врача... С. 302.
- ³⁵ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 221/1667. Л. 2; Красная Карелия. 1937. 6 апреля.
- ³⁶ НАРК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 53. Л. 34.
- ³⁷ НАРК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 53. Л. 32.
- ³⁸ НАРК. Ф. 580. Оп. 5. Д. ½. Л. 21.
- ³⁹ НАРК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 53. Л. 34.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 2047. Оп. 2. Д. 1/2е. Л. 8.
- ⁴¹ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 172/1219. Л. 79.
- ⁴² НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 26/186. Л. 176.
- ⁴³ НАРК. Ф. 580. Оп. 5. Д. ½. Л. 25.
- ⁴⁴ НАРК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 51. Л. 56.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. 580. Оп. 5. Д. 3/26. Л. 220.
- ⁴⁶ НАРК. Ф. 2796. Оп. 1. Д. 2/16.
- ⁴⁷ НАРК. Ф. 211. Оп. 1. Историческая справка.
- ⁴⁸ НАРК. Ф. 1552. Оп. 2. Д. 395. Л. 25–37.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 2796. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 22.
- ⁵⁰ НАРК. Ф. 1688. Оп. 2. Д. 1/23. Л. 4.
- ⁵¹ НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 27/187. Л. 47.
- ⁵² НАРК. Ф. 690. Оп. 13. Л. 2–3.
- ⁵³ Крылова Ф. В. Забота о детях // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 306.
- ⁵⁴ НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 27/187. Л. 1.
- ⁵⁵ НАРК. Ф. 3488. Оп. 1. Д. 1/28. Л. 10. Л. 10.
- ⁵⁶ НАРК. Ф. 2541. Оп. 1. Д. 4/101. Л. 1–4.
- ⁵⁷ НАРК. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 52/399. Л. 70.
- ⁵⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 219. Л. 34. Д. 422. Л. 107.
- ⁵⁹ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 124/1079. Л. 311.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьин С. А. Исторические аспекты развития профилактического направления здравоохранения в стране в период 1917–1936 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 9–19.
2. Баранова Л. И дольше века... Хроника трех веков медицинской династии Карелии. Петрозаводск: Острова, 2014. 339 с.
3. Вавулинская Л. И. Восстановление и развитие системы здравоохранения Карелии в послевоенные годы (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45, № 1. С. 140–149.
4. Васильев Л. Г., Левин С. М. Здравоохранение Карелии. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1960. 95 с.
5. Дмитриев Ю. Красный Бор. Петрозаводск, 2017. 214 с.
6. Ерегина Н. Т., Христенко Д. Н. Отечественная медицина в XX веке. Становление советского здравоохранения (1917–1941 гг.): Учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГМУ, 2019. 56 с.
7. Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666.
8. Здравоохранение Карельской АССР: Сб. статей. Петрозаводск: Карелия, 1970. 263 с.
9. Калошина В. И. Развитие санаторно-курортной помощи детям в Карельской АССР // Охрана здоровья детей в Карельской АССР за 60 лет. Петрозаводск: Ротапринт, 1980. С. 46–48.
10. Кашина В. И. Становление и развитие советской системы здравоохранения в Карелии // 1917 год: от Февраля к Октябрю. Великий Октябрь в судьбах Карелии, страны и человечества. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 46–51.
11. Калабина Т. Н. Аборт: история вопроса и разрешения // Материалы конференций Института спорта, физической культуры и туризма. Петрозаводск, 2015. С. 283–288.
12. Колесьянкина И. И. Здравоохранение в Карелии в период нэпа // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 2002. С. 130–142.
13. Левин С. М. Охрана народного здоровья в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1972. 72 с.
14. Михайлюк Г. Ю. Больница скорой медицинской помощи. Историческая хроника. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. 322 с.
15. Островкин Д. Л., Попов М. В. Эпидемическое состояние Уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. № 1. С. 109–115.
16. Пашкова А. А., Смирнова О. Е. Организация оспопрививания на территории Салминского и Сортавальского уездов в конце XIX – начале XX веках // Фундаментальные и прикладные науки сегодня. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 1–3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32440150_48296639.pdf (дата обращения 01.03.2022).
17. Филимончик С. Н. Кондопога в 1930-е годы: рождение города // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 80–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.233

18. 70 лет советского здравоохранения. 1917–1987 / Гл. ред. Е. И. Чазов. М.: Медицина, 1987. 483 с.

Поступила в редакцию 09.03.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Svetlana N. Filimonchik, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

syrsa@yandex.ru

HEALTHCARE DEVELOPMENT IN KARELIA IN THE 1930s

Abstract. It is important to study the social consequences of economic reforms in order to form an effective state policy aimed at sustainable development. This article discusses the main directions of healthcare development in Karelia in the context of forced industrialization in the 1930s. Among the achievements, it highlights the formation of a sanitary service and an outpatient network, the development of specialized medical care, including obstetrics, and the start of the routine vaccination of the adult population. Due to the workers' declining living standards and the massive engagement of seasonal workers, leading industrial enterprises began creating their own medical institutions. Extensive training of paramedical personnel was launched for the first time. However, many health problems remained acute, especially in rural areas. Graduates of medical universities often did not remain at work for long due to the heavy workload and lack of housing. The backward communal services, difficult living conditions of migrants, and the lack of effective vaccines against a number of serious diseases contributed to a high level of epidemic threats. People complained about the queues at medical institutions, the lack of medicines, and the poor quality of medical care. Healthcare was recognized as one of the lagging areas of development in Karelia. The study was carried out on the basis of archival documents using the systemic and problem-based chronological methods.

Keywords: healthcare, medical personnel, State Sanitary Inspectorate, epidemic, vaccination, maternity hospital, abortion, sanatorium

For citation: Filimonchik, S. N. Healthcare development in Karelia in the 1930s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):44–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.851

REFERENCES

1. Ananyin, S. A. The development of prevention within the Soviet health care system during the period of 1917–1936: historical aspects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2020;1:9–19. (In Russ.)
2. Baranova, L. Longer than a century... Chronicle of three centuries of a medical dynasty of Karelia. Petrozavodsk, 2014. 339 p. (In Russ.)
3. Vavulinskaya, L. I. The restoration and development of the health system in Karelia in the post-war years (the second half of the 1940s – mid-1950s). *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2018;45(1):140–149. (In Russ.)
4. Vasilyev, L. G., Levin, S. M. Healthcare of Karelia. Petrozavodsk, 1960. 95 p. (In Russ.)
5. Dmitriev, Yu. Krasny Bor. Petrozavodsk, 2017. 214 p. (In Russ.)
6. Eregina, N. T., Khristenko, D. N. Domestic medicine in the twentieth century. The formation of Soviet healthcare (1917–1941): Textbook. Yaroslavl, 2019. 56 p. (In Russ.)
7. Zatravkin, S., Vishlenkova, E., Sherstneva, E. “A radical turn”: the reform of the Soviet system of public healthcare. *Quaestio Rossica*. 2020;8(2):652–666. (In Russ.)
8. Healthcare of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic: Collection of articles. Petrozavodsk, 1970. 263 p. (In Russ.)
9. Kaloshina, V. I. Development of sanatorium care for children in the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. *60 years of children's health protection in the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic*. Petrozavodsk, 1980. P. 46–48. (In Russ.)
10. Kashin, V. I. Formation and development of the Soviet healthcare system in Karelia. *1917: from February to October. Great October in the fates of Karelia, Russia, and mankind*. Petrozavodsk, 2018. P. 46–51. (In Russ.)
11. Kalabina, T. N. Abortion: history of the issue and its resolution. *Proceedings of conferences of the Institute of Sports, Physical Culture and Tourism*. Petrozavodsk, 2015. P. 283–288. (In Russ.)
12. Kolesyankina, I. I. Healthcare in Karelia during the NEP period. *Issues of the history of the European North*. Petrozavodsk, 2002. P. 130–142. (In Russ.)
13. Levin, S. M. Public health protection in Karelia. Petrozavodsk, 1972. 72 p. (In Russ.)
14. Mikhailyuk, G. Yu. Emergency Hospital. Historical chronicle. Petrozavodsk, 2020. 322 p. (In Russ.)
15. Ostrovkin, D. L., Popov, M. V. Epidemic state of the Ural region and the fight against epidemics in the Urals in the 1930s. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2018;1:109–115. (In Russ.)
16. Pashkova, A. A., Smirnova, O. E. Organization of smallpox vaccination on the territory of the Salmi and Sortavala uyezds in the late XIX and the early XX centuries. *Fundamental and applied sciences today. Proceedings of the XIII International research and practice conference*. 2017. P. 1–3. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32440150_48296639.pdf (accessed 01.03.2022). (In Russ.)
17. Filimonchik, S. N. Kondopoga in the 1930s: the birth of the city. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;7(176):80–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.233 (In Russ.)
18. 70 years of Soviet healthcare. 1917–1987. (E. I. Chazov, Ed.). Moscow, 1987. 483 p. (In Russ.)

Received: 9 March, 2022; accepted: 26 December, 2022

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4675-1427; ivikshor@yandex.ru

А. Н. ТИМОНЕН: ОТ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ КАРЕЛИИ И ФИНЛЯНДИИ

А н н о т а ц и я . Динамика и особенности взаимодействия Карелии и Финляндии в области культуры в 1960-е годы рассмотрены в контексте задач расширения влияния СССР на территории северного соседа. В рассматриваемый период формы и способы представления творческими силами Карелии финно-угорской культуры в Финляндии не позволяют определить эти отношения как межкультурную коммуникацию. Председатель карельского отделения Союза советских писателей А. Н. Тимонен уже в конце 1950-х годов включился в работу партийно-государственных структур по осуществлению культурной дипломатии на территории Финляндии. Карельское отделение общества «СССР – Финляндия», созданное для установления межкультурного диалога, оказалось вытесненным из традиционного поля пропаганды и агитации. А. Н. Тимонен, используя многосторонние личные контакты с творческой интеллигенцией Суоми, смог стимулировать неформальное общение коллег в области культуры и искусства, а также обеспечить массовую вовлеченность жителей в праздники культуры и дружбы по обе стороны границы. Это позволило Карелии и Финляндии при сохранении в целом задач культурной дипломатии перейти к межкультурному диалогу в 1960-е годы и межкультурной коммуникации в 1970-е годы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : А. Н. Тимонен, карельское отделение общества «СССР – Финляндия», межкультурная коммуникация, культурная дипломатия, финно-угорская культура

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шорохова И. В. А. Н. Тимонен: от советской культурной дипломатии к межкультурному диалогу Карелии и Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 54–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.852

ВВЕДЕНИЕ

Современная международная ситуация остается напряженной. Геополитические противоречия между державами заставляют многие государства пересматривать свои отношения с Российской Федерацией. Финляндия, к выстраиванию диалога с которой Советская и современная Россия прилагала немало усилий, приняла решение, расцененное правительством РФ как недружественный шаг. В июне 2022 года Институт Финляндии в Санкт-Петербурге заявил о прекращении своей деятельности по поддержке и продвижению финской культуры и научного сотрудничества в России¹. МИД РФ принял решение прекратить взаимодействие с неправительственной организацией «Общество “Финляндия – Россия”»². Карелия с многовековыми культурными, семейными, экономическими связями с Финляндией снова оказалась в ситуации изменения контекста взаимодействия с соседним государством.

В первой половине XX столетия отношения России и Финляндии не раз принимали формы вооруженных конфликтов. После Второй мировой войны между державами-победительницами развернулась борьба за Финляндию как сферу влияния. Используя дипломатические и экономические рычаги, СССР смог заключить в 1948 году Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Финляндией. Линия «Пасикиви – Кекконена», направленная на расширение взаимодействия с Советским Союзом, столкнулась в финляндском обществе с противодействием политике финляндизации. Уже в 1950-е годы ситуация требовала от СССР демонстрации неагрессивных намерений в отношении северного соседа. Сделать это, используя только политические и экономические ресурсы Советского Союза, было невозможно. Возникла необходимость привлечения средств культурной дипломатии. Культура и творческий потенциал жителей и деятелей искусства СССР долж-

ны были помочь сформировать у населения Финляндии позитивный имидж Советского Союза, популяризировать его идеологию и ценности. Для обоих государств была актуальной задача преодолеть представления друг о друге как о врагах [2], [7], [9], [10].

После Великой Победы в условиях биполярной системы культурный обмен, взаимодействие держав в области науки и искусства следует рассматривать как часть стратегии холодной войны. В этой связи важно уточнить применение терминологии «межкультурная коммуникация», «межкультурный диалог» и «культурная дипломатия». Культурная дипломатия как использование средств и возможностей культуры для передачи идей, убеждений и ценностей иностранным гражданам является актуальным направлением научного поиска [16]. Однако его региональный аспект, связанный с привлечением деятелей культуры и искусства Карелии к идеологическому и агитационному воздействию на население Финляндии, изучен недостаточно.

Зарубежных исследователей интересует политический аспект культурной дипломатии [17], [18]. Российские историки изучают ее направления, изменения во времени и дифференциацию по отношению к разным группам стран [8], [12]. В рамках истории регионов исследователи обращают внимание, как правило, на контекст собственно межкультурной коммуникации [1].

Широкое знакомство с культурой, наукой и творчеством друг друга для населения Карелии и Финляндии стало возможным только с конца 1950-х годов. Его основой стало общее для народов историко-культурное наследие. Традиционными средствами культурной дипломатии решались и задачи формирования позитивного имиджа СССР у населения Суоми и наоборот. В целом для характеристики отношений Карелии и Финляндии в области культуры периода 1960-х годов представляется не совсем уместным использовать термин «межкультурная коммуникация» [5: 35]. Она предполагает обоюдную заинтересованность сторон в диалоге, стремление понять «чужую точку зрения и вместе с тем сохранить свою собственную» [6: 93]. В 1960-е годы собственно коммуникации и взаимодействия в области культуры, науки и искусства Карелии и Финляндии не сложилось, но открылись возможности для развития диалога в этих сферах. Следует согласиться с Л. И. Вавулинской в том, что литература, театральное искусство Карелии, средства массовой информации и личные контакты научной и творческой интеллигенции КАССР с финляндскими коллегами стали важ-

ными направлениями межкультурного взаимодействия только в 1970-е годы [1: 246]. Но путь от культурной дипломатии к межкультурному диалогу нужно было пройти в 1960-е годы. В выстраивание этого диалога между Карелией и Финляндией, определение путей его развития в последующие годы внес большой вклад Антти Николаевич Тимонен.

* * *

Политика «мирного сосуществования» во второй половине 1950-х годов стимулировала выработку новых форм и способов советской культурной дипломатии. При Совете Министров СССР в 1957 году появился Комитет по культурным связям с зарубежными странами (ГККС) [11]. Развитие и укрепление дружбы и культурного сотрудничества народов по общественной линии вне рамок межгосударственных соглашений находились под контролем Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) [12: 23]. В областях и республиках Советского Союза стали появляться отделения обществ дружбы и культурных связей как с капиталистическими государствами, так и со странами соцлагеря. В 1958 году отделения обществ дружбы с Финляндией были открыты в Москве, Таллине и Ленинграде [4: 2]. Разрастание аппарата культурной дипломатии привело к дублированию функций и векторов работы, невозможности выработки взаимосвязанной и последовательной стратегии. Эти же обстоятельства создавали некоторые зоны, свободные от партийно-государственного, идеологического контроля, и открывали возможности для стихийного взаимодействия контрагентов культурной дипломатии [8: 29]. Кроме того, изменения внешней политики СССР в период «хрущевского десятилетия», очевидная необходимость усиления влияния на Финляндию привели к формированию нового стиля взаимодействия с северным соседом. Политические усилия в этом отношении были напрямую сопряжены с акцентом на общее культурно-историческое прошлое и языковую близость между народами Карелии и Финляндии.

И хотя на общесоюзном уровне после Великой Победы на территории Финляндии уже было организовано представление достижений советской культуры, Карелия как приграничный регион включилась в эту работу только в конце 1950-х годов. Только тогда историко-культурные и национальные связи Карелии и Финляндии стали основой для выстраивания форматов взаимодействия СССР с северным соседом. Если ранее в советской прессе только декларировался интерес

советского народа к искусству и культуре Суоми, то Декада карельского искусства и литературы в Москве в 1959 году сыграла большую роль в популяризации финноязычного и карельского культурного наследия в Советском Союзе [13]. В 1961 году с выступлениями в г. Куопио побывали семь артистов ансамбля «Кантеле» и выставка изобразительного и прикладного искусства школьников Карелии³. В 1962 году балетная труппа Музыкально-драматического театра представила балет «Сампо» на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в г. Хельсинки [15].

Основываясь на данных финляндской прессы и собранных интервью, Симо Микконен обратил внимание на важность языка коммуникации для осуществления диалога в поле культуры, науки и искусства. Для многих работников культуры и искусства Карелии и жителей Финляндии средством коммуникации стал финский язык.

Важную роль в выстраивании межкультурного диалога Карелии и Финляндии сыграл А. Н. Тимонен, один из ведущих в те годы карельских писателей и председатель республиканского отделения Союза советских писателей. Широкую известность по обе стороны границы А. Н. Тимонен получил после публикации романа «Белокрылая птица». Он вышел в 1958 году на финском языке в журнале «Punalippu». На русский язык роман был переведен и напечатан только в 1963 году [3: 352]. Он вызвал огромный интерес читателей и внес важный вклад в примирение народов Карелии и Суоми. На страницах прозы последний военный конфликт СССР и Финляндии представлен общей болью, через преодоление которой возможно взаимное прощение и мирное сотрудничество с целью недопущения повторения трагедии. И если в прессе в конце 1950-х – начале 1960-х годов часто противопоставлялись условия жизни людей в Финляндии и Советском Союзе, делался акцент на преимуществах советской политической системы [9], то в романе А. Н. Тимонен обратил внимание на объединяющее начало – стремление к добру и миру между народами по обе стороны границы⁴.

В условиях биполярной системы и холодной войны любые формы взаимодействия между государствами нельзя рассматривать без учета их обоюдного стремления расширить сферу влияния на идеологически чуждой территории. В 1959 году, войдя в систему советской культурной дипломатии, А. Н. Тимонен прекрасно осознавал значение своей деятельности по раз-

витию межкультурного диалога Карелии и Финляндии.

В 1958 году в составе делегации общесоюзного общества «СССР – Финляндия» А. Н. Тимонен работал на VI съезде финского аналога организации. Помимо официальных мероприятий, конференций и обмена опытом работы писатель дал интервью о литературе Карелии, опубликованное в газете «Пяйвян Саномат», по радио в Хельсинки рассказал о сохранении и развитии финского языка в Советской Карелии, согласовал планы перевода финской литературы на русский язык и русскоязычных изданий на финский язык для того, чтобы избежать дублирования работы в издательстве «Кансан культуури» и издательствах Карелии, выпускавших литературу на иностранных языках⁵.

Работая над созданием позитивного имиджа СССР в сознании финляндского населения, А. Н. Тимонен расширял аудиторию, на которую традиционно ориентировалась советская культурная дипломатия. Пропагандистская деятельность, направленная только на прогрессивно настроенных представителей интеллигенции, не решала поставленных задач. Требовалось включение в идеологическую работу широких масс населения. Так, в 1959 году писатель посетил рабочие курсы в Финляндии. Он поднял государственный флаг на традиционном утреннем мероприятии. Особое впечатление на рабочих произвели слова писателя о том, что «СССР хочет, чтобы над Финляндией всегда развевался финский флаг»⁶.

В 1959 году почти месяц А. Н. Тимонен находился в Финляндии в командировке от ССОД. С лекциями об успехах Карелии за годы советской власти, развитии карельской и финской культуры в крае, о работе писателей в условиях социализма он выступал в Хельсинки, Тампере, Пааволанниеми. Его слушателями стали рабочие, коллеги и члены общества дружбы⁷. По итогам этой командировки он составил для заведующего скандинавским отделом ССОД подробный отчет с указанием фамилий о настроениях писателей в Финляндии, о необходимости усиления идеологической работы с некоторыми перспективными авторами⁸. А. Н. Тимонен очень хорошо знал творческую среду Финляндии, указывал на ошибки в идеологической работе с финскими коллегами. Так, непродуманный отбор стихов в антологию финляндской поэзии, изданную в Москве, привел к обидам среди авторов, писавших произведения, «которые нас не во всем удовлетворяют», но «для нашего дела за рубежом от них больше пользы, чем вреда»⁹. Он вступил-

ся за Э. Синерво, которая, будучи коммунисткой, вышла из КПФ, не желая подчиняться партийным решениям. После этого М. Шолохов и В. Кочетов перестали работать с ней, проводить индивидуальные творческие консультации, ее перестали включать в состав делегаций в СССР¹⁰. А. Н. Тимонен призывал партийные инстанции, отвечавшие за идеологическую работу с финскими коллегами, вести ее осторожно, учитывать национальные особенности финляндской творческой интеллигенции.

В 1959 году усилия А. Н. Тимонена по формированию обоюдного интереса и налаживанию межкультурного диалога с Финляндией позволили ему войти в состав правления общества дружбы «СССР – Финляндия». Однако внутривластные затруднения в Финляндии на рубеже 1950–1960-х годов заставляли советское руководство «притормаживать» активность взаимодействия с северным соседом в области культуры и искусства. И только когда победа на президентских выборах У. К. Кекконена в 1962 году позволила говорить о долгосрочной дружественной перспективе в отношениях Финляндии и СССР, началась работа по созданию карельского отделения общества «СССР – Финляндия»¹¹. На собрании учредителей 1 декабря 1962 года присутствовали представители общества «Финляндия – СССР», ветераны рабочего движения Суоми, представители предприятий Карелии, деятели культуры, науки и искусства края¹². А. Н. Тимонен, став председателем карельского отделения общества «СССР – Финляндия», отметил, что общество ставит перед собой цель знакомства советского и финляндского народа с трудом, бытом, экономикой, культурой, искусством, наукой и языком друг друга¹³.

А. Н. Тимонену удалось привлечь к работе по активизации межкультурного диалога ведущих представителей искусства и культуры Карелии. В правление карельского отделения общества «СССР – Финляндия», состоявшее из 25 человек, вошли писатель Д. Я. Гусаров, артисты Е. С. Томберг, В. Э. Суни, В. Н. Мельников, художники С. Х. Юнтунен, Г. А. Стронк¹⁴. Многие из них, являясь носителями финского языка и финно-угорской культуры, активно работали в Карелии по популяризации национального искусства и достойно представляли достижения национальной советской культуры в Суоми.

Основным направлением работы карельского отделения общества «СССР – Финляндия» стала ежегодная организация празднования в апреле годовщины подписания договора о дружбе и сотрудничестве с Финляндией в 1948 году,

а также проведение в ноябре – декабре месячников дружбы. До начала 1960-х годов эти события отмечались только короткими заметками в «Ленинской правде» о том, как они праздновались в Москве, Ленинграде и Таллине, где были отделения общества «СССР – Финляндия»¹⁵. Уже с 1963 года во многом благодаря усилиям А. Н. Тимонена в Карелию приезжали финляндские журналисты, работники радио и телевидения, творческие коллективы из глубинки Финляндии. Финский драматический театр Петрозаводска, ансамбль «Кантеле», артисты карельских филармонии и народных ансамблей бывали частыми гостями в Суоми во время этих мероприятий¹⁶. Все они были заранее спланированы и одобрены карельскими обкомом КПСС и ВЛКСМ, Министерством культуры края. Между тем общество дружбы во время праздников финно-угорской культуры обеспечивало живое неформальное общение представителей культуры и искусства обоих государств с общественностью и жителями.

Создание карельского отделения общества «СССР – Финляндия» позволило относительно самостоятельно реализовывать межкультурное взаимодействие Карелии и Суоми. Однако статус общественной организации, отсутствие бюджета, а также жесткий партийно-государственный контроль произведений искусства и культуры, которые вывозились в Финляндию, не позволили А. Н. Тимонену конкурировать с Министерством культуры КАССР и иными партийно-государственными структурами по встраиванию широких программ обменов в театральном и концертном искусстве, области художественного творчества. Он нашел другие формы и способы расширения межкультурного диалога.

Так, карельское отделение ВАО «Интурист» взяло на себя все функции обеспечения присутствия иностранных туристов на территории Карелии. Республиканское отделение общества «СССР – Финляндия» в середине 1960-х годов отказалось и от этого направления работы, но члены общества включились в программы пребывания в Карелии финнов, разработанные «Интуристом». Для них деятели искусства, культуры, представители самодеятельности рассказывали о развитии финно-угорской культуры в Карелии, узнавали о положении дел в Финляндии, обсуждали насущные проблемы развития творчества по обе стороны границы¹⁷. Если театральные гастроли, концертные туры, художественные выставки контролировались партийно-государственными инстанциями, предполагали жестко установленный перечень мероприятий и формат

культурного диалога, то общественный статус карельского отделения общества «СССР – Финляндия» в условиях потепления режима вполне допускал неформальный характер общения.

Еще в 1950-х годах, выполняя идеологические задачи, А. Н. Тимонен расширял круг своих личных знакомств и контактов в Финляндии. Он поддерживал рабочие отношения и переписку с финляндским коммунистом А. Эйкия и целым рядом писателей и общественных деятелей Суоми. У него сложились вполне дружеские отношения с А. Хейноненом, секретарем окружной организации общества «Финляндия – СССР» г. Тампере, и госпожой Сьюлви-Кюлликки Кильпи, председателем этого общества¹⁸. За четыре года существования карельского отделения общества «СССР – Финляндия» в Петрозаводске были проведены встречи активистов дружбы, предполагавшие в том числе и личные контакты. В неформальной обстановке А. Н. Тимонен дважды принимал генерального секретаря общества «Финляндия – СССР» Т. Кованен и главного редактора журнала «Аянкуваат» О. Хелин¹⁹.

Отсутствие собственного бюджета у карельского отделения общества «СССР – Финляндия» заставляло А. Н. Тимонена нести часть финансовых расходов по активизации межкультурного диалога Карелии и Финляндии. Из личных средств он оплачивал билеты в театр, поездки на Кижы, сувениры для финских партнеров и друзей, селил у себя дома коллег из Суоми²⁰.

А. Н. Тимонен заботился о том, чтобы через знакомство с близкой во многих смыслах Карелией у финнов сложился положительный образ Советского Союза. Писатель понимал, что в условиях идеологической борьбы населению соседнего государства важно получать информацию о Карелии не только из советских источников. Фото- и киноматериалы о Карелии, имевшиеся в распоряжении общества «Финляндия – СССР», устарели и не отражали современную действительность. Главный редактор журнала «Аянкуваат» О. Хелин в сопровождении А. Н. Тимонена, который обеспечивал ему условия для работы, за 2,5 дня в 1964 году отснял 150 фотографий, записал несколько репортажей «о жизни и быте трудящихся» и «достижениях современной Карелии». Они были опубликованы в прессе и показаны по телевидению в Финляндии. Фильм «Полчаса в Петрозаводске» вышел в телевизионный эфир Суоми 12 ноября 1964 года в 19:30 в рамках программы финско-советской дружбы²¹. Эта работа вызвала неподдельный интерес жителей Финляндии. Желание финнов увидеть и самостоятельно оценить качество

и условия жизни населения Карелии привело к значительному росту числа финских туристов в 1960-е годы [14].

При этом А. Н. Тимонен по-прежнему напряженно работал лектором-агитатором. В 1965 году писатель 20 раз посетил Суоми. Во время таких поездок он давал интервью газетам, выступал на радио и телевидении²². В 1967 году в рамках месячника дружбы он в течение трех недель читал доклады в Финляндии по истории советско-финляндской дружбы, о достижениях КАССР за 50 лет, карельской литературе. В Хельсинки, Турку, Каяни, Варкаусе, Оулу его лекции посетили 1500 человек²³. За первые семь лет руководства карельским отделением общества «СССР – Финляндия» он написал для журнала общества «Финляндия – СССР» более двух десятков очерков о Карелии²⁴.

А. Н. Тимонен включился и в научное сотрудничество Карелии и Финляндии в области изучения общего культурно-исторического наследия. Так, на семинаре в г. Йёнэсу в 1967 году писатель представил доклад о влиянии «Калевалы» на литературу КАССР, а к. ф. н. У. Конкка поведала о карельских плачах²⁵. Особенности научного взаимодействия между учеными Карелии и Финляндии позволили С. Микконену утверждать, что, установив в 1960-х годах личные и профессиональные связи с коллегами из Карелии, в последующий период финны развивали именно межкультурный, а не идеологический аспект взаимодействия [18: 6].

В целом вопрос степени и эффективности пропаганды и агитации советской культуры и искусства на настроения финнов в 1960–1970-е годы исследован в зарубежной историографии. На основе устных интервью, данных периодической печати и архивных документов России и Финляндии С. Микконен пришел к выводу о том, что финляндская аудитория с благодарностью воспринимала возможность приобщиться к произведениям искусства и культуры, которые СССР для показа в Финляндии тщательно готовил на высококачественном уровне. При этом идеологический подтекст оставался финляндской аудиторией фактически незамеченным [17: 1624], [18: 3, 16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует признать значительным вклад А. Н. Тимонена в становление и развитие межкультурного диалога Карелии и Финляндии в 1960-е годы. Используя языковую, историческую и культурную близость населения по обе стороны границы, во второй половине 1950-х го-

дов, А. Н. Тимонен включился в работу советской культурной дипломатии на территории Финляндии. Это позволило ему глубоко разобраться в организации там творческой жизни, понять особенности ее развития, познакомиться с представителями искусства и культуры. А. Н. Тимонен являлся «медийным лицом» Карелии в Финляндии, в задачи которого входило представление советского человека в чуждом идеологическом пространстве. В этот период в результате комплексной работы советской пропаганды удалось главное – население СССР и Финляндии в целом преодолело представления друг о друге как о врагах.

Во многом благодаря усилиям А. Н. Тимонена в Петрозаводске удалось создать карельское отделение общества «СССР – Финляндия», включить в его работу ведущих актеров, художников, писателей республики. Особенности организации советской системы культурной дипломатии в 1960-е годы привели к изменению форм и методов работы общественной организации. И если головное отделение общества дружбы с Финляндией по-прежнему проводило широкую агитационно-пропагандистскую работу на территории Суоми с привлечением общесоюзных деятелей искусства и культуры, то А. Н. Тимонен

нашел иные пути межкультурного взаимодействия народов Карелии и Финляндии. Карельское отделение делало акцент на исторической и культурной близости финского и карельского народов. Ежегодные праздники дружбы в апреле и ноябре – декабре фактически стали единственными мероприятиями, которые можно считать зоной ответственности именно карельского отделения общества «СССР – Финляндия». Это позволило расширить аудиторию, сопричастную культурному обмену Карелии и Финляндии, в 1960-е годы. Творческие коллективы республики обеспечивали решение агитационных задач. Сам же А. Н. Тимонен стремился минимизировать официальный формат взаимодействия, переведя его во многом в личные формы сотрудничества творческой интеллигенции по обе стороны границы. Широкое привлечение средств массовой информации к популяризации финно-угорской культуры в Карелии и Финляндии, активное стремление познакомить их жителей с жизнью и бытом друг друга позволили А. Н. Тимонену, в целом следуя задачам культурной дипломатии, запустить в 1960-е годы именно межкультурный диалог, который в следующее десятилетие принял характер межкультурной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обращение директора Института Финляндии Сани Конттула-Вебб // Сайт Института Финляндии в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://instfin.ru> (дата обращения 29.06.2022).
- ² МИД РФ прекращает сотрудничество с НПО Общество «Финляндия – Россия» // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/15021155> (дата обращения 29.06.2022).
- ³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 88. Л. 8.
- ⁴ Нестеренко И. В гостях у северного соседа // Ленинская правда. 1964. 5 декабря. С. 3.
- ⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 59. Л. 42.
- ⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 64. Л. 18.
- ⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 64. Л. 1–26.
- ⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 64. Л. 8, 15; НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 139. Л. 1–5.
- ⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 139. Л. 5, 7.
- ¹⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 139. Л. 6.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 3.
- ¹² Мир, дружба! // Ленинская правда. 1962. 2 декабря. С. 1.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 14, 16.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 5.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 119. Л. 15.
- ¹⁶ Дружбе крепнуть // Комсомолец. 1967. 5 декабря. С. 1; Дружеские встречи // Ленинская правда. 1963. 24 декабря. С. 3; Десять дней в дружественной стране // Ленинская правда. 1965. 14 ноября. С. 1.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 1–2.
- ¹⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 64. Л. 2, 3.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.
- ²¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 82. Л. 24, 26, 27.
- ²² НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 2.
- ²³ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–3, 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавулинская Л. И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 228–249. DOI: 10.15393/j103.art.2018.1081
2. Ви́хавайне́н Т. Из «рюсся» в «советикусы» – из «советикусов» в русские. Революция представления соседей // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009: Материалы международной российско-финляндской научной конференции (19–22 ноября 2009 г.). Петрозаводск, 2009. С. 305–320.
3. Дю́жев Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен: очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Северное сияние, 2014. 541 с.
4. Захаров Г. А. Формирование и деятельность отделений обществ дружбы с зарубежными странами в Ленинграде (1958–1965 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 1 (13). С. 1–5.
5. Костина Н. Ю. Межкультурная коммуникация: к истории изучения проблемы // Профессиональное образование и общество. 2014. № 1 (9). С. 33–36.
6. Красильникова О. С. Межкультурная коммуникация и диалог культур как метод познания чужой культуры // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. С. 90–94.
7. Матвеевская А. С., Погдин С. Н. Представление о Финляндии в СССР (культурологический аспект) // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 3. С. 112–118.
8. Нагорная О. С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3 (42). С. 22–30. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-22-30
9. Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Образ Финляндии в советской прессе «хрущевского десятилетия» // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. ст. / Под ред. А. Н. Цамутали и др. Новгород, 2004. С. 340–358.
10. Сапрыкина Ю. С., Чернышов Ю. Г. Образ СССР в Финляндии в период «добрососедства и сотрудничества» // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 61–63.
11. Трегубов Н. А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957–1967 гг.) // Управление в современных системах. 2016. № 4 (11). С. 61–67.
12. Трегубов Н. А. Советское агитационное воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Управление в современных системах. 2017. № 4 (15). С. 24–25.
13. Шорохова И. В. Декада карельского искусства и литературы в Москве 1959 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 22–29.
14. Шорохова И. В. Организация иностранного туризма в Карелии в 1960-е гг. // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 8. С. 53–60. DOI: 10.30853/manuscript.2019.8.10
15. Шорохова И. В. Участие артистов Карелии в VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2018. № 5 (174). С. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.171
16. Gould-Davies N. The logic of Soviet cultural diplomacy // Diplomatic History. 2003. Vol. 27. Issue 2. P. 193–214. DOI: 10.1111/1467-7709.00347
17. Koivunen P. The World Youth Festival as a Soviet cultural product during the Cold War // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. Issue 5. P. 1612–1628. DOI: 10.15826/qr.2020.5.548
18. Mikkonen S. Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945–56 // Cold War History. 2020. Vol. 20. Issue 3. P. 1–17. DOI 10.1080/14682745.2019.1686613

Поступила в редакцию 20.12.2022; принята к публикации 30.12.2022

Original article

Irina V. Shorokhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4675-1427; ivikshor@yandex.ru

A. N. TIMONEN: FROM SOVIET CULTURAL DIPLOMACY TO INTERCULTURAL DIALOGUE BETWEEN KARELIA AND FINLAND

Abstract. The dynamics and features of interaction between Karelia and Finland in the cultural sphere in the 1960s are considered in the context of the tasks of expanding the USSR's influence on the territory of its northern neighbor. The forms and ways used by the creative forces of Karelia in the studied period for presenting the Finno-Ugric culture on the territory of Finland do not allow us to define these relations as intercultural communication. As early as in the

late 1950s, the chairman of the Karelian Branch of the Union of Soviet Writers A. N. Timonen joined the party and state structures in their efforts to implement cultural diplomacy in Finland. The Karelian Branch of the USSR-Finland Society, created to establish an intercultural dialogue, was removed from the traditional field of propaganda and agitation. Timonen used multilateral personal contacts with the creative intelligentsia of Suomi. This way, he was able to stimulate informal communication between colleagues in the field of culture and arts and ensured mass participation of residents in cultural and friendship festivals on both sides of the border. This allowed Karelia and Finland, while preserving the tasks of cultural diplomacy in general, to switch to intercultural dialogue in the 1960s and to intercultural communication in the 1970s.

Key words: A. N. Timonen, Karelian Branch of the USSR-Finland Society, intercultural communication, cultural diplomacy, Finno-Ugric culture

For citation: Shorokhova, I. V. A. N. Timonen: from Soviet cultural diplomacy to intercultural dialogue between Karelia and Finland. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):54–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.852

REFERENCES

1. Vavulinskaia, L. I. Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland, 1950–70s. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;3:228–249. (In Russ.)
2. Vihaavainen, T. From “Russ” to “Sovieticus” – from “Sovieticus” to Russian. Neighbor representation revolution. *Russia and Finland in a multipolar world: 1809–2009: Proceedings of the International Russian-Finnish Scientific Conference (November 19–22, 2009)*. Petrozavodsk, 2009. P. 305–320. (In Russ.)
3. Dyuzhev, Yu. I. People’s Writer of Karelia Antti Timonen: story of life and work. Petrozavodsk, 2014. 541 p. (In Russ.)
4. Zakharov, G. A. Formation and branches operating societies of friendship with foreign countries in Leningrad in 1958–1965 years. *Memoirs of NovSU*. 2018;1(13):1–5. (In Russ.)
5. Kostina, N. Yu. Intercultural communication: the history of studying the problem. *Professional Education and Society*. 2014;1(9):33–36. (In Russ.)
6. Krasilnikova, O. S. Intercultural communication and dialogue of cultures as a method of understanding foreign culture. *The Value System of Modern Society*. 2015;40:90–94. (In Russ.)
7. Matveevskaya, A. S., Pogodin, S. N. Concept of Finland in the USSR (cultural aspect). *Vestnik of Saint Petersburg State University*. 2015;17(3):112–118. (In Russ.)
8. Nagornaya, O. S. Academic cooperation and educational contacts in the system of the Soviet cultural diplomacy of the “Cold War” epoch (1945–1990). *Perm University Herald. History*. 2018;3(42):22–30. (In Russ.)
9. Rupasov, A. I., Chistikov, A. N. The image of Finland in the Soviet press of the “Khrushchev decade”. *Diverse Finland. The image of Finland and the Finns in Russia: Collection of articles*. Novgorod, 2004. P. 340–358. (In Russ.)
10. Saprykina, Yu. S., Chernyshov, Yu. G. The image of the USSR in Finland during the period of “good neighborliness and cooperation”. *Works of Young Scientists of Altai State University*. 2014;11:61–63. (In Russ.)
11. Tregubov, N. A. The State Committee for Cultural Relations with Foreign Countries as the department of the Soviet cultural diplomacy (1957–1967). *Management in Modern Systems*. 2016;4(11):61–67. (In Russ.)
12. Tregubov, N. A. Soviet propaganda impact on the target audience in socialist, developing, and capitalist countries (second half of the 1940s – mid-1960s). *Management in Modern Systems*. 2017;4(15):22–31. (In Russ.)
13. Shorokhova, I. V. The Karelian decade of arts and literature held in Moscow in 1959. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;7(168):22–29. (In Russ.)
14. Shorokhova, I. V. Organization of foreign tourism in Karelia in the 1960s. *Manuscript*. 2019;12(8):53–60. (In Russ.)
15. Shorokhova, I. V. Participation of the artists from Karelia in the VIII World Festival of Youth and Students in Helsinki in 1962. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;5(174):70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.171 (In Russ.)
16. Gould-Davies, N. The logic of Soviet cultural diplomacy. *Diplomatic History*. 2003;27(2):193–214. DOI: 10.1111/1467-7709.00347
17. Koivunen, P. The World Youth Festival as a Soviet cultural product during the Cold War. *Quaestio Rossica*. 2020;8(5):1612–1628. DOI: 10.15826/qr.2020.5.548
18. Mikkonen, S. Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945–56. *Cold War History*. 2020;20(3):1–17. DOI 10.1080/14682745.2019.1686613

Received: 20 December, 2022; accepted: 30 December, 2022

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ЗЕЛЕНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2818-3684; yuliazelenskaya2008@yandex.ru

ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В КУТИЖМЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена проведением в России комплекса мероприятий в рамках Федерального проекта «Без срока давности», особым значением сохранения исторической памяти для современного общества. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка на основе рассекреченных и впервые вводимых в научный оборот документов рассмотреть условия пребывания советских граждан в Кутижемском трудовом лагере на занятой финскими войсками территории Советской Карелии. В результате сопоставления сведений из источников личного происхождения, делопроизводственной документации удалось реконструировать картину лагерного быта. Заключенными трудового лагеря в Кутижме, ориентированного на лесозаготовки, сначала были советские военнопленные. Затем их сменило гражданское население, направляемое партиями из концентрационных лагерей г. Петрозаводска. Тяжелейший физический труд, голод, холод, болезни, издевательства администрации лагеря привели к гибели значительного числа узников. Вернувшиеся из Кутижмы в Петрозаводск заключенные были истощены, больны, лишены трудоспособности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, финская оккупация, Кутижма, трудовой лагерь, преступление, гражданское население

Для цитирования: Зеленская Ю. Н. Трудовой лагерь для советских граждан в Кутижме в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 62–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.853

ВВЕДЕНИЕ

Тема геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны актуализировалась в отечественной историографии благодаря реализации Федерального проекта «Без срока давности» [9], [10], [11]. В рамках проекта национальные и ведомственные архивы рассекретили документы военных лет, отражающие преступления нацистской Германии и ее союзников в отношении мирного населения СССР и военнопленных. Историки, юристы, следователи получили широкий корпус источников, позволяющих по-новому взглянуть на события прошлого. За последние несколько лет в отдельных субъектах Российской Федерации (Ростовская область, Республика Крым, Санкт-Петербург) прошли судебные процессы, юридически подтвердившие геноцид советского народа¹. В январе 2023 года Ставропольский краевой суд удовлетворил заявление прокурора Ю. А. Немкина о признании геноцидом преступлений, совершенных противником в период оккупации территории

Ставропольского края с августа 1942 по январь 1943 года².

В нормативно-правовой базе впервые международный правовой статус понятия «геноцид» как преступления против человечности был установлен «Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 9 декабря 1948 года. Согласно статье 2 Конвенции, под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- 1) убийство членов такой группы;
- 2) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- 3) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

4) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

5) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую³.

Цель статьи – анализ открытых архивных источников, их верификация с опубликованными документами личного происхождения. Это позволит убедительно показать, что жизненные условия, созданные финляндскими властями в Кутижемском трудовом лагере, полностью подпадают под определение понятия геноцида.

На начальном этапе Великой Отечественной войны 2/3 территории Карело-Финской ССР подверглись финской оккупации. В течение 1941–1944 годов ненациональное население республики (представители не финно-угорских народов), которое не успело эвакуироваться летом – осенью 1941 года преимущественно из Ведлозерского, Заонежского, Олонецкого, Прионежского, Сегозерского и Шелтозерского районов, размещалось в концентрационных лагерях⁴. В лагерях Петрозаводска находилось около 25 тыс. человек из Прионежского, Заонежского, Шелтозерского районов КФССР и Подпорожского района Ленинградской области⁵.

Места принудительного содержания, находившиеся на территории КФССР, подразделялись на концентрационные (переселенческие), трудовые лагеря, тюрьмы и исправительные учреждения⁶.

Обращение к теме геноцида советского народа на региональном уровне в Республике Карелия проводится не впервые. На протяжении последних лет ведется плодотворная работа по выявлению, систематизации и введению в научный оборот документов о положении некоренного населения на оккупированной территории КФССР в 1941–1944 годах [1], [3], [4], [5].

Заметим, что историки из Финляндии, которые внесли значительный вклад в изучение темы оккупации КФССР [6], [7], [8], [12], не признают факт геноцида в отношении военнопленных и мирных граждан. В дискуссию с зарубежными коллегами на страницах научного издания вступил С. Г. Веригин. Он на конкретно-историческом материале показал проявление преступной политики финляндской администрации на оккупированной территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах [2].

Данная статья является продолжением серии научных публикаций, посвященных изучению геноцида граждан СССР в годы Великой Отечественной войны. Источниками для исследования послужили текст «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», на базе которой происходило фор-

мирование на международном уровне правовой основы для определения, квалификации особо тяжких преступлений геноцида, а также материалы, опубликованные в сборниках документов⁷ и на сайтах федерального и регионального проектов⁸. Основу источниковой базы составили заявления людей, пребывавших в заключении в Кутижемском лагере, документы предварительного следствия, составленные сотрудниками НКВД и членами Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков, свидетельства, собранные учеными Карельского научного центра РАН и записанные профессором Г. И. Григоровым. Специфика этих материалов заключается в наличии в них как фактологической, так и оценочной информации. В совокупности использованные в исследовании источники репрезентативны и имеют значительную информативную ценность. Большинство документов в форме научного текста вводится в исследовательский оборот впервые.

Работа проведена на основе историко-системного и нарративного методов научного познания, принципов научной объективности и историзма.

* * *

В период финской оккупации Кутижемский трудовой лагерь находился в Пряжинском районе КФССР на территории леспромпхоза в районе станции Кутижма Кировской железной дороги. Расположение в лесных массивах близ линии железной дороги обусловило направление деятельности трудового лагеря – заготовка леса для дальнейшей транспортировки в Финляндию⁹.

Первоначально Кутижемский лагерь предназначался для советских военнопленных. Тяжелая физическая работа на лесозаготовках, избиения, скудное питание, нечеловеческие бытовые условия приводили к истощению, росту заболеваемости среди военнопленных, высокой смертности¹⁰. Из 250 лагерников от голода и побоев скончалось более 100 человек¹¹. Осенью 1941 года способных самостоятельно передвигаться узников этапировали по железной дороге в Кондопожский район в лагерь для военнопленных. Немобильные пленные при посадке в вагоны провели ночь на улице при 30-градусном морозе. Утром тела замерзших людей были сброшены в ямы (Чудовищные злодеяния: 127). В последующем на работы в лагерь направлялось гражданское население из концентрационных лагерей г. Петрозаводска. Слух о жесточайшем режиме, установленном в Кутижме, быстро распространился среди заключенных петрозаводских лагерей. В источниках встреча-

ется информация о случаях суицида, вызванного новостью о переводе на работу в этот лагерь¹².

Прибывавшие в Кутижемский лагерь заключенные размещались в трех бараках с заколоченными окнами (Без срока давности: 219), обнесенными колючей проволокой в два ряда¹³. В одном бараке могло находиться 200–220 человек. Люди спали на нарах на голых досках. На человека приходилось так мало места, что он мог лежать только на боку¹⁴. В помещениях не было света и мебели. Для обогрева и просушки одежды использовались небольшие «печурки». В бараках царил антисанитария (Чудовищные злодеяния: 124, 128, 130, 132).

Вся жизнь в заключении подчинялась строго установленным правилам и распорядку дня. Подъем объявлялся в 5 часов утра. Людей выводили на улицу, где они находились в течение часа в любую погоду, ожидая получения завтрака¹⁵. После приема пищи в 7 часов утра они отправлялись на лесозаготовки¹⁶. До лесосеки, находившейся на расстоянии от 3 до 5 км, шли пешком¹⁷. Норма выработки для мужчин определялась в 2,5 м³, для женщин и подростков с 14 лет – 2 м³ сложенной в костры древесины¹⁸ (Без срока давности: 322). Заключенные делились на бригады по 60 человек каждая. Они охранялись патрулями, состоящими из финнов, которые за малейшую провинность били палками (Без срока давности: 244). Я. Ф. Галашев рассказывал: «В этом лагере не было ни пил, ни топоров. Хотя зубами грызи, но норму надо было дать. Все работали из-под палки»¹⁹. Завершалась работа в 18:00 для тех, кто заготовил установленный объем пиловочника. Те, кто не справился с планом, оставались в лесу до его выполнения²⁰. Вечером населению лагеря полагался обед. Его начинали выдавать после возвращения всех узников с лесозаготовок в порядке очереди. Случалось, что обед приходилось ожидать около двух часов (Чудовищные злодеяния: 128). Затем заключенных выгоняли на корчевку пней и уборку камня. Работа завершалась примерно в час ночи. Таким образом, лагерники трудились по 18–20 часов в сутки²¹. А. Кузнецов вспоминал, как, возвращаясь с работы, люди падали на дороге, не в силах добрести до барака²². Финны заставляли поднимать упавших и подпирать их палками. Того, кто с палкой не мог устоять, по приказу начальника лагеря лейтенанта Алпо Мяенпя хоронили заживо (Чудовищные злодеяния: 133). Рацион при двухразовом питании не отличался сбалансированностью и разнообразием. Хлеб (150 граммов) выдавался один раз в день. На завтрак и обед полагалась баланда из сваренных на воде нечищенной картошки или турнепса (Чу-

довищные злодеяния: 128). Мизерный кусок хлеба люди съедали сразу в момент выдачи и до следующего утра питались одной водой²³. Позднее продовольственное обеспечение немного улучшилось. Питание стало трехразовым. На завтрак выдавали чай, 150 грамм хлеба, три куса сахара, 40 граммов сыра или 2–3 штуки сельди. На обед заключенные получали мучную баланду, 150 грамм хлеба, кусочек колбасы. Вечером на ужин был суп с картошкой, 150 граммов хлеба (Без срока давности: 333).

За невыполнение нормы выработки человека лишали половины отведенного пайка. За повторное невыполнение плана он получал половину пайка и 25 плетей. За нарушение нормы в третий раз, помимо прочего, полагалось помещение в карцер на трое суток с «выгоном на работу» (Чудовищные злодеяния: 125, 128). Изнемогавшие от голода люди ели лягушек, мышей, собак, кошек и крапиву²⁴, варили «вонючую похлебку из отбросов выгребной ямы» (Чудовищные злодеяния: 130). Некоторые ходили просить хлеб на станцию Кутижма. Если охранники замечали их на станции, приводили в лагерь и били розгами 25–30 раз (Без срока давности: 355).

Вещевое снабжение не осуществлялось. Лагерники не получали сменную одежду и постельных принадлежностей. В чем работали, на том и спали²⁵. В бане не мылись по четыре месяца (Чудовищные злодеяния: 126). В бараках не было ни кадок с водой, ни умывальников, ни мыла²⁶.

Измученные от холода, голода, непосильного труда люди заболевали и в надежде на медицинскую помощь обращались к лагерному врачу Колыхмайнену. В Кутижме врач наряду с начальником лагеря А. Мяенпя принимал участие в издевательствах над заключенными. Он выгонял всех больных на улицу, выстраивал и начинал командовать. Того, кто под его счет не мог поднимать ноги от земли, бил палкой (Чудовищные злодеяния: 92). В качестве развлечения Колыхмайнен заставлял заболевших делать утреннюю зарядку, бегать вокруг больницы, пилить и тащить дрова для укрепления мускулатуры²⁷.

От голода, вшивости и антисанитарии в 1942 году в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа²⁸. Основным методом лечения заболевания состоял в требовании к больным сгребать снег с крыш и громко петь «Катюшу», «дабы весь лагерь мог убедиться в их выздоровлении»²⁹. В последующем финны привезли в Кутижму передвижную баню, куда отправляли как здоровых, так и больных людей³⁰. Заключенных держали в нагретой до 120 градусов бане по 45 минут (Без срока давности: 333).

Из-за недостатка еды узники пили отвар из крапивы. От него у многих начиналась кожная реакция, образовывались белые пузыри. Врач Колыхмайнен в эти пузыри впрыскивал быстродействующий яд, и человек в скором времени в судорогах умирал (Чудовищные злодеяния: 70).

Таким образом, режим, условия труда и быта, созданные в Кутижемском трудовом лагере, были направлены на физическое уничтожение ненационального населения Карелии.

Проявлениями геноцида финляндских оккупационных властей в Кутижемском лагере стали причинение тяжкого вреда здоровью, лишение трудоспособности, убийство заключенных.

В лагере действовала система наказаний. За малейший проступок человек подвергался жестокому избиению. Люди порой получали столько ударов розгами, что не выдерживали и умирали. Например, заключенные Иванов и Кушников умерли после получения 250 ударов³¹. Били плетками, розгами, прикладами, резиновыми палками с проволокой на конце. Излюбленным методом наказания лагерной администрации являлось избиение человека, обернутого мокрой соленой простыней³². Соль из простыни проникала в открытые кровавые раны и вызывала резкую боль³³.

Серьезным наказанием вплоть до расстрела подвергались заключенные за побег³⁴. Пленные предпринимали десятки попыток сбежать из лагеря. Большинство из них в Кутижме ожидала верная смерть. Не боясь плетей, холодного карцера, люди бежали, надеясь попасть в другой лагерь, где режим и условия были несколько легче³⁵. Пойманных при попытке побега называли *karkuri* (беглецы). Они подвергались еще большим издевательствам, чем остальные заключенные. Их избивали все, кто пожелал, начиная от охранника и заканчивая бригадиром (Чудовищные злодеяния: 129). И. П. Никонов вспоминал, что после побега его били при малейшем поводе: за то, что в костре одно полено оказалось длиннее другого на 1 см, за некрасиво сложенный костер и т. д. (Чудовищные злодеяния: 129). Наказывали бригадиров, если из их отряда совершался побег. Д. С. Филатова за побег подчиненных избили и посадили в «будку» (карцер). После этого он заболел и через некоторое время умер (Чудовищные злодеяния: 92).

Смертность в Кутижме была очень высокой. Архивные документы не позволяют назвать общее количество погибших. Однако воспоминания очевидцев событий содержат сведения, которые подтверждают этот факт. В период с 10 марта по 13 июля 1942 года в лагере погибло 440 человек, остальных 160 полуживых людей вывезли в Петрозаводск, многие из них впоследствии умерли³⁶. Из другой партии в составе 40 человек через два месяца вернулись в Петрозаводск 18 тяжелобольных узников³⁷. А. М. Сидоркин вспоминал, что за время пребывания в лагере видел ежедневные похороны от 3 до 12 человек умерших от голода или побоев. Замученных до смерти людей хоронили в одном месте в 150 метрах от лагеря³⁸. До войны в Кутижме не было кладбища. В период оккупации появились многочисленные захоронения погибших людей³⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на примере Кутижемского трудового лагеря прослеживаются действия финляндских оккупационных властей, которые можно расценивать как факты проявления геноцида по отношению к мирному гражданскому населению КФССР. Исторические источники свидетельствуют о преступных действиях, указанных в пунктах 1–3 статьи 2 Конвенции ООН. В трудовом лагере совершались убийства, действия, которые несли реальную опасность здоровью и дальнейшему полноценному существованию, трудоспособности заключенных.

Условия труда и быта в лагере не соответствовали минимальным санитарно-гигиеническим, социально-психологическим, физиологическим требованиям, способствовали физическому уничтожению некоренного населения Карелии.

Преступления оккупационных властей периода Великой Отечественной войны требуют дальнейшего изучения, освещения в научной литературе и нуждаются в правовой оценке. Введение в научный оборот новых исторических источников будет способствовать приращению знаний об особенностях и жестоких проявлениях политики геноцида, противостоять попыткам искажения исторической памяти и фальсификации исторической правды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Без срока давности. Судебные процессы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--plai/deyatelnost/sudebnye-procressy/> (дата обращения 20.12.2022).

² Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=84692127> (дата обращения 20.12.2022).

³ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.

- ⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 8/73. Л. 14, 25–26.
- ⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее – Архив УФСБ РФ по РК). Дело № 11. Л. 127, 134.
- ⁶ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», 2020. С. 379–382. Далее в тексте статьи данное издание цитируется в круглых скобках с указанием названия и через двоеточие страницы.
- ⁷ Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сборник документов и материалов. Госиздат Карело-Финской ССР, 1945. 304 с. Далее в тексте статьи данное издание цитируется в круглых скобках с указанием названия и через двоеточие страницы.
- ⁸ Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/> (дата обращения 20.12.2022); Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/> (дата обращения 20.12.2022).
- ⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 5.
- ¹⁰ Там же. Л. 3.
- ¹¹ Показания А. Кузнецова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=1> (дата обращения 20.12.2022).
- ¹² Там же.
- ¹³ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 5.
- ¹⁴ Показания А. Кузнецова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=1> (дата обращения 20.12.2022).
- ¹⁵ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 5.
- ¹⁶ Аникина Е. С. // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem1> (дата обращения 20.12.2022).
- ¹⁷ Показания А. Кузнецова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=1> (дата обращения 20.12.2022).
- ¹⁸ Показания Л. Д. Овечникова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=2> (дата обращения 20.12.2022).
- ¹⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 5.
- ²⁰ Рассказ Аникиной Е. С. // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem1> (дата обращения 20.12.2022).
- ²¹ Заявление А. М. Романова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665> (дата обращения 20.12.2022).
- ²² Показания А. Кузнецова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=1> (дата обращения 20.12.2022).
- ²³ Показания А. Кузнецова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=1> (дата обращения 20.12.2022).
- ²⁴ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 5.
- ²⁵ Заявление А. М. Романова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665> (дата обращения 20.12.2022).
- ²⁶ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 5.
- ²⁷ Рассказ Аникиной Е. С. // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem1> (дата обращения 20.12.2022).

- ²⁸ Показания Л. Д. Овечникова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=2> (дата обращения 20.12.2022).
- ²⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 6.
- ³⁰ Показания Л. Д. Овечникова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=2> (дата обращения 20.12.2022).
- ³¹ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 5.
- ³² Воспоминания Зингачевой П. Ф. // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem2> (дата обращения 20.12.2022).
- ³³ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 3.
- ³⁴ Акт О зверствах финско-фашистских захватчиков на территории Пряжинского района Карело-Финской ССР // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem3> (дата обращения 20.12.2022).
- ³⁵ Показания А. Кузнецова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=1> (дата обращения 20.12.2022).
- ³⁶ Заявление А. М. Романова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665> (дата обращения 20.12.2022).
- ³⁷ Показания А. Кузнецова // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/rf/2665?page=1> (дата обращения 20.12.2022).
- ³⁸ Акт О зверствах финско-фашистских захватчиков на территории Пряжинского района Карело-Финской ССР // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem3> (дата обращения 20.12.2022).
- ³⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В е р и г и н С. Г. Национальная политика финской администрации на территории оккупированной Карелии в 1941–1944 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 4. С. 5–19.
2. В е р и г и н С. Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 75–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799
3. В е р и г и н С. Г. Экономические аспекты финляндской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) // История. 2021. Т. 12. Вып. 7. С. 100–112.
4. В е р и г и н С. Г. Этнокультурная политика финской администрации на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3 (116). С. 25–29.
5. З е л е н с к а я Ю. Н. Преступления против гражданского населения на территории оккупированных районов КФССР в годы Великой Отечественной войны (на примере Киндасовского концентрационного лагеря) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4 (64). С. 43–58.
6. К у л о м а а Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: А. Н. Ремизов, 2006. 277 с.
7. Л а й н е А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Финляндия и Заполярье во Второй мировой войне. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 41–43.
8. Л а й н е А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 99–106.
9. М и х а й л о в И. Г., Б р у н о в а Е. Г. Преступления оккупационного режима нацистской Германии на территории Вяземского района Смоленской области в 1941–1943 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 4. С. 139–155.
10. П а н а р и н А. А. Геноцид советского народа в отражении исторической памяти о Великой Отечественной войне // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 75–90.
11. С а в е н к о в А. Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.

12. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.

Поступила в редакцию 23.12.2022; принята к публикации 30.12.2022

Original article

Yulia N. Zelenskaya, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2818-3684; yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

LABOR CAMP FOR SOVIET CITIZENS IN KUTIZHMA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The relevance of the study is determined by the conduct of a set of measures in Russia within the federal project “Without a statute of limitations” and a special importance of preserving historical memory for the modern society. For the first time in domestic historiography, an attempt was made to use declassified documents introduced into scientific circulation for the first time in order to examine the living and working conditions of the Soviet citizens in the Kutizhma labor camp on the territory of Soviet Karelia occupied by the Finnish forces. Comparing the information from the personal sources and the official documents resulted in reconstructing a picture of the camp life. The prisoners of the labor camp in Kutizhma, mainly logging-oriented, were the first Soviet prisoners of war. Later they were replaced with the civilian population sent in batches from the concentration camps in the city of Petrozavodsk. Extremely heavy physical labor, hunger, cold, illnesses, and abuse by the camp administration led to the death of a significant number of prisoners. The prisoners who returned from Kutizhma to Petrozavodsk were exhausted, sick, and devoid of their ability to work.

Key words: Great Patriotic War, Finnish occupation, Kutizhma, labor camp, crime, civilian population

For citation: Zelenskaya, Yu. N. Labor camp for Soviet citizens in Kutizhma during the Great Patriotic War. *Proceeding of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):62–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.853

REFERENCES

1. Verigin, S. G. National policy of the Finnish government on the occupied territory of Karelia in 1941–1944. *RUDN Journal of Russian History*. 2009;4:5–19. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Finnish occupation of Karelia in 1941–1944: discussions between Russian and Finnish historians. *Proceeding of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):75–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799 (In Russ.)
3. Verigin, S. G. Economic aspects of the Finnish occupation of Karelia (1941–1944). *History*. 2021;12(7):100–112. (In Russ.)
4. Verigin, S. G. Ethnocultural policy of the Finnish administration on the occupied territory of Soviet Karelia in 1941–1944. *Proceeding of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2011;3(116):25–29. (In Russ.)
5. Zelenskaya, Yu. N. Crimes against the civil population in the territory of the occupied regions of the KFSR during the Great Patriotic War (by the example of Kindasovsky concentration camp). *Herald of Tver State University. Series: History*. 2022;4(64):43–58. (In Russ.)
6. Kulomaa, J. Finnish occupation of Petrozavodsk, 1941–1944. Petrozavodsk, 2006. 277 p. (In Russ.)
7. Laine, A. Civil population of Eastern Karelia under Finnish occupation during World War II. *Karelia, Finland, and the Arctic during World War II*. Petrozavodsk, 1994. P. 41–43. (In Russ.)
8. Laine, A. National policy of the Finnish occupation authorities in Karelia (1941–1944). *Issues of the history of the European North (social economy and politics: the 1860s – the XX century)*. Petrozavodsk, 1995. P. 99–106. (In Russ.)
9. Mikhailov, I. G., Brunova, E. G. Criminal acts of the Nazi Germany occupation regime in the territory of the Vyazma district of the Smolensk region in 1941–1943. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities*. 2019;5(4):139–155. (In Russ.)
10. Panarin, A. A. Genocide of the Soviet people in reflections of the historical memory of the Great Patriotic War. *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*. 2020;4:75–90. (In Russ.)
11. Savenkov, A. N. The genocide of the Soviet people: from history to law, no statute of limitations. *State and Law*. 2021;9:7–30. (In Russ.)
12. Seppala, H. Finland as an occupier in 1941–1944. *Sever*. 1995;4–5:96–113; 6:108–128. (In Russ.)

Received: 23 December, 2022; accepted: 30 December, 2022

ВЯЧЕСЛАВ ОЛЕГОВИЧ ТЕРЕНТЬЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2567-5560; terehv@mail.ru

СТАБИЛИЗАЦИЯ ФРОНТА НА СВИРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В ОКТЯБРЕ 1941 ГОДА: ФАКТОР ЛЕНИНГРАДСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ

А н н о т а ц и я . Представлены результаты исследования противоборства советских и финских войск на Свирском направлении осенью 1941 года. На основе архивных материалов, многие из которых введены в научный оборот впервые, проанализирован критический для СССР период формирования фронта от Ладожского до Онежского озера. В октябре 1941 года, когда соединения РККА только выдвигались из Москвы, Казахстана, Забайкалья и Дальнего Востока, финские полковые боевые группы уже захватили ряд плацдармов на южном берегу реки Свирь и приступили к их расширению. Важную роль в этот период сыграли небольшие отряды советских войск, сдержавшие наступление превосходящих сил финской армии. Они обеспечили развертывание прибывающих дивизий Красной армии, которые, в свою очередь, не допустили соединения финской и германской армий на Тихвинском и Волховском направлениях. Среди отрядов, оказавших существенное сопротивление финским войскам, были остатки 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения, выходящей из очередного окружения, части 67-й стрелковой дивизии, переформированные из подразделений ополченцев, отряд военинженера 2-го ранга М. С. Сорокина, состоявший из ленинградских ополченцев-артиллеристов. Впервые в историографии Великой Отечественной войны вскрыто само существование отряда Сорокина и выявлена его определяющая роль в предотвращении финского прорыва на центральном (Вонозерском) участке. Проанализированы темпы насыщения фронта пехотой и артиллерией противоборствующими сторонами, а также динамика изменения соотношения сил на Свирском плацдарме.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советско-финляндская война, Свирь, 7-я армия, ленинградское ополчение, 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения

Для цитирования: Терентьев В. О. Стабилизация фронта на Свирском направлении в октябре 1941 года: фактор ленинградских ополченцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.854

ВВЕДЕНИЕ

В постсоветское время вокруг советско-финляндской войны 1941–1944 годов возникло много мифов и инсинуаций. Одним из широко распространенных мифов, тиражируемых журналистами, блогерами и богемными кругами, стали утверждения об остановке финских войск под Ленинградом и на старой границе по приказу маршала Маннергейма с целью сохранения города и демонстрации отсутствия агрессивных замыслов «миролюбивой» Финляндии¹. В настоящее время эти утверждения в основном опровергнуты [10], [12]. И если события на Карельском перешейке могут быть истолкованы неоднозначно, то политические документы и события в южной Карелии четко говорят о стремлении Финляндии вести завоевательные действия,

не останавливаясь на рубежах границы 1939 года. Особенно важную роль в доказательстве этого играет даже не оборона Петрозаводска, никогда не входившего в состав Финляндии, а широко-масштабные операции финской армии на реке Свирь. В советское время само существование крупного финского плацдарма на южном берегу Свири обходилось молчанием² [5], [7]. В настоящее время не имеется полноценного исследования, освещающего цели, задачи, силы, события по форсированию реки финскими войсками. Широкомасштабное изучение войны 1941–1945 годов в Карелии, предпринятое Петрозаводским государственным университетом и рядом общественных организаций, активно продвигается [6], [8], [11]. Однако многие вопросы находятся еще в начальной стадии исследования. Так, общие

обзоры и краткие упоминания в научной литературе о создании финского плацдарма на южном берегу реки Свирь не показывают полноты и эпичности всего происходящего здесь осенью 1941 года.

Главную роль в исследовании событий октября 1941 года играют архивные документы – справки, сообщения, журналы боевых действий частей и соединений РККА из Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), а также финских войск из Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto). На основе документов ЦАМО РФ, впервые введенных в научный оборот, в историографии Великой Отечественной войны вскрыто существование отряда Сорокина и его определяющая роль в предотвращении финского прорыва на Вонозерском участке боевых действий. Важную роль выходящей из окружения 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения в стабилизации фронта на Сви́рском направлении показали документы финского архива.

2 октября 1941 года финские войска овладели Петрозаводском. К этому времени на реке Свирь, где финские отряды действовали уже с 7 сентября, советским командованием так и не было создано прочной обороны, насыщенной необходимым количеством войск. Благодаря безуспешной охоте двух финских дивизий за 3-й дивизией народного ополчения, отступавшей от Сяндебь на Таржеполь и Ладву, и привлечению крупных финских соединений в битве за Петрозаводск, в сентябре на Сви́ри шли лишь маневренные действия финской армии по овладению плацдармами [15]. К началу октября их было образовано четыре. Они удерживались силами от батальона до полка при поддержке корпусной артиллерии. Советское командование, потерявшее контроль над ситуацией после отхода от Олонца, не обладало полнотой информации о действиях не только противника, но и своих частей. Несмотря на значительные силы, направленные в регион Ставкой, 7-я армия к началу октября не успела создать прочной линии обороны по удобной водной преграде, какой является река Свирь [3]. 3-я бригада морской пехоты и 67-я стрелковая дивизия представляли собой остатки группировки, разгромленной превосходящими финскими войсками под Олонцом [1]. Они не имели тяжелого вооружения, их численность не превышала 3–3,5 тысячи человек. Против них действовали две полноценные пехотные дивизии Германии и Финляндии с полным комплектом тяжелых орудий.

314-я стрелковая дивизия РККА, экстренно направленная в 7-ю армию, прибывала с 12

сентября по конец ноября. Из-за поспешности она была брошена в бой с колес без артиллерии, которая стала появляться на фронте только с середины октября. Ее неподготовленные отряды, составленные из призывников северного Казахстана, без связи, разведки, артиллерии, без поддержки авиацией, уничтожались засадами слаженных финских подразделений, атаковались диверсионными группами, попадали в подготовленные огневые мешки тяжелой финской артиллерии. К началу октября дивизия как целостное соединение Красной армии перестала существовать, воюя отдельными отрядами на всем протяжении фронта от Онеги до Ладоги.

На рис. 1 и 2 показано соотношение сил финской армии и РККА в тысячах человек на момент выхода финнов к Сви́ри и к 1 октября 1941 года.

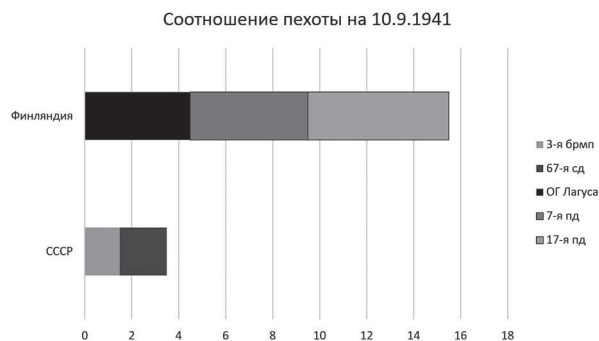


Рис. 1. Соотношение сил на Сви́рском участке фронта по пехоте на 10 сентября 1941 года

Figure 1. The balance of infantry forces in the Svir sector as of September 10, 1941

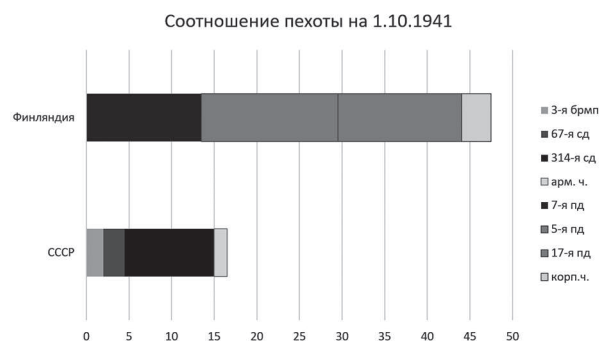


Рис. 2. Соотношение сил на Сви́рском участке фронта по пехоте на 1 октября 1941 года

Figure 2. The balance of infantry forces in the Svir sector as of October 1, 1941

Рис. 3 и 4 иллюстрируют соотношение артиллерии (количество стволов) противоборствующих сторон на эти же даты.

Как видно из диаграмм, прибытие плохо обученной 314-й стрелковой дивизии смогло бы нивелировать превосходство финских боевых групп на плацдарме в первой половине сентября, но развертывание финнами полномасштабных дивизий

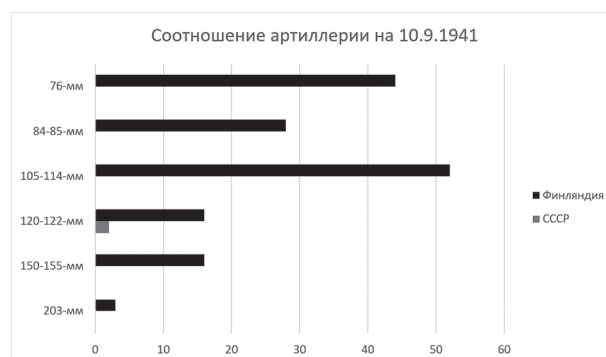


Рис. 3. Соотношение сил на Свирском участке фронта по артиллерии на 10 сентября 1941 года

Figure 3. The balance of artillery forces in the Svir sector as of September 10, 1941

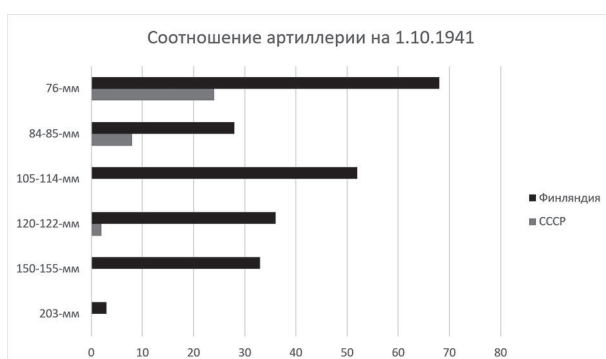


Рис. 4. Соотношение сил на Свирском участке фронта по артиллерии на 1 октября 1941 года

Figure 4. The balance of artillery forces in the Svir sector as of October 1, 1941

в начале октября вновь привело к трехкратному перевесу сил. Соотношение по тяжелой артиллерии в сентябре вообще было критическое. На диаграмме не представлены зенитная и противотанковая артиллерия, а также минометы; рассмотрена лишь оказавшая максимальное влияние на ход боевых действий тяжелая артиллерия — дивизионная, корпусная и резерва Главного командования. После поражения под Олонцом части 7-й армии имели только две 122-мм пушки 3-го артполка, в противовес финским артиллерийским полкам KTR2, KTR3, KTR4, KTR8, дивизионам 1.RP, 2.RP, 3.RP, 24.RP и 203-мм батареям 2./JP3. Большая часть из них вступила в бой на Свири уже в первой половине сентября 1941 года, а к концу сентября здесь действовала вся группировка 6-го финского корпуса³. В свою очередь артиллерия РККА увеличилась незначительно — прибыли только 24 76-мм пушки 858-го артполка 314-й дивизии и восемь 85-мм орудий 514-го артполка противотанковой обороны.

В конце сентября в 7-ю армию начали прибывать два полноценных боевых соединения — 21-я Краснознаменная стрелковая дивизия с Дальнего Востока и 46-я танковая бригада,

сформированная в Москве из имеющей хороший боевой опыт 46-й танковой дивизии. Командование 7-й армии повторяет прежнюю ошибку и бросает прибывающие подразделения отдельными отрядами без разведки и связи. На этот раз командование дивизии проявляет определенную самостоятельность, формируя импровизированные отряды с учетом их возможной автономности. В отряды включалась полевая и дивизионная артиллерия, иногда танки, определялись разведывательные группы, командованию отрядов подчинялись бродящие по лесам или ведущие бои с противником остатки прежних отрядов. Создать ударный кулак для ликвидации финских плацдармов у штаба 7-й армии не получилось: даже прибывших сил было значительно меньше, чем переброшенных из-под Петрозаводска финских частей. Советское командование так и не смогло в полной мере восстановить управление войсками и их боевое обеспечение. В результате каждый отряд сражался сам по себе, поставляя штабу армии отрывочные, зачастую устаревшие или не соответствующие действительности данные. Силы таких импровизированных отрядов были значительно меньше, чем финских частей, действующих на плацдарме при наличии всех видов обеспечения. Но именно героизм бойцов и командиров этих отрядов остановил финское наступление на юг.

Немецкое командование настаивало на форсировании реки Свирь и последующем наступлении финских войск еще с августа 1941 года на основании директивы А. Гитлера от 19 июля. Сомнения К. Маннергейма в необходимости этого были продиктованы исключительно военной логикой (малочисленностью финской армии), а не гуманистическими соображениями [2: 169–171], [13]. 8 сентября немцы блокировали Ленинград. Одновременно Маннергейм ввел в бой на Свирском направлении немецкую 163-ю пехотную дивизию, которую предполагалось использовать «на плацдарме на южном берегу р. Свирь». Финские войска должны были поддерживать ее наступление. Поддержка наступления выразилась в захвате четырех плацдармов, включая Подпорожский с действующим железнодорожным мостом. После захвата Петрозаводска Главная ставка Финляндии стала готовить операцию по крупномасштабному форсированию Свири. В операции должны были участвовать 5-я, 7-я, 17-я пехотные дивизии Финляндии с танковыми и артиллерийскими частями усиления и 163-я немецкая дивизия, подчиненная финскому командованию⁴. Кроме того, во втором эшелоне для поддержки наступления сосредотачивалась 11-я финская пехотная дивизия. Общие силы

ударной группировки составляли около 65 тысяч человек. Необходимо отметить, что к этому времени численность 7-й советской армии не превышала 10–12 тысяч человек, а с учетом направленных резервов (21-я стрелковая дивизия и 46-я танковая бригада) – до 35 тысяч человек. Тем не менее активные контрудары советских отрядов с целью ликвидации плацдармов вынудили задержать наступление 163-й немецкой пехотной дивизии [13].

Операция началась через четыре дня после взятия Петрозаводска. Части 7-й финской пехотной дивизии форсировали Свирь у Вознесенья и стали развивать наступление на Ошту и Великий Двор. Из-за выдвижения 3-й Ленинградской дивизии из Петрозаводска к Свири по финским тылам половина 7-й пехотной дивизии была задействована в поисках ополченцев [15]. 3-я дивизия народного ополчения под руководством генерал-майора Ф. П. Судакова, ранее успешно возглавлявшего контрудар 66-го стрелкового корпуса в южной Белоруссии и сформировавшего тыл новообразованного Центрального фронта, в конце сентября – начале октября сдерживала натиск двух финских дивизий юго-западнее Петрозаводска [16], [17]. Дивизии не хватило несколько часов, чтобы прорваться в эвакуируемый город. Командир дивизии приказал выходить по финским тылам на Свирь. При прорыве из окружения генерал-майор Ф. П. Судаков погиб [15]. Финские батальоны следовали по пятам ополченцев, но окружить и уничтожить ленинградцев им не удавалось [4: 60–65]. 7-я финская дивизия получила выделенные для борьбы с ополченцами части только спустя две недели⁵. Это позволило двум небольшим отрядам Красной армии сдерживать натиск 7-й пехотной дивизии до подхода подкреплений. На Оштинское направление по Онеге и маршевым порядком 9 октября прибыла 272-я стрелковая дивизия, до этого понесшая большие потери в боях за Петрозаводск. В район Великого Двора к 13 октября прибыли танки 46-й танковой бригады.

Одновременно с 7-й финской пехотной дивизией начали наступление с плацдармов 5-я и 17-я дивизии. Широко используя тяжелую артиллерию, финны потеснили малочисленные советские отряды, объединили плацдармы и продвинулись вглубь Ленинградской и Вологодской областей на 15–35 километров⁶. Отдельные отряды, состоящие из подразделений 21-й и 314-й дивизий, из последних сил сдерживали превосходящие части противника. Частично положение спасла 114-я стрелковая дивизия, прибывающая из Забайкалья.

Важную роль в остановке финских войск на Вонозерском и Каковическом направлениях сыграл отряд военинженера 2-го ранга М. С. Сорокина (рис. 5), состоявший из ополченцев-артиллеристов 3-го артиллерийского полка⁷.



Рис. 5. Военинженер 2-го ранга М. С. Сорокин

Figure 5. Military engineer 2nd rank M. S. Sorokin

3-й артполк, входивший при формировании в 3-ю Ленинградскую дивизию народного ополчения, с августа 1941 года действовал отдельно, в оперативном подчинении Олонецкой (Южной) опергруппы. Из сентябрьского окружения под Олонцом вышло около 300 артиллеристов с двумя 122-мм пушками. Орудия сразу включились в контрбатареиную борьбу с превосходящей по численности артиллерией финнов, а личный состав был отправлен на переформирование. Однако нехватка сил и отсутствие связи заставили командование 7-й армии направить 20 сентября большую часть артиллеристов на поиски пропавшего 514-го истребительно-противотанкового артполка. По данным штаба армии, полк мог находиться в окружении финских войск в 20 километрах южнее Подпорожья (за Вонозером). Отряд Сорокина (около 200 человек) должен был проложить 30-километровую гать через болота Шапша – Печеницы – Вонозеро для вывода 514-го полка⁸. Сорокин не обнаружил артполк (который побатарейно уже вел бои почти по всей Свири), но в Вонозере оказалось две роты 67-й стрелковой дивизии (около 300 человек) – единственные советские силы, противостоящие финскому моторизованному батальону, усиленному дивизионом тяжелой артиллерии и двумя бронеротами (более тысячи человек с 20 пушками и десятком танков и бронемашин). Финская батальонная группа занимала Шеменичи и проводила активную разведку на Вонозеро,

Чикозеро и Гоморовичи. По-видимому, финны не могли поверить в данные воздушной разведки, что на этом участке части Красной армии отсутствуют вовсе. Военинженер 2-го ранга принял командование красноармейцами 67-й дивизии, обеспечил связь с командованием армии, эвакуацию раненых, разведку и возвращение в село Каковичи, которое ранее было без боя оставлено. Здесь, в Каковичах и Вонозере, Сорокин силами пехоты и артиллеристов создал оборонительный участок, который в течение месяца сдерживал наступление батальонной, а затем полковой группы финнов. Прибывающие с 19 октября подразделения поступали под его командование, а с 25 октября отряд Сорокина (по численности пехоты сравнявшийся с финнами) начал наступление на Шеменичи. 1 ноября финские войска на этом направлении отошли к Подпорожью⁹.

На участке от Лодейного поля до Ладоги немецкие и финские войска сдерживали 3-я бригада морской пехоты и 67-я стрелковая дивизия, треть которой составляли ленинградские ополченцы. Медсанбат 67-й дивизии полностью перешел из 3-й дивизии народного ополчения после сентябрьских боев. В 3-м артполку, переданном в 67-ю дивизию из 3-й, насчитывалось лишь две 122-мм пушки без боеприпасов [4: 60–65]. 9-й стрелковый полк формировался в течение октября из выходящих из окружения ополченцев¹⁰.

Основой отряда, действующего на Яндебском направлении, был особый истребительный отряд капитана госбезопасности Н. А. Алмазова, сформированный из ленинградских добровольцев и вышедших из окружения бойцов 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения [14]. В последних числах сентября, когда финны предприняли ряд операций по расширению Свирского плацдарма, на смену обескровленному отряду Алмазова прибыл 37-й отдельный разведбат только что разгрузившейся 21-й стрелковой дивизии. Совместными усилиями ополченцы и разведчики выбили боевую группу 17-й финской дивизии со станции Янега и из села Бардовская¹¹.

Необходимо отметить, что в случае совместных действий отрядов бывших ополченцев, получивших боевой опыт в течение двух месяцев, и кадровых частей РККА, не имевших такового, отряды ополченцев оказывались более стойкими, боеспособными, и именно на них ложилась основная тяжесть противостояния финским войскам. Так было под Яндебой, под Вонозером, под Гоморовичами.

Учитывая особую ситуацию, сложившуюся на Свирском направлении, 13 октября 1941 года Ставка ВГК преобразовала 7-ю армию в отдельную с прямым подчинением Ставке. Командо-

вание армией было заменено. В составе армии начала складываться достаточно крупная группировка, постепенно нивелирующая превосходство финнов. Главную роль в борьбе за Свирский плацдарм и в остановке финского наступления сыграли небольшие сводные отряды Красной армии под командованием капитанов и лейтенантов, противостоявшие финским полкам и батальонам. Они сдержали превосходящие силы противника, позволив свежим резервным соединениям занять оборону и не допустить продвижение финских войск на соединение с вермахтом.

16 октября немцы начали наступление на Тихвин и АLEXОВЩИНУ. 163-я пехотная дивизия и финские войска на плацдарме приготовились к новому наступлению. 18–21 октября 1941 года финские войска на всем Свирском фронте после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление¹². Однако в это время их атаковали соединения 7-й отдельной армии. В ходе встречного сражения они смогли даже потеснить финские войска. Финны вынуждены были перейти к обороне. 22 октября советские войска перешли в наступление по всему фронту 7-й отдельной армии, но отсутствие резервов и сильной артиллерии не позволило Красной армии закрепить успех¹³. Однако ударный порыв финских войск был исчерпан.

На рис. 6 и 7 показано соотношение сил финской армии и РККА в тысячах человек и количестве стволов тяжелой артиллерии к исходу октября 1941 года.

Как видно из диаграмм, наличие 163-й германской дивизии существенно облегчило финнам поддержание количественного и качественного превосходства над войсками 7-й армии даже с учетом прибывших соединений. Не удалось создать решающего преимущества советскому командованию и в артиллерии, несмотря на переброску четырех артполков 21-й и 114-й дивизий. Финны, используя прежнюю артгруппировку, доминировали на поле боя, что сказалось на слабых успехах контрударов Красной армии. Превосходство финнов в пехоте и артиллерии лишь возмещает героизм и стойкость советских бойцов и командиров, не только не пропустивших противника на соединение с вермахтом, но и нанесших ряд тактических поражений врагу на Свирском плацдарме.

Октябрьский неуспех и милитаристские амбиции финского руководства вызвали недовольство финских солдат. Если в августе из частей Карельской армии дезертировало 135 человек, в сентябре 210, то в октябре уже 445. Солдаты 5-й и 17-й дивизий отказывались продолжать наступление. В 61-м полку 17-й пехотной дивизии сотни чело-

век отказались выполнить приказ о форсировании реки Свирь [2: 169–171].

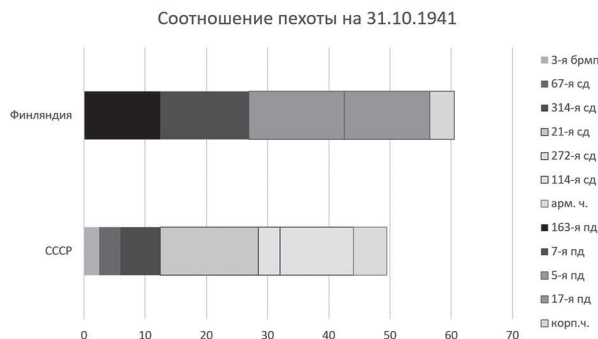


Рис. 6. Соотношение сил на Свирском участке фронта по пехоте на 31 октября 1941 года

Figure 6. The balance of infantry forces in the Svir sector as of October 31, 1941

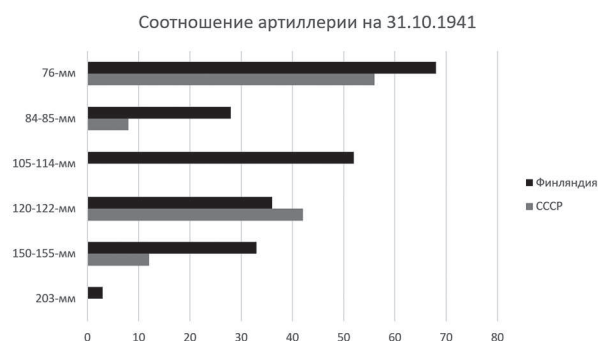


Рис. 7. Соотношение сил на Свирском участке фронта по артиллерии на 31 октября 1941 года

Figure 7. The balance of artillery forces in the Svir sector as of October 31, 1941

8 ноября немецкие войска овладели Тихвином и запросили помощь 163-й пехотной дивизии. До 16 декабря на Свирском плацдарме шли бои, но 8 декабря Красная армия взяла Тихвин, и приказ Маннергейма о подготовке наступления от Свири был отменен [13]. 6 декабря по требованию СССР Великобритания объявила войну Финляндии, что также стало одной из причин замораживания активности на плацдарме. Однако несомненно, что основными причинами стали упорное сопротивление советских войск, среди которых большое значение имели отряды Ленинградского ополчения, интенсивные непрерывные контратаки РККА, усиление 7-й отдельной армии.

К концу года 7-я армия в упорных боях стабилизировала положение на плацдарме. Линия фронта оставалась здесь почти неизменной до лета 1944 года [9: 69–70]. Финские войска продолжали занимать плацдарм на левом берегу Свири площадью до 3,5 тысячи кв. км и до 120 тысяч кв. км Карелии и Ленинградской об-

ласти в границах до 1939 года, что никак не соотносится с образом «миролюбивой» Финляндии, желающей только вернуть свои земли, захваченные Сталиным в ходе Зимней войны.

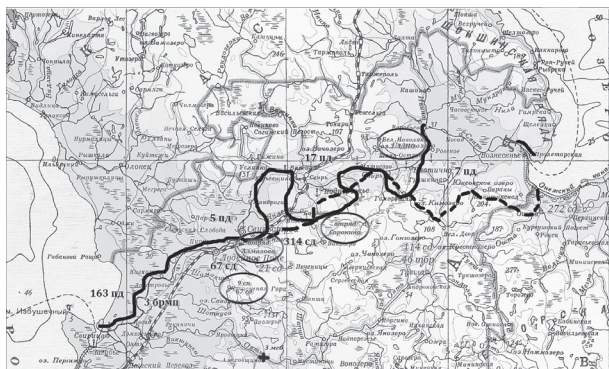


Рис. 8. Карта-схема линии фронта на Свирском участке на 1 (сплошная линия) и 31 (прерывистая линия) октября 1941 года

Figure 8. The map of the frontline in the Svir sector as of October 1 (solid line) and October 31 (broken line), 1941

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В октябре 1941 года, когда после овладения Петрозаводском финские боевые группы захватили ряд плацдармов на южном берегу реки Свирь, резервные соединения РККА только выдвигались из Москвы, Казахстана, Забайкалья и Дальнего Востока. Финны, пользуясь значительным превосходством в пехоте и артиллерии, приступили к расширению плацдармов и их объединению. В этот сложный, критический период небольшие отряды красноармейцев, не имея связи, разведки, артиллерии, поддержки авиацией, героически сдерживали наступление превосходящих сил финской армии. Ценой своей жизни они обеспечили развертывание прибывающих дивизий Красной армии, которые не допустили соединения финской и германской армий на Тихвинском и Волховском направлениях. Среди таких отрядов, оказавших активное сопротивление финским войскам, были остатки 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения, выходившей из очередного окружения, части 67-й стрелковой дивизии, переформированные из подразделений ополченцев, отряд военинженера 2-го ранга М. С. Сорокина, состоявший из ленинградских ополченцев-артиллеристов. Красная армия на всем протяжении борьбы за Свирский плацдарм количественно и качественно уступала финским войскам, но беспрестанными контратаками и упорным сопротивлением отдельных отрядов враг был остановлен, линия фронта стабилизирована.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например: Мединский В. Линии Маннергейма // Пресс-служба Министерства Культуры РФ. 6.10.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culture.gov.ru/press/news/vladimir-medinskiy-linii-mannergeyma20171006161418/?sphrase> (дата обращения 30.08.2022).
- ² Мерецков К. А. На службе народу. М.: Политиздат, 1988. 447 с.
- ³ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 4552 VI Armeijakunta. t. 208–307.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 5629 7. Divisioonan. t.185-206; 5630 7. Divisioonan. t. 107–147; 5636 7. Divisioonan. t. 166–255.
- ⁶ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 4552 VI Armeijakunta. t. 208–307.
- ⁷ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 87. Л. 128–170.
- ⁸ ЦАМО РФ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 25. Л. 19–26.
- ⁹ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 35. Л. 77; Д. 97. Л. 47 об., 62–89; Д. 122.
- ¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2.
- ¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 72. Л. 79.
- ¹² Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 4553 VI Armeijakunta. t. 3–156.
- ¹³ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 87. Л. 128–170.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Е. П., Лукин Г. Г. Боевые действия 3-й ОБРМП и 3-й ДНО в южной Карелии. Июль – август 1941 г. // Новые исторические перспективы. 2020. № 1 (18). С. 5–14.
2. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с.
3. Домнин А. И. Значение водных рубежей в летне-осеннюю кампанию первого года Великой Отечественной войны // Военный академический журнал. 2021. № 4 (32). С. 32–44.
4. Дубаренко К. А., Терентьев В. О., Панов Р. А. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения (Фрунзенского района). 49-я стрелковая дивизия РККА (2-го формирования, с 24.09.1941): историческая хроника боевого пути, тактический обзор боевых действий. СПб.: Полтораки, 2011. 83 с.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: В 6 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 680 с.
6. К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы: Сб. материалов междунар. науч. конф. Брянск: Историческое сознание, 2017. Ч. II. 624 с.
7. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М.: Наука, 1984. 360 с.
8. Карельский фронт и советская Карелия в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей междунар. науч.-практ. конференции. Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. 195 с.
9. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск: Карелия, 1983. 237 с.
10. Мусатов В. И. «Особая война» Финляндии в 1941–1944 гг.: факты и домыслы // Военно-исторический журнал. 2019. № 9. С. 4–11.
11. Петрозаводск – город воинской славы: в годы мировых войн и революций: Сб. статей и материалов II науч.-практ. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 96 с.
12. Пыхалов И. В. Был ли Маннергейм «спасителем Ленинграда»? // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 3. С. 15–20.
13. Раунио А. Военное сотрудничество Финляндии и Германии в 1940–1942 гг. (перевод с фин. яз. Ю. М. Кирилл) // Studia Humanitatis Borealis. 2017. № 1. С. 4–29.
14. Терентьев В. О., Панов Р. А. Третья Ленинградская дивизия народного ополчения в битве за Ленинград // Клио. 2012. № 8 (68). С. 102–104.
15. Терентьев В. О. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения генерала Судакова в обороне Петрозаводска // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 78–84.
16. Терентьев В. О. Тыл Центрального фронта под руководством генерал-майора Ф. П. Судакова (август 1941 г.) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13, № 1. С. 122–126.
17. Терентьев В. О. Боевые действия 66-го стрелкового корпуса РККА под командованием генерал-майора Ф. П. Судакова на Речицком направлении летом 1941 г. // Рэчыцкі край: да 150-годдзя з дня нараджэння Міграфаана Доунара-Запольскага: Зб. навук. арт. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 358–369.

Поступила в редакцию 14.11.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Vyacheslav O. Terentev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2567-5560; terehv@mail.ru

THE ROLE OF THE LENINGRAD MILITIA IN THE STABILIZATION OF THE SVIR SECTOR OF THE SOVIET-FINNISH FRONT IN OCTOBER 1941

Abstract. The article presents the results of the research of the confrontation between the Soviet and the Finnish troops in the Svir sector of the Soviet-Finnish front in the autumn of 1941. The research is based on archival materials mainly introduced into academic use for the first time. The critical stage of the formation of the frontline from Lake Ladoga to Lake Onega is investigated. In October 1941, while the Red Army units were on their way from Moscow, Kazakhstan, Transbaikalia, and the Far East, the Finnish combat groups, having already captured a number of bridges on the southern bank of the Svir River, started their offensive. The present paper aims to examine and emphasize the importance of the role played during this period by small detachments of Soviet troops, which prevented the advance of the superior forces of the Finnish army. Such detachments ensured the deployment of the arriving divisions of the Red Army, which, in their turn, prevented Finnish and German armies from uniting in the Tikhvin and Volkhov sectors. The key units that provided significant resistance to the Finnish troops were the remnants of the 3rd Leningrad Division of the People's Militia, the parts of the 67th Rifle Division, and the detachment of artillerymen of the military engineer 2nd rank M. S. Sorokin. The existence of Sorokin's detachment is revealed for the first time in the historiography of the Great Patriotic War, as well as its decisive role in preventing the Finnish breakthrough in the central (Vozzero) subsector. The paper analyzes the rates of saturation of the front with infantry and artillery of the opposing sides and the dynamics of changes in the balance of forces in the Svir lodgement.

Keywords: World War II, Soviet-Finnish War, Svir, Seventh Army, Leningrad militia, Third Leningrad Division of the People's Militia

For citation: Terentyev, V. O. The role of the Leningrad militia in the stabilization of the Svir sector of the Soviet-Finnish front in October 1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.854

REFERENCES

1. Abramov, E. P., Lukin, G. G. The fighting of the 3rd Separate Marine Brigade and the 3rd Division of the People's Militia in South Karelia. July – August 1941. *New Historical Perspectives*. 2020;1(18):5–14. (In Russ.)
2. Baryshnikov, N. I., Baryshnikov, V. N., Fyodorov, V. G. Finland in World War II. Leningrad, 1989. 336 p. (In Russ.)
3. Dominin, A. I. The significance of water boundaries in the summer-autumn campaign of the first year of the Great Patriotic War. *Military Academic Journal*. 2021;4(32):32–44. (In Russ.)
4. Dubarenko, K. A., Terentev, V. O., Panov, R. A. The 3rd Leningrad Division of the People's Militia (Frunzensky district). The 49th Rifle Division of the Red Army (2nd formation, from 24.09.1941): historical chronicle of the combat path, tactical review of the fighting. St. Petersburg, 2011. 83 p. (In Russ.)
5. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. In 6 vols. Vol. 2. Moscow, 1961. 680 p. (In Russ.)
6. Commemorating the 75th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War: On the verge of disaster: Proceedings of the international research conference. Part 2. Bryansk, 2017. 624 p. (In Russ.)
7. The Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945: military and historical review. Moscow, 1984. 360 p. (In Russ.)
8. The Karelian Front and Soviet Karelia during the Great Patriotic War: Proceedings of the international research and practice conference. Petrozavodsk, 2015. 195 p. (In Russ.)
9. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War. Petrozavodsk, 1983. 237 p. (In Russ.)
10. Musayev, V. I. The “special war” of Finland in 1941–1944: facts and conjectures. *Journal of Military History*. 2019;9:4–11. (In Russ.)
11. Petrozavodsk – a city of military glory: the times of the world wars and revolutions. Petrozavodsk, 2019. 96 p. (In Russ.)
12. Pykhalov, I. V. Was Mannerheim the “savior of Leningrad”? *Society. Environment. Development*. 2016;3:15–20. (In Russ.)
13. Raunio, A. Military cooperation of Finland and Germany in 1940–1942. (Yu. M. Kilin, transl.). *Studia Humanitatis Borealis*. 2017;1:4–29. (In Russ.)
14. Terentev, V. O., Panov, R. A. The Third Leningrad Division of the People's Militia in the Battle for Leningrad. *Klio*. 2012;8(68):102–104. (In Russ.)
15. Terentev, V. O. The Third Leningrad Division of the People's Militia of General Sudakov in the defense of Petrozavodsk. *Proceedings of the international research and practice conference “Karelia – a border region of Russia in the XX–XXI centuries: Karelia during the Second World War”*. Petrozavodsk, 2019. P. 78–84. (In Russ.)
16. Terentev, V. O. Rear services of the Central Front under the command of Major General Sudakov in August 1941. *Current Issues of Humanities and Socio-Economic Sciences*. 2019;1:122–126. (In Russ.)
17. Terentev, V. O. Combat operations of the 66th Rifle Corps of the Red Army under the command of Major General F. P. Sudakov in the Rechitsa direction in the summer of 1941. *Rechitsa region: commemorating the 150th birth anniversary of Mitrofan Dounar-Zapolsky*. Minsk, 2019. P. 358–369. (In Russ.)

Received: 14 November, 2022; accepted: 26 December, 2022

ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
средних веков Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2254-858X; e.a.terenteva@bk.ru

ПЕТРОЗАВОДСК ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Публикации во французской прессе в период Второй мировой войны представляют собой интересный материал для анализа как методов пропаганды того времени, так и интеллектуального климата во Франции в рассматриваемый период. Освещение во французской прессе событий Великой Отечественной войны остается практически полностью не исследованным, несмотря на высокую степень актуальности этой темы как для изучения социокультурных процессов во французском обществе, так и для исследований в области имагологии, в частности – трансформаций образа СССР в ходе развития отношений между СССР и Западом. Цель настоящей статьи – анализ особенностей формирования образа города Петрозаводска разными типами французских периодических изданий, а также динамики количества и интенсивности таких публикаций на протяжении Второй мировой войны. Новости о событиях, связанных со столицей Карелии, публиковали исключительно французские коллаборационистские печатные издания, а такие значительные явления, как переименование города и размещение в нем и его окрестностях концентрационных лагерей, не были освещены вовсе. При этом особенности общей последовательности публикаций, связанных с Петрозаводском, соответствовали обычно применявшейся логике публикаций о новых для французского читателя регионах. Статья является первым в историографии исследованием указанной темы и, таким образом, обладает научной новизной.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Вторая мировая война, СССР, Петрозаводск, СМИ, французская пресса, коллаборационизм, немецкая франкоязычная пресса, пропаганда, периодика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терентьева Е. А. Петрозаводск во французской прессе в годы Второй мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.855

ВВЕДЕНИЕ

Французская периодика во время Второй мировой войны представляет собой любопытный феномен, интересный прежде всего своей разнородностью и рядом трансформаций, связанных с военной историей республики. Первый перелом в довоенном развитии французских СМИ наступил с началом оккупации Франции Германией и ее делением на оккупационную и «свободную» зоны – на соответствующие две группы разделились и французские органы периодической печати (многие газеты навсегда покинули Париж) [9], [10]. Одновременно зародилась и начала постепенно развиваться подпольная пресса Сопrotивления. С ликвидацией «свободной» зоны и возникновением зон оккупации «Север» и «Юг» французскую легальную периодику также коснулись некоторые изменения, хотя и незначительные. Наконец, последний и наиболее радикальный перелом в истории французской прессы

произошел с освобождением страны: были ликвидированы коллаборационистские издания, а легализованная пресса Сопrotивления смягчила собственную риторику, до этого момента ярко просоветскую.

Ряд французских периодических изданий доступен в российских научных библиотеках, однако только с созданием Французской национальной библиотекой в 2012 году ресурса «Retro-news» (www.retro-news.fr), где в открытом доступе находятся оцифрованные версии периодических изданий за несколько веков истории французской прессы, стал возможен по-настоящему всеобъемлющий анализ французской периодики. Второй ресурс Французской национальной библиотеки, «Gallica» (gallica.bnf.fr), существующий с 1997 года, предоставляет доступ к отсутствующим на вышеуказанном сайте изданиям, преимущественно газетам французского Сопrotивления, которые публиковались

нерегулярно и неединообразно, особенно на первых этапах. Коллекция периодических изданий времен Второй мировой войны является на сегодняшний день одной из наиболее полных, включая несколько сотен наименований газет и журналов, вышедших в разных регионах Франции, а также франкоязычной прессы, издававшейся за рубежом. Указанные ресурсы открывают возможности для широкого и разнообразного применения количественных и статистических методов исследования, контент-анализа и других методов работы с текстами.

В настоящей статье проанализированы материалы более ста центральных и региональных периодических изданий, размещенных в указанных базах данных, поэтому выборка является вполне репрезентативной. Названия периодических изданий, в которых Петрозаводск и Карелия не упоминались, не перечисляются.

Ход событий на всех театрах военных действий освещали практически все сколько-нибудь заметные издания, во многих существовали рубрики «Коммюнике» и «Сводки с фронтов». Однако степень детальности описаний того, что происходило в разных частях мира, различалась довольно значительно. При этом, когда речь заходила о малоизвестных рядовому читателю регионах (то есть фактически о любом вне Западной Европы), порядок публикаций часто подчинялся вполне определенной логике. В момент зарождения интереса к региону, то есть предвзята первые новостные публикации (в случае с «немецкой франкоязычной прессой») или одновременно с ними, публиковались общие сведения, зачастую сопровождаемые картами-схемами и, реже, историко-географическими очерками. Затем на протяжении некоторого времени подобных комментариев не давалось. В случае длительного перерыва в публикации новостей из региона эта схема могла вновь повториться, хотя бы в отношении публикации карт-схем. Этой же логике подчинялись и публикации, касавшиеся Карелии.

Первая волна публикаций о Карелии была связана с Зимней войной и предшествовавшими ей событиями. Она началась в ноябре 1939 года в связи с советско-финляндской войной, которую впоследствии те же газеты называли «первой финской». В этих публикациях и был впервые упомянут город Петрозаводск как столица Карелии (или Восточной Карелии) с указанием особенностей его физико-географического положения. В ряде изданий были опубликованы

карты-схемы Северной Европы¹. В ознакомительных статьях о Карелии осенью 1939 года делался акцент, с одной стороны, на агрессивные планы СССР в отношении Финляндии; с другой стороны, речь шла о стратегической важности региона с точки зрения строительства Беломорканала и открывшегося водного коридора к Северному морскому пути. Так, 16 ноября в «Эксельсиор» вышла статья о «давлении Советов на Финляндию», в которой говорилось о развитии в СССР сети рек и каналов, которые «соединяли Кронштадт с Мурманском», Петрозаводск упоминался как столица «советской республики Карелия», недалеко от которой добывался «красный порфир, которым отделана могила Наполеона в Инвалидах» (причем название «Шокша» приведено искаженно – Chochka)². Карта-схема этого водного пути была опубликована в том же номере с комментарием, что «Сталинский канал» строили политические заключенные.

С 13–14 декабря 1939 года Петрозаводск упоминался в военных сводках соответствующего сектора фронта во французских газетах практически ежедневно с перерывом на первую неделю нового года. Такая двухнедельная задержка новостей из региона была в целом характерна для французских газет. Речь, впрочем, шла не о запаздывании новостей, а о паузе в освещении событий: так, 13 января публиковались советские коммюнике от 12 января. То есть дело было не в запоздалом получении новостей редакциями, а в стремлении не начинать освещение спорных событий на острые политические темы, тенденции развития которых поначалу были непонятны.

После 25 января 1940 года в сообщениях о Петрозаводске во французских газетах наступил перерыв до 11 марта. Затем, 2 апреля 1940 года, вышла целая серия публикаций, посвященных завершению войны и новым границам на севере Европы. «Матен» опубликовала карту-схему региона с новой советско-финской границей и «украденными территориями»; в сопроводительной заметке Петрозаводск упоминался как несомненная столица новой федеративной республики³. Аналогичные публикации вышли сразу в нескольких изданиях: в «Эксельсиор», «Тан», «Аксьон франсез», «Антрansiжан»⁴. Однако аналитической оценки произошедшим изменениям в этот момент дано не было. Более того, время от времени даже печатались новости из советской Карелии: например, 13 мая 1940 года «Тан» перепечатала сообщение московской «Правды» о про-

веденном в Петрозаводске конгрессе коммунистической партии новой Карело-Финской ССР⁵.

Сентябрь 1941 года открыл новую серию ознакомительных публикаций о Карелии, где говорилось и о ее столице, хотя в этой серии публикаций уже отсутствовали карты региона. «Пти труаен» сообщала численность жителей города – 26 350 человек, отмечая его важную роль как порта на Онеге и пункта на железной дороге на Мурманск. В этой же статье указывалось, что Карелия богата железом, мрамором и гранитом, а на Свири работают две гидроэлектростанции⁶. Однако весьма примечательна риторика французских СМИ по поводу территории Карелии. Во-первых, эти ознакомительные публикации давались на фоне информации об успехах немецких войск, в частности «Пти труаен» – на фоне новости о полном окружении Ленинграда, которая шла передовицей. Во-вторых, что важнее, даже в публикациях, не содержащих рассуждений об исторической принадлежности карельских территорий, всегда присутствовали определение «финский» либо упоминание финнов: так, заголовок указанной статьи звучал как «Финны в Карелии», хотя в тексте речь шла о карельской территории, ее столице и природных ресурсах.

Фактически французская пресса транслировала концепцию, озвученную в июне 1941 года, – «Планы некоторых мероприятий в Восточной Карелии», где говорилось о том, что исторически Финляндии принадлежали земли до Свири, Онеги и Белого моря и о родственности карелов финнам и карельском языке как диалекте финского.

К 20-м числам сентября 1941 года статьи и их заголовки запестрели предположениями о скором «падении Петрозаводска»⁷. Более мягко выражалась только католическая «Круа», которая и в оккупации сохранит максимально возможную независимость позиции. В ее материале от 29 сентября 1940 года говорилось, что столица советской Карелии Петрозаводск, вопреки прогнозам, все еще в руках русских⁸.

Трагический эпизод гибели парохода «Кингисепп» у Ивановских островов не нашел отражения во французских газетах; в эти дни конца сентября много говорили о финских авианалетах на Петрозаводск и окрестности. Зато 2 октября 1941 года, не задерживая новость ни на день, газеты по всей Франции опубликовали материалы о взятии Петрозаводска. Под этим заголовком тулузская «Депеш» разместила карту-схему Финского залива и Ленинграда: логика публикации очевидна, об этом не говорили напрямую,

но подразумевали, что и старая столица России должна вскоре пасть. Ошибиться в том, на чьей стороне были симпатии французской пронемецкой прессы, невозможно – «Матен» в тот же день писала о захваченном финскими войсками Петрозаводске: «повсюду ликуют». Численность населения Петрозаводска здесь уже указывалась как 50 000 человек⁹. Подчеркивалась освободительная миссия финской армии, а местное население именовалось то финнами, то карелами, причем эти термины использовались как синонимы. «Депеш дю Берри» опубликовала, например, сообщение о том, что «в Карелии, освобожденной от большевистского владычества, финны начали восстанавливать свои жилища. Карелы возвращаются в свою деревню, таща свои сани при помощи трактора»¹⁰. После шквала публикаций о взятии города 2–3 октября 1941 года наступило некоторое затишье. Теперь Петрозаводск упоминался преимущественно как географический ориентир при описании линии фронта и участков военных действий.

Переименование Петрозаводска в октябре 1941 года и его улиц в феврале 1943 года не нашло отражения во французской периодике. Единственный раз Петрозаводск был упомянут под названием Яанислинна 6 октября 1941 года во франкоязычной газете «Нуова Италия» (Новая Италия)¹¹; как Онегаборг город не фигурировал во франкоязычной прессе совершенно. Карело-финский, а также вепсский вариант названия города – Петроской – встречается во французских газетах еще реже, всего трижды, и все три раза в 1944 году. Незадолго до освобождения Франции в том же 1944 году пронацистская «Пари-суар» опубликовала заметку «Вторая финская война». Она представляла собой рецензию на публикацию французского перевода О. Соважо военного дневника Ээро Кириванты «Это так». В рецензии упоминалась и предыдущая работа переводчика – книга Эйне Хосиа «Под огненным сводом». Обе книги повествовали о начальных этапах обеих кампаний, успешных для финнов. Именно в этой заметке о переводной работе упоминался Петроской, причем другие варианты названия не приводились, хотя и было замечено, что это столица Восточной Карелии¹². Публикация такого рода мемуарной литературы о победных для Германии и ее союзниц периодах войны стала характерной чертой немецкой и пронемецкой пропаганды с 1944 года [6], [7], [8].

22 октября 1941 года некоторые газеты опубликовали материал об открытии гигантского

авиационного завода недалеко от Петрозаводска. Однако примечательно, что ни одного упоминания о концентрационных лагерях на территории и в окрестностях Петрозаводска [1], [3] во французской прессе не появилось ни разу за весь период войны.

В 1942 году Петрозаводск упоминался в газетах чаще всего в контексте битвы за Ленинград [2], [4]. При этом сведения о численности жителей варьировали от 12 000 в октябре 1942 года¹³ до 80 000 в марте 1943 года¹⁴. В 1942–1943 годах город упоминался всего несколько раз. В целом после 1941 года коллаборационистская пресса оккупационной, а впоследствии зоны «Север» потеряла интерес к столице Карелии. Она не входила в сферу непосредственных интересов Германии, а время побед в регионе дружественной Рейху Финляндии прошло, и новости оттуда не могли использоваться в пропагандистских целях как иллюстрация успехов Германии и ее союзников. Именно поэтому в период оккупации Франции и подчинения ее средств массовой информации немецкой цензуре Петрозаводск интересовал французскую прессу значительно меньше, чем территории и города, которые были целью Германии.

Однако в целом за весь период войны именно немецкая франкоязычная пресса (то есть северная) писала о столице Восточной Карелии больше всего. Газеты юга Франции («свободной» зоны, впоследствии зоны «Юг») мало интересовались событиями в Карелии. Нелегальная пресса Сопротивления писала о северном регионе прежде всего в связи с Ленинградом, и Петрозаводск оставался совершенно вне сферы ее интересов и не упоминался. В результате в 1944 году во французской печати об освобождении Петрозаводска так и не было объявлено. Газеты Сопротивления, охотно публиковавшие новости о победах советского оружия (и вообще любых

поражениях Германии), летом 1944 года были заняты событиями внутри страны, освобождение которой шло фактически параллельно с освобождением Карелии в ходе Свирско-Петрозаводской наступательной операции. Коллаборационистские издания вообще не публиковали новости о потерянных городах, стараясь сообщать об изменениях линии фронта при отступлении Германии и ее союзниц в терминах «выравнивания линии фронта», избегая названий крупных центров. И лишь осенью 1944 года в двух дублирующих друг друга статьях газет уже освобожденной Франции Петрозаводск упоминался среди двадцати крупных советских городов, где прошли праздничные салюты¹⁵ в честь годовщины Октябрьской революции, что подразумевало его переход под власть Москвы. 22 ноября 1944 года было опубликовано любопытное сообщение о репатриации промышленных и музейных ценностей в СССР¹⁶. Летом 1944 года на освобождение города откликнулись только алжирская «Эко д'Альжер»¹⁷ и – косвенно – британская франкоязычная «Франс», которая в той же статье признавала эти территории «исконно русскими»¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сложилась любопытная ситуация, когда на протяжении войны о событиях, связанных с Петрозаводском, французский читатель мог узнать почти исключительно из коллаборационистских периодических изданий, причем наиболее радикального толка. Французская печать как Сопротивления, так и послевоенная, так называемая свободная французская пресса, обходили вниманием и Карелию в целом, и ее столицу, концентрируясь на более южных или более северных регионах советско-германского и советско-финского противостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Le Journal. № 17187. 10.11.1939. P. 6; Pression de Moscou sur Helsinki // Excelsior. № 10562. 16.10.1939. P. 1.

² Pression de Moscou sur Helsinki // Excelsior. № 10562. 16.10.1939. P. 1, 4.

³ Le Matin. № 20463. 02.04.1940. P. 1.

⁴ Excelsior. № 10700. 02.04.1940. P. 3; Le Temps. № 28689. 02.04.1940. P. 1; L'Action française. № 93. 02.04.1940. P. 3; L'Intransigeant. № 52087. 02.04.1940. P. 3.

⁵ Chez les communistes finnois // Le Temps. № 28730. 13.05.1940. P. 2.

⁶ Les finlandais en Carélie // Le Petit Troyen. № 21922. 10.09.1941. P. 1.

⁷ On attend la chute prochaine de Petrozavodsk // Journal des débats politiques et littéraires. № 515. 20.09.1941. P. 4; Le Petit Journal. № 28713. 24.09.1941. P. 1 и др.

⁸ La Croix. № 18000. 29.09.1941. P. 1.

⁹ Le Matin. 02.10.1941. P. 1.

¹⁰ La Dépêche du Berry. № 233. 03.10.1941. P. 1.

¹¹ La Nuova Italia (L'Italie nouvelle). № 10. 06.10.1941. P. 4.

- ¹² La fenêtre sur la vie. La seconde guerre de Finlande // Paris-soir. № 1263. 26.05.1944. P. 2.
- ¹³ Le Journal. № 18192. 16.10.1942. P. 2.
- ¹⁴ Journal des débats politiques et littéraires. № 966. 05.03.1943. P. 1.
- ¹⁵ L'Humanité. № 72. 08.11.1944. P. 2; Le Cri du Peuple. Saint-Etienne. № 57. 10.11.194. P. 1.
- ¹⁶ Paris-press, L'Intransigeant. 22.11.1944. P. 1.
- ¹⁷ Echo d'Alger. № 12342. 27.06.1944. P. 1; № 12345. 30.06.1944. P. 1.
- ¹⁸ France. № 1185. 21.06.1944. P. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 123 с.
2. Дубаренко К. А., Терентьев В. О., Панов Р. А. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения (Фрунзенского района). 49-я стрелковая дивизия РККА (2-го формирования, с 24.09.1941): историческая хроника боевого пути, тактический обзор боевых действий. СПб.: Полторацк, 2011. 83 с.
3. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. М.: Карелия, 1983. 237 с.
4. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. / Отв. ред. В. Н. Барышников. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 440 с.
5. Терентьев В. О. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения генерала Судакова в обороне Петрозаводска // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 78–84.
6. Терентьева Е. А. Освещение битвы за Москву во французской прессе // Западный мир и Россия. Взаимодействие и восприятие культур в исторической перспективе: Материалы международной научной конференции 11 октября 2018 г. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 100–103.
7. Терентьева Е. А. Освобождение северной Финляндии и Норвегии осенью 1944 г. в освещении французской прессы // Вестник гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. Специальный выпуск, посвященный XXI Международному Балтийскому коммуникационному форуму 5–7 декабря 2019 г. СПб.: Изд-во СПбГУТ, 2019. С. 222–229.
8. Терентьева Е. А. «Свои» и «Чужие»: советские войска в сражениях Великой Отечественной войны глазами французских журналистов // «Свой» / «чужой» в кросскультурных коммуникациях стран Запада и России: Коллективная монография. СПб.: Алетейя, 2019. С. 471–490.
9. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome III. De 1871 à 1940. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 688 p.
10. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome IV. De 1940 à 1958. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 486 p.

Поступила в редакцию 14.11.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Ekaterina A. Terenteva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-2254-858X; e.a.terenteva@bk.ru

PETROZAVODSK IN THE FRENCH PRESS DURING THE SECOND WORLD WAR

Abstract. The publications of the French periodicals during the World War II present interesting material for the analysis of the propaganda methods and the intellectual climate in France in 1939–1945. The coverage of the events of the Great Patriotic War in the French press remains virtually unexplored, despite the high degree of relevance of this topic both for the study of sociocultural processes in French society and for imagology research, in particular that of the transformations of the USSR images during the development of relations between the USSR and the West. The article aims to analyze the peculiarities of the formation of the image of the city of Petrozavodsk by different types of French periodicals, as well as the dynamics of the number and intensity of such publications during the Second World War. News about the events related to the capital of Karelia was published exclusively by French collaborationist print media, and such significant phenomena as the renaming of the city and the establishment of concentration camps in it and its surroundings were not covered at all. At the same time, the features of the general sequence of publications related to Petrozavodsk corresponded to the typically used logic of publications about the regions new to the French readers. The article is the first study of this topic in historiography, which determines its research novelty.

Key words: World War II, USSR, Petrozavodsk, mass media, French press, collaborationism, German francophone press, propaganda, periodical press

For citation: Terenteva, E. A. Petrozavodsk in the French press during the Second World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):77–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.855

REFERENCES

1. Verigin, S. G. Under foreign banners: military collaboration in Karelia during the Second World War (1939–1945). Petrozavodsk, 2016. 123 p. (In Russ.)
2. Dubarenko, K. A., Terentev, V. O., Panov, R. A. The 3rd Leningrad Division of the People's Militia (Frunzensky district). The 49th Rifle Division of the Red Army (the 2nd formation, from 24.09.1941): historical chronicle of the combat path, tactical review of the fighting. St. Petersburg, 2011. 83 p. (In Russ.)
3. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War. Petrozavodsk, 1983. 237 p. (In Russ.)
4. From war to peace: the USSR and Finland in 1939–1944. (V. N. Baryshnikov, Ed.). St. Petersburg, 2006. 440 p. (In Russ.)
5. Terentev, V. O. The 3rd Leningrad Division of the People's Militia of General Sudakov in the defense of Petrozavodsk. *Karelia, a border region of Russia in the XX–XXI centuries: Karelia during the Second World War: Proceedings of the international research and practice conference*. Petrozavodsk, 2019. P. 78–84. (In Russ.)
6. Terenteva, E. A. Coverage of the Battle for Moscow in the French press. *Western world and Russia. Interaction and perception of cultures in historical perspective: Proceedings of the international research conference on October 11, 2018*. Moscow, 2019. P. 100–103. (In Russ.)
7. Terenteva, E. A. The French press on the liberation of Northern Finland and Norway in October 1944. *Bulletin of the Faculty of Humanities of the Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications*. 2019;11:222–229. (In Russ.)
8. Terenteva, E. A. “Us” and “them”: Soviet troops in the battles of the Great Patriotic War through the eyes of French journalists. “One's own” / “alien” in cross-cultural communications of Western countries and Russia: *Collective monograph*. St. Petersburg, 2019. P. 471–490. (In Russ.)
9. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome III. De 1871 à 1940. Paris, 1972. 688 p.
10. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome IV. De 1940 à 1958. Paris, 1975. 486 p.

Received: 14 November, 2022; accepted: 26 December, 2022

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ЧУРАКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ochurakova@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОЕННО-САНИТАРНЫХ ПОЕЗДОВ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОЛОГИИ ФРОНТОВОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена недостаточно изученным аспектам фронтовой повседневности – обыденной жизни военно-санитарных поездов в период войн первой половины XX века. За период функционирования железнодорожной военно-эвакуационной службы менялись ее структура и система управления, наращивался потенциал транспортировки раненых бойцов, улучшалась инфраструктура. Между тем большинство проблем повседневной жизни военно-санитарного поезда оставались прежними. Цель данной работы – раскрыть исследовательский потенциал антропологии фронтовой экстремальности, используя материалы повседневной жизни военно-санитарных поездов в России первой половины XX века. Для анализа «малых жизненных миров», примером которых являлось пространство санитарного поезда, применим широкий спектр методологических подходов из ресурсов истории повседневности, социальной истории, исторической психологии, микроистории, эмоциологии. В русле историко-антропологических подходов могут быть исследованы стратегии выживания в ситуации маргинального состояния передвижного средства спасения и экстремальности нахождения между театром военных действий и тылом, между жизнью и возможностью смертельного исхода. Источниками исследования, помимо материалов архивов, являются документы личного происхождения. Из последних лучше всего представлен корпус его-документов медицинских работников среднего звена – сестер милосердия, менее – врачей и санитарных работников и практически отсутствуют повествовательные источники, созданные работниками железных дорог. Сложности представляют интерпретации визуальных источников (фотографий, кинохроники) и репрезентаций казуса санитарного поезда в художественной культуре. В результате проведенного исследования обозначены лакуны для проведения научных изысканий и выявлены ресурсы для применения новых исследовательских трендов. Рассмотреть формирование адаптационных практик в условиях походной жизни и выявить компенсаторные функции культурных мероприятий в ограниченном пространстве поезда позволяет историческая психология. Имагология и гендерные исследования могут быть эффективно использованы для анализа межнациональных и гендерных коммуникативных практик. Наибольший успех в освоении данной темы принадлежит междисциплинарным исследованиям, на пересечении научных полей которых возможна подготовка монографий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военно-санитарные поезда, медицинская служба, эвакуация раненых, история повседневности, антропология экстремальности, адаптационные практики

Д л я ц и т и р о в а н и я : Чуракова О. В. Повседневная жизнь военно-санитарных поездов: исследовательский потенциал антропологии фронтовой экстремальности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 83–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.856

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX века исследования истории войн в России пополнились новыми траекториями научного поиска, которые позволили ученым «заглянуть за кулисы» театра войны и увидеть особенности «фронтовой повседневности» комбатантов и нонкомбатантов. Таковой явилась

военно-историческая антропология, которая основывается на «системном изучении человека в контексте военной истории» [20: 7]. Методологические основания данного исследовательского направления, в том числе и историография изучения «фронтовой повседневности», представлены в трудах Е. С. Сеньявской, А. С. Сеньявского,

А. Э. Ларионова, Е. Н. Кринко и других авторов [11], [12], [21], [22], [23]. Кроме того, в изысканиях XXI века российскими учеными используются такие научные поля, как имагология, история эмоций, новые концепты и понятия: «антропология экстремальности», «адаптационные повседневные практики» [28: 192].

Цель данной работы – раскрыть исследовательский потенциал «антропологии экстремальности» на материалах повседневной жизни военно-санитарных поездов в России в период войн первой половины XX века. Поезд, как и любое транспортное средство, предназначенное для эвакуации военных, находится в постоянном положении маргинальности, курсируя между фронтом и тылом, а эвакуируемые – в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Постоянная смена внешних (географических, климатических) факторов порождает обстановку нестабильности, а замкнутость пространства усугубляла ситуацию психологической напряженности. Следовательно, мир жизни военно-санитарного поезда в периоды вооруженных противостояний может быть успешно прочитан в дискурсе антропологии фронтовой экстремальности.

Основными источниками исследования данной темы являются материалы архивов и музейные коллекции¹. Не менее важны и официальные документы, регламентирующие пространство поезда, его оснащение, штат служащих и описание их деятельности². Наиболее значимыми источниками для воссоздания атмосферы повседневной жизни военно-санитарного поезда являются документы личного происхождения, прежде всего – записки и воспоминания служащих военных транспортов. Более всего мемуаров и автобиографий (в дискурсе гендерных исследований используется термин «автобиографии») оставили сестры милосердия периода Первой мировой войны³. В ряде музеев России представлены биографические данные работников санитарных поездов периода Второй мировой войны⁴. Уникальными источниками для реконструкции «психологического климата» походной жизни являются записки литераторов, служивших в санитарных поездах: К. Паустовского, В. Вересаева, А. Вертинского, В. Пановой [14]. События военных лет нашли отражение в документальных и художественных произведениях данных авторов⁵.

Весьма информативными являются визуальные источники (фотографии, плакаты, открытки, кинохроника), однако существует проблема их интерпретации. С одной стороны, они по-

зволяют увидеть санитарные поезда «снаружи и изнутри», проследить различные стороны их деятельности, эволюцию униформы служащих и медицинских работников⁶. С другой стороны, подобные документы не вполне достоверны: зачастую это были постановочные кадры. Подобный идеализированный образ санитарного поезда «с комфортабельнейшими постелями и наизыящнейшей уполномоченною дамою» иногда видит и читатель художественной литературы⁷. Наиболее реальное воспроизведение действительности поезда можно увидеть в фильмах советского периода, например, в созданных по повести В. Пановой «Спутники» кинолентах «Поезд милосердия» (1964 год, режиссер И. Хамраев), «На всю оставшуюся жизнь» (1957 год, режиссер П. Н. Фоменко), эпизодах фильма «Офицеры» (1971 год, режиссер В. Роговой) и др. [16: 107].

Таким образом, в распоряжении историка имеется вполне весомый корпус документов, позволяющий выявить особенности повседневной жизни передвижного санитарного средства в условиях военного времени.

ВОЕННО-САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА: ОТ ЭВАКУАЦИИ ДО ПЕРЕДВИЖНОГО ГОСПИТАЛЯ

Тема функционирования эвакуационной службы и передвижных лазаретов достаточно хорошо озвучена в работах современных историков. Так, в исторической литературе освещен на уровне научных публикаций период появления санпоездов в России в годы русско-турецкой войны 1877–1878 годов [3], [26]. Авторы статей, как правило, уделяют внимание описанию «Санитарного поезда № 1 имени Государыни императрицы», особенности службы медицинских работников которого хорошо известны благодаря запискам одного из них – Ф. Ф. Шперка⁸. К концу русско-турецкой войны в арсенале российской армии было уже более двух десятков санитарных составов. В источниках того времени указывалось 23 поезда⁹, а по подсчетам современных историков их было 31, и, кроме того, для эвакуации раненых и больных с театра военных действий были задействованы 99 воинских составов с «теплушками» и 57 сборных, состоящих из разного типа вагонов [7: 158]. Оборудованы вагоны военно-санитарных поездов были двумя способами: «стационарными» (статичными) носилками и «тарантасными станками» на рессорах. Второй способ, по мнению военного врача Н. В. Склифосовского, был «удобоприменнее»: раненый меньше ощущал тряску вагона, станки легко разбирались и складывались¹⁰.

В период русско-японской войны 1904–1905 годов численность санитарных транспортов значительно выросла (по некоторым данным, к 1 февраля 1905 года было сформировано 92 санитарных поезда¹¹), так как их финансированием занимались Главное управление Генерального штаба, главный военно-санитарный комитет при Военном совете, Российское общество Красного Креста, члены императорской семьи Романовых, общественные организации и частные благотворители. Следует отметить, что деятельность санитарных поездов в годы войны с Японией – одна из самых драматичных страниц за всю историю существования данного вида транспорта, так как в период войны линия фронта не раз подходила вплотную к железнодорожным путям и погрузка раненых шла буквально под огнем противника. В пути работников санитарных поездов ждали бытовые трудности: необходимо было решить проблемы с питанием раненых, отоплением вагонов, стиркой белья, размещением воинов в вагонах. По положению 1904 года состав поезда должен был принимать около 250 человек, но на деле, поставив в солдатских вагонах третий ярус носилок, вместимость поезда увеличивали до 500 человек. Раненые бойцы воспринимали поезд как единственный способ спасения. По воспоминаниям одного из участников войны, «после больших сражений раненые солдатики напозлали во все щели, стояли на площадках... висели над буферами, цепляясь уцелевшими руками и ногами за малейшие выступы»¹². Оказание медицинской помощи в пути осложнялось тем, что в составах поездов еще не было переходов между вагонами и медицинский персонал вынужден был на ходу перебираться из вагона в вагон, перепрыгивая по крышам, а медицинские сестры

«принуждены были заниматься несвойственной их полу и костюму гимнастикой, вскарабкиваясь на так высоко отстоящие от земли ступеньки вагона, что даже не всякий солдат мог на них задрать ногу»¹³.

В наибольшей степени отвечали потребностям эвакуации бойцов с линии фронта «именные» поезда, патронированные представителями Дома Романовых: в их составах были вагоны-прачечные, кухни, иногда даже рентген-кабинеты, электрическое освещение. Однако появление таких транспортов на путях сообщения осложняло работу железнодорожных служб: их надлежало пропускать вне очереди, а раненых они могли эвакуировать намного меньше, нежели поезда Красного Креста или военного ведомства.

Ситуация мало изменилась к началу Первой мировой войны. За несколько лет до военной

кампании Николай II вынес вердикт о «безотрадном состоянии в России санитарно-врачебного дела» [13: 229]. Тем не менее назначенный в начале Первой мировой войны Верховным начальником санитарной и эвакуационной части при штабе Верховного главнокомандующего А. П. Ольденбургский сумел наладить работу санитарных поездов, преодолев нехватку транспортных средств, оборудования, медицинского персонала. Деятельность принца Ольденбургского на данном посту оценивается неоднозначно, а между тем если в начале войны в распоряжении военных было 100 военно-санитарных поездов, то осенью 1914 года у одного только военного ведомства их было уже 259 [1: 27, 29]. В декабре 1916 года в российской армии действовало уже 400 военно-санитарных поездов [25: 220]. Деятельность военно-санитарных поездов в России в период Первой мировой войны достаточно хорошо изучена исследователями, чему способствует наличие огромного комплекса документов по данной теме в архивах РГВИА, ГА РФ и региональных архивных хранилищах [5], [9], [25].

В период становления советской власти произошла полная реорганизация лечебно-эвакуационной системы и сосредоточение ее под единым руководством. В феврале – марте 1918 года Всероссийской коллегией по формированию РККА была создана система лечебно-эвакуационного обеспечения войск [6: 10–12]. Служба военно-медицинской эвакуации совершенствовалась в годы интербеллума, а численность военно-санитарных эшелонов стремительно выросла за период Великой Отечественной войны: с 334 в 1941 году до 579 в июне 1945 года [4: 12–14]. Увеличилась и мощность железнодорожных составов: в этот период поезда состояли из 17–18 вагонов на 374–507 мест [17: 29–30]. Причем тыловые поезда представляли собой не просто транспортные средства для эвакуации раненых, а передвижные лазареты. Более четко работали и все вспомогательные службы, благодаря чему за годы Великой Отечественной войны медицинским работникам санпоездов удалось вернуть в строй 72,3 % раненых и 90,6 % больных военнослужащих [18: 120].

Таким образом, за первую половину XX столетия потенциал и эффективность работы военно-эвакуационной службы были увеличены, и если в войнах начала XX века поезда воспринимались прежде всего как средство эвакуации раненых, то в период Второй мировой войны тыловые военно-санитарные поезда функционировали уже

как передвижные госпитали с вполне развитой инфраструктурой.

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ

Интересно проследить то, как формировались адаптационные практики в условиях походной жизни. В императорской армии ставка в реабилитации бойцов делалась на духовную жизнь и потому велика была роль священнослужителей, сопровождавших поезда. Они не только совершали таинства исповеди и причащение умирающих (для верующего человека было страшно умереть без причастия), но и несли духовное утешение бойцам. В военно-санитарных поездах практиковалась раздача духовной литературы, иконок, открыток и подарков к православным праздникам. Но были случаи, когда наряду со снабжением бойцов душевспасительной литературой им в руки попадали и книги другого рода. Один из пациентов поезда времен русско-японской войны вспоминал:

«...супруга управляющего... барыня бедовая: она ходила без формы сестры милосердия и давала раненым читать не Евангелие или другие “приличествующие случаю” духовно-назидательные книги, а Польде-Кока¹⁴, справедливо рассуждая, что раненый не есть обыкновенный больной, что у него особая психика и что ему более необходимо развлечение, чем благочестивое размышление»¹⁵.

Действительно, санитарные составы снабжались и светской литературой, более всего она была востребована в поездах «дальнего следования», где пассажиры испытывали особенный сенсорный голод. Уже в годы русско-японской войны местные организации РОКК собирали книги для раненых бойцов, причем репертуар подбирался отдельно для офицеров и нижних чинов. Например, в 1905 году для поезда, следующего по маршруту Иркутск – Москва, было укомплектовано 4 офицерских и 7 солдатских библиотек [2].

В советское время для поднятия духа выздоравливающих воинов использовались различные формы культурного досуга: им читали газеты, проводили беседы и организовывали музыкальные вечера. Компенсаторная функция музыки в периоды войн достаточно хорошо изучена исследователями [24], [27]. Между тем реконструкция воинского репертуара для камерного исполнения в вагоне поезда, анализ воздействия различных музыкальных жанров на находящихся в экстремальной ситуации людей могли бы дополнить исследование темы новым материалом. В период Великой Отечественной войны в составах неко-

торых поездов были сформированы агитбригады, силами медицинского персонала проводились концерты и мероприятия¹⁶.

Состояние катарсиса для больных с астеническим синдромом давала не только духовная пища. Рекреационную функцию выполняла сама атмосфера поезда, если вагоны были укомплектованы чистыми постельными принадлежностями, печами, чайниками и посудой, – все это создавало ощущение возвращения к мирной жизни, сублимацию домашнего очага. «Праздниками» для воинов и российской, и Красной армии были банные дни. В периоды войн начала XX века эти процедуры проводили специальные подразделения, а в первые годы Великой Отечественной войны было налажено производство «бань на колесах»: появились вагоны-душевые, парные, комнаты отдыха. В результате подобных мероприятий происходило то, что на современном языке называется перезагрузкой организма.

ЛАКУНЫ И РЕСУРСЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Следует отметить, что не все аспекты медико-эвакуационной деятельности исследованы в полной мере. Так, в российской и советской историографии по достоинству оценен вклад железнодорожной службы в дело функционирования медицинской помощи бойцам: «слаженная, организованная, нацеленная на победу над врагом, работа железнодорожников оказала незаменимую помощь фронту» [8: 164]. Это касается периодов всех войн XX века. Однако за гранью исследований остались особенности повседневной жизни железнодорожников, обслуживающих военно-санитарные поезда. Важно то, какой ценой была обеспечена бесперебойная работа транспорта: работникам железных дорог приходилось решать вопросы с пополнением запасов топлива, исправностью составов, сменностью и подготовкой кадров в военное время и многие другие. При этом они испытывали такие же бытовые трудности и психологические нагрузки, как и медицинский персонал поезда. Кроме того, у российских железнодорожников в период Второй мировой войны нередко возникали проблемы с оплатой труда, снабжением продовольствием и промышленными товарами, обеспечением обмундированием и даже военкоматами [4: 15–17].

Наибольшей исследовательской лакуной остается жизненный мир санитарных транспортов. Показательно, что в бытовании вынужденных пассажиров мобильных лазаретов в периоды всех войн первой половины XX века было много

общего. Прежде всего повседневная жизнь отличалась экстремальностью. Одна из характеристик «фронтной повседневности» – нахождение человека в ситуации стресса от возможной опасности, близости смерти. Как отмечают исследователи, «военная повседневность... подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности», однако «имеет свои особенности... определяемые экстремальностью» [22: 244].

Вне сомнения, санпоезда были зонами чрезвычайной нестабильности. Причем маятник, колебавшийся между мирной жизнью и военной, был смещен в сторону последней: санитарные составы, в нарушение международных конвенций, часто попадали под обстрелы, являясь легкой мишенью для врага [4: 14], [5: 14], [9]. Война сама по себе – явление с сильной эмоциональной репрезентативностью, а «жизнь на колесах» усугубляла обстановку психологической напряженности. Раненые бойцы вынуждены были бороться с проявлением и физических, и психических страданий. Следует отметить, что в составах поездов в период Первой мировой войны предписывалось иметь вагон и определенный штат персонала для перевозки душевнобольных бойцов¹⁷. Неслучайно именно на материалах войн «выросло» в конце XX – начале XXI века исследовательское направление «история эмоций». В данном дискурсе при анализе состояния пациентов санитарных поездов могут быть выявлены сущности категорий «страх», «страдание» и «сострадание», «альтруизм» и «психологическое выгорание», порожденное длительным пребыванием человека в «нечеловеческих условиях», – то, что в медицине именуется астеническим синдромом. Поведенческие стереотипы и коммуникативные практики, формирующиеся в замкнутом пространстве в экстремальных условиях, могут быть исследованы в рамках исторической психологии. Между тем проявление психотравматизма военного времени, как и тема «телесности» (контузии, психозы, стремление к суициду инвалидов и пр.), не были предметом исследования историков XX века в силу идеологических шор и отсутствия надлежащего корпуса источников, прежде всего нарратива. Лишь в последние десятилетия введены в научный оборот документы личного происхождения, касающиеся данной темы. Однако и здесь есть своя специфика: чаще всего это воспоминания бывших раненых и медицинского персонала санитарных транспортов, написанные годы спустя. Кроме того, в данном корпусе источников есть и гендерная, и социальная асимметрия: лучше всего представлены его-документы женщин,

в особенности сестер милосердия, менее – врачей и санитарных работников и практически отсутствуют повествовательные источники, созданные работниками железных дорог. Это определялось, во-первых, гендерной идентичностью авторов мемуаров, так как, по мнению представителей исторической феминологии, «женщина сильнее ощущала... в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузку войны»¹⁸. Во-вторых, в первой половине XX столетия была традиция ведения дневников и переписки. Причем девушки начала XX века не боялись «изливать свои чувства» (иногда с чрезмерной, на взгляд читателя XXI века, экзальтацией), но именно такие источники и важны для выявления психологической составляющей пространства поезда. В женских записках присутствует целый спектр эмоций, позволяющих выявить мотивацию их служения в передвижных госпиталях: одних девушек влекла «кипучая поездная жизнь с массой впечатлений и огромным разнообразием» [10: 40], других – чувство патриотизма, третьих – денежное довольствие. Поэтому поведенческие практики служения медицинских работников в санитарном поезде были очень разнообразны. Однако в большинстве своем девушки самоотверженно трудились: «лечили, и дежурили, и ухаживали, и грузили, и носили, и стирали, и варили, и кормили, и охраняли»¹⁹. Кроме того, что «сестры сталкивались с бытовой неустроенностью», молодые женщины зачастую встречались с «проблемами во взаимоотношениях с персоналом и военными» [10: 45]. Наиболее полное и острое исследование темы поведенческих девиаций представлено американским историком и антропологом Лори Стофф [30]. По мнению российских ученых, книга Л. Стофф

«бросает вызов... мифам военной истории... которые своим умолчанием... скрывали от аналитиков реальный вклад медсестер... в российские военно-медицинские достижения» [15: 245].

Следует отметить, что в качестве источников Лори Стофф использует тексты, созданные сестрами милосердия военно-санитарных поездов (Александры Толстой, Татьяны Варнек и др.). Сравнивая деятельность медицинских сестер в разных странах, зарубежные авторы (Лори Стофф, Кристина Халлет) отмечают, что для россиянок помощь раненым была не просто работой, но служением [29], [30].

Обращение к истории деятельности военно-санитарных поездов позволяет проследить эволюцию санитарной службы на протяжении полувека. Интересно, что если в начале XX века

«санитарная прислуга» («санитарные служители») набиралась из малограмотных «простолудинов», то в годы Первой мировой войны в рядах санитаров было немало представителей творческой интеллигенции. Мемуары, эпистолярное и творческое наследие самых известных из них – А. Вертинского, К. Паустовского, С. Есенина являются прекрасным источником для воссоздания атмосферы жизни санитарного транспорта [14: 39–42]. Показательно, что в период Гражданской войны в русле начавшейся трансформации гендерных ролей в штате военных поездов появились женщины-санитары, они практически заменили мужчин на этой тяжелой работе в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, штат военно-санитарного поезда – это живой организм с особой иерархией и сложностями социальных, гендерных, культурных установок персонала. Помочь выявить специфику данных взаимосвязей призваны военно-историческая антропология, историческая психология, гендерные исследования. Например, гендерная лингвистика «позволяет проследить особенности речевого поведения мужчин и женщин» в процессе их взаимоотношений [19: 24]. Источниками для подобных исследований могут служить «автобиографии» врачей и медицинских сестер: именно в них представлен наиболее широкий арсенал вербальных презентаций самоощущений авторов. Чтобы выявить степень интенсивности работы в военно-санитарных поездах, следует сравнить мемуары сестер милосердия санитарных транспортов и тыловых госпиталей²⁰. Показательно, что в период войн начала XX века врачи, медицинские сестры и санитары жили на разных «социокультурных этажах» и не всегда «понимали» друг друга, а в период войн середины XX века все они говорили уже «на одном языке».

Еще одно направление исследований – имагология через призму «свой» vs «чужой» рассматривает особенности гендерных, социальных и межнациональных коммуникаций. Женевская конвенция 1864 года предписывала оказывать медицинскую помощь раненым вне зависимости от принадлежности к воюющей стороне, и именно в поезде зачастую происходила первая встреча с противником вне поля боя. Эта вынужденная коммуникация порождала различные ситуации: от открытого конфликта до возникновения дружеских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, материалы повседневной жизни военно-санитарных поездов в России в период

войн первой половины XX века имеют огромный исследовательский потенциал для реконструкции российского военного прошлого в дискурсе антропологии экстремальности.

Антропология фронтовой экстремальности – междисциплинарное поле гуманитарных исследований, однако материалом для них служат конкретные исторические реалии, в данном случае связанные с проблемой эвакуации с театра военных действий раненых и больных воинов. В первой половине XX века основным транспортным средством медико-санитарной эвакуации был военно-санитарный поезд. За первую половину прошлого века отечественная железнодорожная военно-эвакуационная служба претерпела значительные изменения: менялась нормативная база формирования составов, улучшалась их техническая оснащенность, совершенствовалась инфраструктура службы медицинской эвакуации. Между тем в обыденной жизни военно-санитарных поездов в период всех войн первой половины XX существовало немало проблем, как бытовых, так и психологического характера. Феномен военно-санитарного поезда – яркий пример конвенциональной культуры, так как жизнь его «штатных единиц» была строго регламентирована законами военного времени и сложной системой иерархий – военной и медицинской, а в период Российской империи – еще и социальной. Мир санитарного транспорта в военное время – явление многоаспектное, и изучение повседневной жизни персонала поезда возможно лишь объединенными усилиями ученых, занимающихся историей медицины, и представителей гуманитарного знания: историков, социологов, психологов, этнологов, культурологов, антропологов.

Для воссоздания атмосферы жизни поезда в режиме «труд – быт – отдых» необходимо применение как традиционных, так и новых исследовательских трендов. В русле историко-антропологических подходов, исторической психологии и истории эмоций могут быть исследованы особенности походной жизни в замкнутом пространстве поезда, формирование адаптационных практик и стратегии выживания в ситуации экстремального состояния. Имагология и гендерная экспертиза способны выявить специфику межнациональных и гендерных коммуникативных практик. Вне сомнения, междисциплинарные исследования наиболее эффективны для комплексного анализа экстремальной военной повседневности.

Следует отметить, что мир военно-санитарного поезда является отражением общих ментальных установок человека в период военных конфликтов.

За первую половину XX века в России менялись политические режимы, шла модернизация общества, однако в годы военных испытаний россияне неизменно демонстрировали проявление высоты человеческого духа. Служба персонала военно-

санитарных поездов – это многочисленные примеры мужества, самоотверженности, патриотизма. Исследование данной темы важно для формирования коммеморативных практик и увековечивания памяти о войнах России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анализ архивных источников по данной теме не входит в задачи статьи, тем не менее хотелось бы обратить внимание исследователей на то, что огромный комплекс документов (по большей части не введенных в научный оборот) по истории военно-санитарных поездов находится в государственных архивохранилищах страны. Материалы периода Российской империи – в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ); документы советского периода (иногда дела по военно-санитарным поездкам датируются с 1914 года) – в Российском государственном военном архиве (РГВА), Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, его филиалах и архивных отделах, в Военно-медицинском музее Министерства обороны РФ и других музеях страны.
- ² Эвакуация больных и раненых с театра военных действий // Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917: Сб. документов. Куйбышев: Куйб. воен.-мед. акад. Кр. Армии, 1942. С. 149–290.
- ³ Варнек Т. А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dk1868.ru/history/varnek/varnek1.htm (дата обращения 13.10.2022); Игельстром А. Воспоминания о Первой мировой войне Ольги Григорьевны Федюкиной-Имберх // Проза.Ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2017/08/26/1230> (дата обращения 12.01.2022); Толстая А. Л. Дневники. 1903–1920. М.: Кучково поле, 2015. 336 с.
- ⁴ Военно-санитарный поезд / Сост. Лилия Сенченко. Вологда, 2016. 46 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kp.ru/best/vologda/voenno-sanitarnyi_poezd_%E2%84%96312/ (дата обращения 11.10.2022).
- ⁵ Вересаев В. В. Записки врача. На японской войне. М.: Правда, 1986. 560 с.; Панова В. Ф. Спутники. Пермь: Кн. изд-во, 1985. 208 с.
- ⁶ Санитарный поезд. Подборки фото [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drikus.club/164-sanitarnyj-poezd.html> (дата обращения 22.11.2021); Составы жизни. Санитарные поезда НКПС // Военное обозрение. 2018. 12 октября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/148735-sostavy-zhizni-sanitarnye-poezda-nkps.html> (дата обращения 22.11.2021).
- ⁷ Гаршин В. М. Очень коротенький роман // Литмир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=55996&p=1> (дата обращения 15.09.2022).
- ⁸ Шперк Ф. Ф. Санитарный поезд № 1 имени Государыни Императрицы и его 16-месячная деятельность во время войны 1877–1878 гг. СПб.: Типо-Литография А. Э. Винеке, 1896. 144 с.
- ⁹ Илинский П. А. Русская женщина в войну 1877–1878. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшер и женщин-врачей. СПб.: Типо-Литография Л. И. Шмидта, 1879. С. 58.
- ¹⁰ Склифосовский Н. В. Тарантасный станок в вагоне для перевозки раненых // Избранные труды / Вводная статья и примечания проф. В. В. Кочанова. М.: Медгиз, 1953. С. 370–373.
- ¹¹ На сопках Маньчжурии // Информационно-тематический портал «Обозник». 8 марта 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=32296> (дата обращения 15.09.2022).
- ¹² Иванов И. Е. Впечатление раненого в русско-японскую войну. Подготовка текста: Александров А. В. // XX век и Россия: общество, реформы, революция. 2019. № 7. С. 189.
- ¹³ Там же. С. 222.
- ¹⁴ Поль де Кок – французский романист и драматург XIX века, герои произведений которого отличаются фривольным поведением.
- ¹⁵ Иванов И. Е. Впечатление раненого в русско-японскую войну... С. 191.
- ¹⁶ Военно-санитарный поезд / Сост. Лилия Сенченко...
- ¹⁷ Инструкция санитарной части Северо-Западного фронта о сортировке и эвакуации больных и раненых // Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917: Сб. документов. Куйбышев: Куйб. воен.-мед. акад. Кр. Армии, 1942. С. 166–167.
- ¹⁸ Алексиевич С. У войны не женское лицо... М.: Сов. писатель, 1988. С. 10–11.
- ¹⁹ Воспоминания участника ВОВ медсестры Рогановой М. Записал В. Н. Роганов-Крымский // Проза.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proza.ru/2014/04/23/2388> (дата обращения 11.11.2022).
- ²⁰ Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014. 238 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bakunina-fond.ru/wp-content/uploads/2014/11/Zapiski_Sestri_web.pdf (дата обращения 22.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аранович А. Эвакуировать во что бы то ни стало // Родина. 2004. № 9. С. 27–31.
2. Баубекова С. А. Из истории общества Красного креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам фонда редкой и ценной книги Научной библиотеки ДВФУ) // «Власть книги: библиотека, издательство, вуз». 2017. Вып. 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/articles-almanac-17-2017/29_Baubekova.pdf (дата обращения 22.10.2022).

3. Будко А. А., Журавлёв Д. А., Грибовская Г. А. Первое использование российской армией военно-санитарных поездов на театре военных действий (по опыту Русско-турецкой войны 1877–1878 годов) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. 17–19 мая 2017. Ч. 4. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 366–370.
4. Буряк Ю. Ю. Военно-санитарные поезда СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 11–19. DOI: 10.17223/19988613/71/2
5. Гладких П. Ф. Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914–1917 годы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 2. С. 5–24. DOI: 10.25016/2541-7487-2017-0-2-5-24
6. Гладких П. Ф. Российская военная медицина в первые годы советской власти // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 3. С. 5–17. DOI: 10.25016/2541-7487-2017-0-3-05-17
7. Журавлев В. К., Кулеев П. В., Фомин С. А. История развития военно-санитарных поездов в России // Юбилейная научно-практическая конференция – 2021: Сб. материалов Всеармейской науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения генерал-майора медицинской службы О. С. Лобастова. СПб.: Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, 2021. С. 155–160.
8. Зеленская Ю. Н. Культурно-массовая работа на Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 164–165.
9. Карпенко И. В. Бомбардировка санитарных поездов русской армии немецкими и австрийскими самолетами в годы Первой мировой войны // Военно-медицинский журнал. 2018. Т. 339, № 2. С. 87–90 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.eco-vector.com/0026-9050/article/view/72971> (дата обращения 12.10.2022).
10. Климочкина А. Ю. Повседневность сестер милосердия в годы русско-японской войны // Государство, общество, личность: история и современность: Сб. ст. Международной научно-практической конференции, ноябрь 2016 года. Пенза: РИО ПГСХА, 2016. С. 38–45.
11. Ларионов А. Э. Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны как объект научной коммеморации в российской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 37–45. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-37-45
12. Ларионов А. Э. Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 295 с.
13. Лебедев В. Д. «Проведение мероприятий дали хорошие результаты...»: отчет принца А. П. Ольденбургского императору Николаю II (1915 г.) // Исторический вестник. 2015. Т. 14, № 161. С. 228–275.
14. Меараго Ш. Л. Русские знаменитости в санитарных поездах // Новейшие достижения и успехи развития медицины и фармакологии: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Вып. 1. Краснодар, 2016. С. 38–44.
15. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. «Не только перевязка мужских ран»: историко-антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой мировой войны // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 244–252. DOI: 10.17223/2312461X/20/13
16. Нечаева Е. О. Образ медицинской сестры в советском и постсоветском кинематографе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 3. С. 104–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111
17. Никогосян Н. Р., Брагиров Г. Б. Транспортировка раненых красноармейцев в годы Великой Отечественной войны: способы и виды // Альманах молодой науки. 2021. № 1 (40). С. 29–30.
18. Никулина П., Ивашенко В. А. Роль железнодорожного санитарного транспорта в годы Великой Отечественной войны // Инновационное развитие современной юридической науки: Материалы II ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора А. П. Лончакова. Хабаровск: ТГУ, 2018. С. 117–121.
19. Поршнева О. С. Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 2. С. 21–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31
20. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология: проблемы становления новой отрасли человеческого знания // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 3 (40). С. 7–14.
21. Сенявская Е. С. От военной истории к военной антропологии: проблемное поле и междисциплинарные подходы в изучении «человека на войне» // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: Материалы науч. конф. (г. Москва, 20 марта 2020 г.). СПб.: Алетейя, 2021. С. 11–23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/50a/sum72706.pdf>. (дата обращения 14.10.2022).
22. Сенявская Е. С. Фронтальная повседневность в войнах России как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021) // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 243–257.
23. Сенявская Е. С. Фронтальной быт Великой Отечественной войны: структура и особенности // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25
24. Трегулова Н. П. Роль музыки периода Великой Отечественной войны в духовной жизни России // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 78-1. С. 142–144. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-39
25. Чиж И. М., Карпенко И. В. Военная медицина в русской армии в годы Первой мировой войны // История медицины 2017. Т. 4, № 2. С. 216–224. DOI: 10.17720/2409-5583.t4.2.2017.08h

26. Чиж И. М., Сергеева М. С., Шматова М. Б., Токарь А. А. Санитарные поезда как средство эвакуации раненых в военных компаниях Российской империи 1877–1917 гг. // *Былые годы*. 2021. № 16 (2). С. 829–839. DOI: 10.13187/bg.2021.2.829
27. Чупраков К. С. Военная музыка как фактор формирования духовного мира военнослужащего Российской армии // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 2. С. 345–350. DOI: 10.34823/SGZ.2020.2.51358
28. Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны: новые подходы в современной отечественной этнологии / антропологии // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития: Материалы Всероссийской науч. конф. с междунар. участием*. Барнаул: АГПУ, 2020. С. 192–199.
29. Hallett C. Russian romances: Emotionalism and spirituality in the writings of “Eastern Front” nurses, 1914–1918 // *Nursing History Review*. 2009. Vol. 17. P. 101–128. DOI: 10.1891/1062-8061.17.101
30. Stoff L. S. *Russia's sisters of mercy and the Great War: more than binding men's wounds*. Kansas: University press of Kansas, Cop. 2015. 375 p.

Поступила в редакцию 05.12.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Olga V. Churakova, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
ochurakova@yandex.ru

DAILY LIFE OF MILITARY HOSPITAL TRAINS: RESEARCH POTENTIAL OF THE ANTHROPOLOGY OF FRONTLINE EXTREMITY

Abstract. The article deals with the understudied aspects of frontline everyday life: the casual life of military hospital trains during the wars of the first half of the twentieth century. During the functioning of the railway military evacuation service, its structure and management system was changing, the capacity for transporting wounded soldiers increased and the infrastructure improved. Meanwhile, most of the problems of the daily life of the military hospital trains remained the same. The purpose of this work is to reveal the research potential of the anthropology of extreme situations of war using materials related to the daily life of military hospital trains in Russia in the first half of the twentieth century. A wide range of methodological approaches, from social history to emotionology, can be used for the analysis of “small life-worlds”, an example of which was the intentionally constructed space of an ambulance train. Strategies for survival in the marginal circumstances of a mobile rescue vehicle and the extreme nature of being between the theater of operations and the rear – between life and death – can be explored in line with historical and anthropological approaches. In addition to archival materials, personal documents were used as the research sources. The corpus of the ego-documents of mid-level medical workers (sisters of mercy) is the most complete, with the ego-documents of sanitary workers and doctors less available and the narrative sources created by the railway employees practically absent. The interpretation of visual sources (photographs and newsreels) and the representations of an ambulance train image in artistic culture can also be challenging. The study resulted in identifying gaps for further research and finding resources for applying new research trends. Historical psychology allows us to consider the formation of adaptation practices in the field conditions of the war time and reveal the compensatory functions of cultural events in the limited space of an ambulance train. Imagology and gender studies can be effectively used to analyze interethnic and gender communication practices. Interdisciplinary research proves to be the most effective means for dealing with this topic and opens the possibility for the preparation of monographs.

Key words: military hospital trains, medical service, evacuation of the wounded, everyday life history, anthropology of extremity, adaptation practices

For citation: Churakova, O. V. Daily life of military hospital trains: research potential of the anthropology of frontline extremity. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):83–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.856

REFERENCES

1. Aranovich, A. Evacuate no matter what. *Rodina*. 2004;9:27–31. (In Russ.)
2. Baubekova, S. A. From the history of the Red Cross Society during the Russo-Japanese War of 1904–1905 (based on the materials of the collection of rare and valuable publications of the Far Eastern Federal University's Scientific Library). *Power of books: library, publishing house, university*. 2017. Issue 17. Available at: www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/-articles-almanac-17-2017/29_Baubekova.pdf (accessed 22.10.2022). (In Russ.)
3. Budko, A. A., Zhuravlev, D. A., Gribovskaya, G. A. The first use of military hospital trains by the Russian army in the theater of operations (according to the experience of the Russo-Turkish war of 1877–1878) *Proceedings of the VIII international research and practice conference “War and weapons. New research and materials”*. St. Petersburg, 2017. P. 366–370. (In Russ.)
4. Buryak, Yu. Yu. Military hospital trains of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. *Tomsk State University Journal of History*. 2021;71:11–19. DOI: 10.17223/19988613/71/2 (In Russ.)
5. Gladkikh, P. F. Military medicine of imperial Russia during World War I (1914–1917). *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2017;2:5–24. DOI: 10.25016/2541-7487-2017-0-2-5-24 (In Russ.)

6. Gladkikh, P. F. Medical service of the Russian army in the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2017;3:5–17. DOI: 10.25016/2541-7487-2016-0-3-5-17 (In Russ.)
7. Zhuravlev, V. K., Kuleev, P. V., Fomin, S. A. The history of the development of military hospital trains in Russia. *Proceedings of the all-army research and practice conference dedicated to the 100th birth anniversary of Major General of the Medical Service O. S. Lobastov*. St. Petersburg, 2021. P. 150–160. (In Russ.)
8. Zelenskaya, Yu. N. Cultural work on the Kirov Railway during the Great Patriotic War. *Proceedings of the IV international research conference “Donetsk readings 2019: education, science, innovations, culture and modern challenges”*. Donetsk, 2019. P. 164–165. (In Russ.)
9. Karpenko, I. V. Bombardment of sanitary trains of the Russian army by German and Austrian aircraft during the First World War. *Russian Military Medical Journal*. 2018;339(2):87–90. (In Russ.)
10. Klimochkina, A. Yu. Everyday life of the sisters of mercy during the Russo-Japanese War. *Proceedings of the international research and practice conference “State, society, personality: history and modernity”*. Penza, 2016. P. 38–45. (In Russ.)
11. Larionov, A. E. Frontline everyday life of the Great Patriotic War as an object of scientific commemoration in the latest Russian historiography. *Bulletin of Moscow State Region University. Series: History and Political Sciences*. 2022;1:37–45. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-37-45 (In Russ.)
12. Larionov, A. E. Frontline everyday life of the Great Patriotic War: social communications and spiritual life of the Red Army in 1941–1945. Moscow, 2015. 295 p. (In Russ.)
13. Lebedev, V. D. “Performing the events have yielded good results...”: Report of Prince A. P. Oldenburgsky to Emperor Nicholas II (1915). *The Historical Reporter*. 2015;14(161):228–275. (In Russ.)
14. Mearago, Sh. L. Russian celebrities in hospital trains. *Proceedings of the international research and practice conference “Latest achievements in the development of medicine and pharmacology”*. Issue 1. Krasnodar, 2016. P. 38–44. (In Russ.)
15. Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. “More than binding men’s wounds...”: a historical and anthropological study of nursing care during World War I. *Siberian Historical Research*. 2018;2:244–252. DOI: 10.17223/2312461X/20/13 (In Russ.)
16. Nechaeva, E. O. The image of a nurse in Soviet and post-Soviet cinema. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2022;3:104–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111 (In Russ.)
17. Nikogosyan, N. R., Bragirov, G. B. Transportation of wounded Red Army soldiers during the Great Patriotic War: methods and types. *Almanac of Young Science*. 2021;1(40):29–30. (In Russ.)
18. Nikulina, P., Ivashchenko, V. A. The role of military hospital trains during the Great Patriotic War. *Proceedings of the II annual scientific readings in memory of Professor A. P. Lonchakov “Innovative development of modern legal science”*. Khabarovsk, 2018. P. 117–121. (In Russ.)
19. Porshneva, O. S. Gender factor of political mobilization in Russia during the First World War. Methodology and historiography. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2022;2:21–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31 (In Russ.)
20. Senyavskaya, E. S. Military and historical anthropology: issues of development of a new branch of human knowledge. *Bulletin of Russian Humanitarian Scientific Foundation*. 2005;3(40):7–14. (In Russ.)
21. Senyavskaya, E. S. From military history to military anthropology: problem field and interdisciplinary approaches to the study of a “man at war”. *Proceedings of the research conference “The human dimension of war: ideology, psychology, everyday life, historical memory”*. St. Petersburg, 2021. P. 11–23. Available at: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/50a/sum72706.pdf> (accessed 14.10.2022). (In Russ.)
22. Senyavskaya, E. S. Frontline everyday life in the wars of Russia as an object of study: a historiographical summary of three decades (1991–2021). *Commentarii de Historia*. 2021;20(138):243–257. (In Russ.)
23. Senyavskaya, E. S. Frontline life of the Great Patriotic War: structure and specifics. *Herald of Anthropology*. 2021;2:7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25 (In Russ.)
24. Tregulova, N. P. The role of music during the Great Patriotic War in the spiritual life of Russia. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2021;78(1):142–144. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-39 (In Russ.)
25. Chizh, I. M., Karpenko, I. V. Military medicine in the Russian army during World War I. *History of Medicine*. 2017;4(2):216–224. DOI: 10.17720/2409-5583.t4.2.2017.08h (In Russ.)
26. Chizh, I. M., Sergeeva, M. S., Shmatova, M. B., Tokar’, A. A. Sanitary trains as the main means of evacuating the wounded in the military campaigns of the Russian Empire in 1877–1917. *Bylye Gody*. 2021;16(2):829–839. DOI: 10.13187/bg.2021.2.829 (In Russ.)
27. Chuprakov, K. S. Military music as a factor in the formation of the spiritual world of a serviceman of the Russian army. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2020;2:345–350. DOI: 10.34823/SGZ.2020.2.51358 (In Russ.)
28. Shcheglova, T. K. Culture of life support of the Russian rural population in the years of the Great Patriotic War: new approaches of modern Russian ethnology / anthropology. *Proceedings of the all-Russian research conference with international participation “Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development”*. Barnaul, 2020. P. 192–199. (In Russ.)
29. Hallett, C. Russian romances: Emotionalism and spirituality in the writings of “Eastern Front” nurses, 1914–1918. *Nursing History Review*. 2009;17:101–128. DOI: 10.1891/1062-8061.17.101
30. Stoff, L. S. Russia’s sisters of mercy and the Great War. More than binding men’s wounds. Kansas, 2015. 375 p.

Received: 5 December, 2022; accepted: 26 December, 2022

АРТУР АЛЕКСЕЕВИЧ КЫРЖИНАКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Института истории и права
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Ката-
нова
(Абакан, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4022-1863; Kyrzhinakov@mail.ru

ОХОТНИЧЬЕ СНАРЯЖЕНИЕ ХАКАСОВ В XIX–XX ВЕКАХ

А н н о т а ц и я . Представлена комплексная характеристика охотничьего снаряжения хакасов в XIX–XX веках. Актуальность темы определяется ее недостаточной изученностью. Новизна состоит в том, что впервые дано комплексное этнографическое описание и проведен сравнительно-исторический анализ промыслового снаряжения хакасских охотников в аспекте трансформации в XX веке. Введены ранее не использованные полевые материалы автора, музейные и архивные данные. Методология основана на принципе комплексного подхода. Использован описательный, сравнительно-исторический методы исследования. Практическая значимость работы заключается в использовании результатов исследования при реконструкции базовых параметров культуры Южно-Сибирского комплекса. Охотничье снаряжение, состоявшее из специального промыслового костюма, средств передвижения, орудий охоты, полностью отвечало практическим потребностям хакасских охотников для успешного ведения промысла. В течение XX века происходит его трансформация, вышли из охотничьей практики ряд орудий охоты, сеть-обмет, ловушки давящего типа, лук и стрелы, кремневые и капсюльные ружья. В меньшей степени изменения коснулись средств передвижения, перестали использоваться ручные охотничьи нарты. В рассматриваемое время лыжи-подволоки и верховая лошадь являлись универсальными транспортными средствами хакасских промысловиков. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** охотничье снаряжение, хакасы, орудия охоты, лук со стрелами, самострел, лыжи-подволоки, ручные нарты

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кыржинаков А. А. Охотничье снаряжение хакасов в XIX–XX веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 93–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.857

ВЕДЕНИЕ

Традиционная охота у таежных хакасов занимала значительное место в системе их жизнедеятельности. Она являлась источником питания, обеспечивала пушниной, шкурами диких зверей. Первые краткие сведения об охотничьем снаряжении хакасского народа имеются в работе ученого-путешественника Г. Ф. Миллера. Он дал краткое описание лука и видов стрел [5: 321]. В XIX веке орудия активной и пассивной форм охоты хакасов были рассмотрены в трудах Г. И. Спасского¹, С. Щукина², А. П. Степанова [9]. Е. К. Яковлева³, П. Е. Островских⁴, А. А. Ярилова⁵. В начале XX века А. Ф. Тугаринов описал некоторые орудия пассивной охоты на соболя⁶. В середине XX века этнографические сведения об орудиях пушного направления охоты встречаются в работах Л. П. Потапова [7: 204], [8: 184–185]. Сведения о луке со стрелами, самостреле, охотничьих лыжах имеются в научном труде К. М. Патачакова [6: 26–27]. Этнографические сведения о промысловом костюме, луке и стрелах

представлены в научных исследованиях ученого-этнографа, профессора В. Я. Бутанаева [1: 28–30], [2: 35–37, 67–68], [3: 17–21]. В 2016 году вышла статья А. А. Кыржинакова «Традиционные средства передвижения и способы транспортировки добычи у хакасских таежников: традиции и новации». В ней описываются и анализируются средства передвижения, способы доставки провизии охотников и собирателей [4].

Таким образом, традиционное снаряжение хакасских охотников в историко-этнографической области раскрыто не в полной мере, многие стороны вопроса остались за пределами внимания исследователей.

ОХОТНИЧИЙ КОСТЮМ, ПРЕДМЕТЫ БЫТА

Промысловая одежда хакасов состояла из специальной охотничьей куртки, штанов, обуви, шапки и рукавиц. Основным материалом для ее пошива служил войлок *киис*. В качестве материала для шитья также использовали кожу и конопляный холст.

Охотничья войлочная куртка *киис тон* была прямого покроя без воротника. Войлок покрывался хлопчатобумажной тканью и пристегивался. Поверх охотничьей куртки надевался плащ-дождевик *сабыр*. Его шили из конопляного холста, со швом на плечах, без подклада. У ворота дождевик застегивался на одну деревянную пуговицу и подпоясывался кушаком⁷. Плечи и шею закрывала пелерина *чапанчы*, сшитая из холста или камусов косуль. Она предохраняла от попадания снега за ворот [4: 83]. Охотники носили холщовые брюки *чанмар* и кожаные штаны *хырна ыстан*⁸.

Охотничьи шапки были конусообразной формы из войлока *киис порік*. Они изготавливались из овечьей или коровьей шерсти. Легкие шапочки *киптезек* / *чатпайах* по форме были схожи с беретом. Вязали их из белой козьей шерсти, шили из конопляной нити [1: 92]. Зимой охотники также использовали головной убор, сшитый из выделанной овчины. В зимнее время носили пимы *пысхах одік*. Их шили из камуса косуль, марала и лосей. На одну пару уходило 20 козлиных или шесть камусов коня, марала и лося. Шили пимы шерстью наружу. Голенище делали целиком вместе с передом, подошву – из сыромятной кожи без каблуков⁹. В конце XIX века появилась валяная обувь – катанки, которые постепенно вытесняли охотничьи пимы. В XX веке эту обувь носили лишь в редких случаях. Так, у охотника И. А. Боргоякова традиционная обувь сохранилась в конце XX века¹⁰.

В другие сезоны носили кожаную обувь *хара одік*. Она шилась из продыmlенной сыромятной кожи крупного скота без каблуков. В качестве стельки использовали войлок. Хакасы вместо портянок пользовались травой осокой *озан* / *озах от*, которая «сохраняет тепло ног, предохраняет от сырости и потения»¹¹. Ее заготавливали летом и сушили. Рукавицы *мелей* шили из кошмы *киис* или выделанной овчины *хой теерезі*.

На промысел брали предметы первой необходимости: нож *пычах* в ножнах *хын*, кружку, чашку *айах*, ложку *сомнах*, котелок *алгайах*, топор *палты* / *малты*. Во время ночлега использовали одеяло-спальник *чоорган*. Его шили из выделанной овчины длиной около двух метров, шириной около метра.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Хакасы в основном были пешеконными охотниками. Зимой по глубокому снегу они передвигались на охотничьих лыжах *сана*, охотничью провизию доставляли на ручных нартах *санах*. Лыжи, подшитые камусом *сана*, очень удобны, при подъеме на гору не скользят, а на спуске раз-

вивают большую скорость, при этом некоторые охотники настигали бегущих по глубокому снегу марала и лося. Охотничьи лыжи изготавливали из таких пород дерева, как ель *тіген*, осина *ус*, черемуха *нымырт*, верба *тал*. Крепления делали ременные, из кожи. Лыжи подшивали камусом лошади, марала или лося. На одну пару охотничьих лыж использовали камус двух копытных. Весной по насту выходили на охоту на лыжах-голицах *халбырах*, их конструкция не отличалась от лыж-подволоков, но скользящая поверхность была без камуса.



Рис. 1. Лыжи-подволоки. XX век. Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова (ХНКМ) КП. 5723/22. Фото автора

Figure 1. Skin-lined skis. XX century. Khakass National Museum of Local Lore named after L. R. Kyzlasov (KhNKM) KP. 5723/22. Photo by the author

В зимнее время вспомогательным средством при ходьбе на лыжах была деревянная палка *тайах* / *курчек*. Длина достигала 1,5 м, конец ее представлял форму лопаты – шириной около 15 см, длиной 20 см. Во время спуска с горы охотник с помощью этой лопаты тормозил и делал поворот. Она служила для раскапывания снега при устройстве охотничьего балагана или при установке ловушек, капканов на тропах зверей. В некоторых случаях с ее помощью продавливали тонкий лед, чтобы набрать воду. Иногда добывали раненого зверя [4: 131].

Зимой звероловы для перевозки провизии и добычи использовали ручные нарты *санах*. Длина охотничьей нарты составляла 2,5 м, ширина – 56 см. Нарта состояла из двух полозьев *табаны* длиной 2,5 м, шириной 5 см, толщиной в тонкой части – 1 см, толстой – 3,5 см. Для прочности ее делали из березы или лиственницы. Тянули нарты за веревку *чук паг*, которая перекидывалась вроде лямки, ее ширина 10–14 см, длина 3 м. С левой стороны к нарте приделывали оглобли *углаба* длиной около 3 м, диаметром 3–4 см также из березы или лиственницы.



Рис. 2. Лыжная палка. XX век. ХНKM. КП. 5723/23.

Фото автора

Figure 2. A ski pole. XX century. KhNKM. KP. 5723/23.

Photo by the author

Оглобли служили вспомогательным средством при спуске на поворотах. Иногда, если охотники тащили на нарте тяжелый груз, сзади один из них толкал ее деревянной палкой, конец которой имел рогулькообразную форму. На нартах один зверолов мог увезти до 120 кг груза [4: 131].

В XIX–XX веках в качестве наземного транспорта до выпадения глубокого снега использовались лошади. На них доставляли припасы на места промысла, а также увозили добычу. Охотничью провизию клали в кожаные сумы *арчымах*, сшитые из сыромятной кожи крупного рогатого скота. Во второй половине XX века постепенно в качестве транспорта охотники стали использовать современный колесный транспорт (автомобиль, трактор).

ОРУДИЯ АКТИВНОЙ ФОРМЫ ОХОТЫ

Традиционным стрелковым оружием охоты хакасов служил лук со стрелами *соганныг охча*. У охотников луки были двух типов: сложный и простой. Сложносоставные луки делались с костяными накладками из рогов горного козла *теке*. Поражающая дистанция достигала 200–300 шагов. Футляр для лука *садах*, имевший форму полумесяца, носили за спиной. Верхний чехол для лука *чазаа* делали из барсучьей шкуры и надевали на садах. Он предохранял лук от сырости [3: 17].

Простым луком охотились на мелких пушных зверей, его изготавливали из лиственницы длиной более метра. Он применялся для добычи бурундуков еще в первой половине XX века. Для добычи зверей и птиц у хакасов существовали специальные наконечники стрел. На пушных мелких зверей охотились с помощью стрел с тупым наконечником, сделанным из овечьей или козлиной фаланги, а также с де-

ревянным утолщенным наконечником. Косуль добывали стрелами с железным наконечником долотообразной формы *киик ох*. Бобров стреляли стрелами с железным наконечником *хундус атчан ох*. Стрелу с железным наконечником в форме трезубца *ах чаглых* использовали для охоты на уток. На крупных зверей и птиц охотились стрелой с длинным и узким костяным наконечником *сыгда*. Во время промысла также практиковались стрела с узким и длинным острым железным наконечником *чибе*, стрела с широким железным наконечником ромбической формы *чаглых*, стрела-свистунка *сыргы* с железным наконечником ромбической формы, под которым находился костяной шарик *сыстаа* с двумя отверстиями [3: 17–18], вследствие чего при полете она издавала свист. Бегущие звери, услышав свист, останавливались, и в этот момент стрела поражала их [2: 21]. Стрелы для охоты на мелких пушных зверей хранятся в фонде Хакасского краеведческого музея¹².

Хакасы охотились сложным луком вплоть до конца XIX века, затем он постепенно был вытеснен огнестрельным оружием. В XIX веке охотились кремневыми ружьями *оттыхтыг мылтых* с сошниками *чахы*. Сошники представляли собой двойную палку длиной 135–140 см. Стреляли с колена, при этом палочки раздвигались, на верхней части образовывались рогульки. У охотников для ружей имелись специальные чехлы *танчор*, сшитые из барсучьей шкуры¹³. Во второй половине XIX века появились пистонные ружья. Ружейные боеприпасы *ох-тар* находились в специальном кожаном ремне *харланчых / нетуруске*, который надевали через правое плечо наискосок. К нему крепились боеприпасы: порох в пороховнице *тар урчан*, пули в кожаном мешочке *чагыс ух урчан*, огниво *отых*, дробь в кожаном мешочке *дроб урчан*, пистоны в роговице *пистон урчан*, мерка для пороха *црелдей / син*. Пороховницу делали из рогов крупного скота. Рожки с обеих сторон обрезались. В широком конце вставляли наглухо деревянное дно, сделанное из березы, которое не открывалось. Узкий конец рожка плотно затыкался деревянной пробкой, при необходимости ее открывали и высыпали порох. Таким же образом делали рожок для пистонов, но размером меньше. Мерку для пороха также изготавливали из рогов. Мешочки для пуль и дроби шились из прочной кожи¹⁴. Охотничий пояс хранится в фонде Хакасского краеведческого музея¹⁵.

В XX веке среди охотников были распространены дробовики и винтовки. У хакасов существовали специальные средства для технического обслуживания ружей. В первой половине XX

века для чистки и смазки ружья использовали костный мозг *чїлін* из голенной кости косули. Эту кость разогревали на костре и раскалывали. Затем, взяв костный мозг, оттаивали и смазывали конец шомпола *сомчыр / сомбыр*, обмотанный конопляным лоскутом, и чистили ружье. Во второй половине XX века стали применять оружейные масла и специальные наборы¹⁶.

Наряду с ружьем в активной охоте пользовались колющим орудием *погде / чыда* (нож, привязанный на конец длинной палки в виде копья). Это орудие использовалось при гоньбе по насту маралов, лосей и косуль. В некоторых случаях копытных ловили арканами *аргамчы* или укрюком *урух*. Хакасы свивали арканы из конских волос длиной около 10 м, диаметром около 2,5 см. Укрюк состоял из длинного шеста (около 3–4 м) с петлей из конского волоса на конце¹⁷.

Во время охоты на копытных важную роль играли манки. Наиболее распространенный манок – *пыргы*. Им хакасы пользовались во время гона маралов. С его помощью, подражая голосу самца, животных подманивали до ружейного выстрела. Он представлял собой трубу конусообразной формы. Изготавливали его из двух равных половинок дерева, чаще всего из кедра или ели, которые выстругивали в форме трубы, затем раскалывали, выдалбливали и обматывали кожей, корой тальника или берестой. В некоторых случаях на эти две равные конусообразные половинки натягивали сырую кишку (барана, телянка), затем скрепляли их берестяными или железными кольцами. Диаметр дудки от начала к концу постепенно увеличивался от 4–5 мм (отверстие, помещаемое в рот, еще меньше) до 50–60 мм, длина составляла 50–60 см. В 80-е годы XX века среди хакасских охотников был распространен манок из фотопленки. Для того чтобы изготовить манок, фотопленку закручивали и медленно вытягивали в виде трубы, затем ее концы обматывали изолентой или прикрепляли резиной. На двух видах горна пыргы звук получался при втягивании воздуха в себя¹⁸.

Существовал манок на косуль *сымысха / сыбысха*. Его изготавливали из сложенного кусочка бересты размером около 2,5 x 3 см, на одном конце делали надрез. Звук из манка получался в результате выдыхания воздуха из себя¹⁹.

ОРУДИЯ ПАССИВНОЙ ФОРМЫ ОХОТЫ

К орудиям пассивной формы охоты относятся самострел *айа*, петли *тузах / хыл*, сети *чїп*, плашки *наспах / тахнай*, черкан *сіргей* и железные капканы *хапхан*.

Самострел настораживали на копытных, хищных и мелких пушных зверей. Он состоял из ос-

новы *харлых*, лука *чаахах*, курка *хыйлаг*, бойка *ігрек* и шнура с петлей. Основа, лук и стрелы изготавливались из лиственницы, а курок и боек – из березы. Длина лука был равна среднему росту человека, ширина равнялась 4–5 см, толщина – 2–2,5 см. Средняя часть оставалась утолщенной, на нее накладывалась основа. Тетиву *кіріс* свивали из волокна дикой конопли или сплетали из конского сухожилия. Основа представляла прямую палку с заостренным концом длиной немного более 1 м, шириной 5–6 см, толщиной 3–4 см. На основе вырубались три зарубка, за которые зацеплялась веревка курка. На переднем конце основы наверху и внизу вырубались два выреза. Нижним вырезом при настораживании основа накладывалась на лук, а к верхнему прикладывался боек [7: 30]. Самострел устанавливали на трех кольях, при этом пользовались специальной меркой *син* – деревянной палочкой, точно указывающей высоту установки самострела на различных зверей. Кроме того, охотники при его установке пользовались анатомическими параметрами. Например: на белку – три пальца *узліг*, на выдру – четыре пальца *тортіліг*, на зайца – кулак с большим пальцем *мунзурух ігрек салаанан хада*, на косулю – локоть *пілек / сыганах*, на медведя – выше колена *нан пазынча*, на сохатого – до бедра *нанча*²⁰. Стрелы самострела вытачивались из березы, черемухи или лиственницы длиной 70–80 см. Наконечники в основном были железными, плоской или трехгранной формы. Самострелы устанавливались десятками, а иногда сотнями. Этим орудием охоты пользовались вплоть до второй половины XIX века. Он постепенно был вытеснен огнестрельным оружием. Кроме того, официальные власти запретили пользоваться самострелом для безопасности населения [7: 30].

Петлями *тузах / хыл* ловили копытных, хищных, мелких пушных зверей и таежных птиц. Их свивали из конских волос, волокон конопли разной толщины в зависимости от вида зверя. Во второй половине XX века петли на дичь стали изготавливать из рыболовной лески вместо конского волоса. На хищных зверей, лису и зайца ставили петли из металлической проволоки, троса²¹.

Для ловли соболя применяли охотничью сеть *чїп/анных* длиной 80 м, шириной 1,8 м. Ее устанавливали вокруг укрытия зверька. Верхний край сети устанавливали на палочках, нижний – к земле и присыпали снегом. На ночь к сети привязывали колокольчики *хоныро*²².

Черкан *сіргей* использовался для добычи мелких пушных зверей – колонка, горноста и др. Он состоял из рамы – тальникового или чере-

мухового прута длиной около 1 м, толщиной 2 см, перегнутого посередине в двух местах. К этой раме прикреплялся лук с тетивой. Длина лука составляла около 50 см, толщина – 3 см в месте утолщения, тетиву свивали из конопляного лоскута толщиной 3–4 мм. На тетиве посередине находилась стрела, пропущенная через отверстие на конце стрелы. Вместо наконечника стрела снабжена поперечной палочкой длиной 5 см, сделанной для прижима, на краях которого – рогульки, вставляемые в раму. Так, при спуске тетивы стрела прижимается плотно к раме. Существовал и другой тип черкан. По конструкции он схож с вышеописанным, но в раму вдетая деревянная труба длиной около 16–18 см, диаметром 5 см, на которой сделан надрез. На эту трубу укреплялась рама черкана¹⁷.

В конце XIX века появились железные капканы *хапхан*, ими ловили мелких пушных и крупных зверей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Промысловое снаряжение хакасского охотника было максимально приспособлено для охоты в горно-таежных массивах Хакасии. В XX веке

происходит его трансформация. Охотничий войлочный костюм, обувь, головной убор были заменены изделиями фабричного производства. Исключение составляет охотник И. А. Боргояков, который носил традиционную промысловую обувь еще в конце XX века. Вышли из практики традиционные стрелковые оружия – лук со стрелами, самострел, а также кремневые, пистонные ружья, вместо них стали использовать гладкоствольные, нарезные. В конце XIX века начали применять железные капканы, которые прочно вошли в арсенал охотников. Во второй половине XX века практически перестали сооружать ловушки давящего типа. Петли на дичь устанавливали из рыболовной лески, на хищных и пушных зверей – из металлической проволоки и троса. Традиционный манок на марала по-прежнему использовался, но его делали из фотопленки. В качестве средств передвижения по глубокому снегу по-прежнему применяли лыжи-подволоки, ручные нарты стали использовать в меньшей степени. Верховой конь, как и ранее, был универсальным транспортным средством в разные сезоны охоты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Спасский Г. И. Народы, кочующие вверх р. Енисея // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. 5. С. 1–14 (57–70).
- ² Щукин Н. С. Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // Журнал МВД. Ч. 18. № 6. СПб., 1847. С. 255–284.
- ³ Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- ⁴ Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. III–IV. С. 298–348.
- ⁵ Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев: Типография К. Маттисона, 1899. 366 с.
- ⁶ Тугаринов А. Я. Соболь в Енисейской губернии (современное состояние и значение соболиного промысла). Красноярск: Тип. М. И. Абалакова, 1913. 20 с.
- ⁷ Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Рук. Ф. ХакНИИЯЛИ). № 341. Каралькин П. И. Земледелие и охота у бельтыров (По материалам экспедиции в Аскизский и Таштыпский районы в 1947 г.). Л. 22.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ¹⁰ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ¹¹ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ¹² Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова (ХНКМ). КП. № 4656/33 (все стрелы получены от Н. С. Тенешева 05.07.1957 г.).
- ¹³ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах; Рук. Ф. ХакНИИЯЛИ. № 309. Л. 29.
- ¹⁴ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ¹⁵ ХНКМ. КП. № 4488/4.
- ¹⁶ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ¹⁷ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ¹⁸ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ¹⁹ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ²⁰ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ²¹ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ²² ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.
- ²³ ПМА. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Республики Хакасии в 2003–2004 годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1996. 224 с.
2. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. 2-е изд., доп. и испр. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 212 с.
3. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакаского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 279 с.
4. Кыржинаков А. А. Традиционные средства передвижения и способы транспортировки добычи у хакасских таежников: традиции и новации // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 127–134. DOI: 10.17223/19988613/39/18
5. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
6. Патчаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1958. 191 с.
7. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов XVII–XIX веков. Абакан: Хакоблиздат, 1952. 215 с.
8. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1957. 218 с.
9. Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 224 с.

Поступила в редакцию 02.03.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Artur A. Kyrzhinakov, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Khakass State University named after N. F. Katonov (Abakan,
Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4022-1863; Kyrzhinakov@mail.ru

HUNTING EQUIPMENT OF THE KHAKASS PEOPLE IN THE XIX–XX CENTURIES

Abstract. The article presents the complex characteristic of the hunting equipment of the Khakass used in the XIX and the XX centuries. The relevance of the topic is determined by the lack of studies thereof. The novelty lies in the fact that the paper presents the first-of-its-kind comprehensive ethnographic description and a comparative historical analysis of the Khakass hunters' equipment and its transformation in the XX century. Some previously unused field materials of the author, as well as new museum and archival data are introduced into scientific circulation. The research methodology is based on the integrated approach principle and includes the descriptive and the comparative historical methods. The practical significance of the work lies in the possibility to use the research results for the reconstruction of the basic parameters of the culture of the South Siberian complex. The hunting equipment comprising special clothes, means of transportation and hunting tools met all the practical needs of the Khakass hunters and ensured successful hunting. During the XX century, the hunting equipment changed, with a number of hunting tools, one type of a net, pressure traps, bows and arrows, flintlock and percussion cap guns eventually going out of hunting practice. The means of transportation were affected by the changes to a lesser extent. At the time under study, the Khakass hunters stopped using hand-pulled hunting sleds and opted for skin-lined skis and riding horses as their universal "vehicles".

Key words: hunting equipment, Khakass people, hunting tools, bow and arrows, crossbow, skin-lined skis, hand-pulled sled

For citation: Kyrzhinakov, A. A. Hunting equipment of the Khakass people in the XIX–XX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):93–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.857

REFERENCES

1. Butanaev, V. Ya. Traditional culture and life of the Khakass people: Teacher's book. Abakan, 1996. 224 p. (In Russ.)
2. Butanaev, V. Ya. Socioeconomic history of Khongorai (Khakassia) in the XIX and the early XX centuries. Abakan, 2002. 212 p. (In Russ.)
3. Butanaev, V. Ya. The steppe laws of Khongorai. Abakan, 2004. 279 p. (In Russ.)
4. Kyrzhinakov, A. A. Traditional means of transportation and methods of transporting prey from the Khakass taiga: traditions and innovations. *Tomsk State University Journal of History*. 2016;1(39):127–134. DOI: 10.17223/19988613/39/18 (In Russ.)
5. Miller, G. F. Description of Siberian peoples. (A. Ch. Elert, W. Hintzsche, Eds.). Moscow, 2009. 456 p. (In Russ.)
6. Patchakov, K. M. Culture and life of the Khakass people in the light of historical ties with the Russian people (the XVIII–XIX centuries). Abakan, 1958. 191 p. (In Russ.)
7. Potapov, L. P. Brief essays on the history and ethnography of the Khakass people of the XVII–XIX centuries. Abakan, 1952. 215 p. (In Russ.)
8. Potapov, L. P. The origin and formation of the Khakass ethnicity. Abakan, 1957. 218 p. (In Russ.)
9. Stepanov, A. P. The Yenisei Governorate. Krasnoyarsk, 1997. 224 p. (In Russ.)

Received: 2 March, 2022; accepted: 26 December, 2022

ТИМОФЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических дисциплин

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0809-2400; timofey1967@mail.ru

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ ЛОСИК

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Военного института (научно-исследовательского)

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7085-6627; timofey1967@mail.ru

Рец. на кн.: Колчинский Э. И., Синельникова Е. Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. – СПб.: Скифия-принт, 2020. – 276 с.

Для цитирования: Алексеев Т. В., Лосик А. В. Рец. на кн.: Колчинский Э. И., Синельникова Е. Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. – СПб.: Скифия-принт, 2020. – 276 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 99–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.858

Рецензируемая книга стала логическим продолжением монографии Э. И. Колчинского, С. И. Зенкевича, А. И. Ермолаева и др. «Мобилизация и организация науки и образования в годы Первой мировой войны» (под общ. ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.), которая получила высокую оценку.

В рецензируемой монографии основное внимание уделено не только вопросам мобилизации науки в интересах воюющих сторон в ходе Гражданской войны, но, главным образом, проблеме встраивания отечественной науки в новую формирующуюся систему власти молодой Советской республики с характерными для нее и постепенно внедряемыми тоталитарно-авторитарными формами социального контроля и управления обществом. Последнее стало проявляться не только в России, но и в других странах после Первой мировой войны. Особенно ярко – в период между двумя мировыми войнами.

Встраиваясь в новую систему власти, реформируя систему управления отечественной науки, научному сообществу России пришлось ответить на следующие вопросы:

– чем являлось подобное реформирование для самой Академии наук: началом усиления фрондирующей научной элиты или стартом ее симбиоза с властью? Если верно первое, то почему ученые смогли начать реализовывать свои давние планы о создании сети институтов? А если было началом симбиоза, то насколько соизмерима выгода от него для Академии наук в свете раскола среди академиков, преждевременной смерти многих ученых или эмиграции?

– получилось ли из этого сотрудничества нечто целостное и гармоничное или это напоминало

химеру, в которой немислимая без свободы поиска наука была втиснута в рамки жесткого контроля в результате попыток объединить привыкшее к демократии научное сообщество и жестко дисциплинированную власть?

– была ли уже тогда пройдена граница между административным управлением наукой и навязыванием ей идеологием для тотального контроля?

– и, наконец, как происходил механизм выживания в 1917–1922 годах ученых и российской науки в целом одновременно с процессом институционализации академической науки во время ожесточенной Гражданской войны?

Поиск ответов на эти и другие вопросы и составляет задачу рецензии.

Монография состоит из двух частей, первая из которых включает две главы, содержащие соответственно семь и девять параграфов. Вторая часть книги делится на три главы, каждая из которых включает по пять параграфов. Предваряет работу введение, посвященное, по сути, историографии изучаемой проблемы, а завершает заключение, в котором подведены итоги предпринятого исследования.

Первая часть монографии, озаглавленная «Великая русская революция и академия наук», охватывает период с 1917 до января 1919 года, в ней дан анализ процессов самоорганизации науки в условиях ожесточенной Гражданской войны на большей части территории бывшей Российской империи. Центральными проблемами стали те, которые четко сформулированы в названиях двух глав первой части книги:

1. Начало революции и несбывшиеся надежды.

2. Октябрьская революция и РАН: между конфронтацией и конформизмом (ноябрь 1917 – январь 1919 года).

Анализ этих глав показывает, что создание новых научных учреждений детерминировалось прежде всего задачами выживания ученых, стремившихся в годы революционных потрясений заручиться поддержкой властей и общества в условиях политической нестабильности, военных действий, репрессий, эпидемий и отсутствия элементарных условий для проведения исследований и обучения.

Вторая часть монографии «Научные общества и революция» посвящена анализу деятельности научных обществ и их взаимоотношениям с советской властью в 1917–1922 годах.

Значимое место в данном разделе уделено характеристике нормативно-правовых, финансовых и бытовых аспектов функционирования научных обществ в условиях острого социально-политического и экономического кризиса и гражданского противостояния. Показано, что научные общества активно шли на сотрудничество с властью, а та, в свою очередь, находила целесообразным поддерживать их деятельность, прежде всего в интересах решения задач обороны страны, назначая им субсидии и оказывая помощь в решении как военных, так и хозяйственных проблем.

Из важнейших выводов и положений рецензируемой монографии отметим те, которые, на наш взгляд, углубляют историю развития отечественной науки и, безусловно, привлекут внимание специалистов-историков:

1. В период 1917–1922 годов была определена модель развития науки как государственной фабрики по производству знаний и создана сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая функционирование и развитие науки и образования.

2. Сформированные в 1917–1922 годах механизмы финансирования научных учреждений и организаций, нормативно-правовая база их деятельности, созданные структурные формы

организации исследований были актуальными и эффективными длительное время.

3. Революция 1917 года и Гражданская война привели страну к глобальному кризису, который оказал значительное влияние на кадровый состав, структуризацию, самоидентификацию и мотивацию российского научно-педагогического сообщества и его институтов. В этих условиях важнейшую роль по спасению науки взяло на себя научное сообщество, объединенное разнообразными формами общественно-научных организаций.

4. Окончание Гражданской войны и переход к НЭПу привели к значительному оживлению деятельности научных обществ. Одновременно начала проявляться и набирать силы репрессивная тенденция во взаимоотношениях с научными обществами. При этом подчеркнем, что вынашиваемая учеными идея демократизации науки была использована при попытках ее советизации, прежде всего Академии наук как символа.

Особо отметим, что авторы монографии не игнорируют в своей работе отмеченные выше репрессивные моменты в деятельности властей по отношению к науке и научному сообществу в целом, как это нередко случалось в исторической литературе недалекого прошлого.

Авторы рецензируемой книги не замалчивают негативные моменты в руководстве наукой со стороны советской власти, но делают это весьма сбалансированно, аккуратно анализируя данные явления.

Рецензируемая книга стала, к сожалению, последней в научном творчестве известного философа и историка науки и техники Эдуарда Израилевича Колчинского, который ушел из жизни в январе 2020 года. Изданная книга, которую мы настоятельно рекомендуем прочитать всем, кто интересуется историей развития отечественной науки и техники в XX веке, стала достойной памятью Э. И. Колчинскому со стороны коллектива Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники, который он возглавлял долгие годы.

Поступила в редакцию 11.05.2022; принята к публикации 26.12.2022

Review

Timofey V. Alekseev, Dr. Sc. (History), Professor, Mozhaysky Military Space Academy (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0809-2400; timofey1967@mail.ru
Alexander V. Losik, Dr. Sc. (History), Professor, Mozhaysky Military Space Academy (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7085-6627; timofey1967@mail.ru

The book review: Kolchinsky, E. I., Sinelnikova, E. F. Self-organization of Russian science during the crisis: 1917–1922. St. Petersburg, 2020. 276 p.

For citation: Alekseev, T. V., Losik, A. V. The book review: Kolchinsky, E. I., Sinelnikova, E. F. Self-organization of Russian science during the crisis: 1917–1922. St. Petersburg, 2020. 276 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):99–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.858

Received: 11 May, 2022; accepted: 26 December, 2022

КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ КОТКИН

кандидат философских наук, хранитель музейных предметов отдела учетно-хранительской деятельности Мурманский областной краеведческий музей (Мурманск, Российская Федерация)
ассоциированный научный сотрудник Центра арктических и сибирских исследований
Социологический институт ФНИСЦ РАН
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3281-3036; kostyakov@rambler.ru

Рец. на кн.: Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. – М.: Наука, 2022. – 366 с.

Для цитирования: Коткин К. Я. Рец. на кн.: Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. – М.: Наука, 2022. – 366 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 101–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.859

В 2022 году в издательстве «Наука» вышла коллективная монография «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами» [4]. Книга, написанная пятью исследователями (О. А. Бодрова, Е. Ю. Дубровская, О. В. Змеева, Е. А. Орехова, И. А. Разумова), освещает период прошлого Кольского Севера между Первой и Второй мировыми войнами, концентрируясь на процессах колонизации, строительства Мурманской железной дороги и городов, истории самских погостов и спецпереселенцев в регионе. Работа шире заявленной тематики. Формальное обозначение периода и заголовка, стандартные рамки институтов и сфер жизни общества не исчерпывают насыщенного социального и культурного содержания книги, которое связывается многогранной жизнью людей на Кольском полуострове между коренными переломами и одновременно внутри них. Читателю открывается сочетание локальных событий и практик, историй и взглядов, часто скрытых под «широкими мазками» глобальной истории. Микроуровень не замыкается сам на себе. Каждый из авторов помещает дату или место, эмоции или биографии в широкий контекст процессов и изменений от региональных и межрегиональных до общероссийских и международных.

Подзаголовок «взгляд историков и антропологов» фиксирует специфику подхода и изложения. Во введении (с. 11–12)¹ представлены теоретические ориентиры и опорные исследования по североведческой тематике, важные для авторов, а также исследовательский бэкграунд коллектива. С точки зрения теоретических оснований во вступительной части акцент сделан на понятиях «идентичность», «модернизация», «фрон-

тир». В самом тексте имеются ссылки на классиков социальной и мемориальной теории (Дж. Александер, Т. Парсонс, П. Нора, П. Томпсон), отечественных и зарубежных антропологов и исследователей повседневности (А. К. Байбурин, Н. Л. Пушкарева, Н. Рис, Дж. Скотт). Дается краткий очерк истории региона с акцентом на административно-территориальное деление. Приведены основные использованные архивы, музейные фонды и опубликованные источники, в том числе «личного плана» (статьи в периодической прессе, многочисленные воспоминания, очерки путешественников и писателей). Внимание авторов в соответствующих главах не минуют, например, стихотворения и интернет-ресурсы, показывающие литературно-художественное и обыденное восприятие региона, городов и отдельных объектов.

Изложение сопровождается иллюстративным материалом (черно-белые и цветные вклейки между страницами 224–225). Это фотографии населенных пунктов, зданий, железной дороги, мемориальных объектов и мероприятий, документов и, наконец, людей (от «первых лиц» до «обычных» рыбаков и строителей). Визуальный ряд отражает бытовые подробности от второй половины XIX века до второго десятилетия XXI века с акцентом на 1920–1930-х годах. Его дополняют карты, как архивные, так и составленные самими авторами. Отметим, в частности, обозначение и список шестидесяти девяти колоний Западного и Восточного Мурман (иллюстрации № 3–4).

Следует указать, что это не первый обзорный труд по истории Кольского Севера, в том числе по XX веку и отдельным его периодам [1],

[2], [3]. Работа советских исследователей, стремившихся «помочь в изучении родного Кольского Заполярья» [2: 6], казалось бы, прервалась в 1990-е годы, если подразумевать создание широких обзоров истории. Но относительно недавние научные публикации показывают интерес к трудам, обобщающим или временной интервал от века и более, или несколько тем [5], [7], [8]. Не будет ошибкой включить данную монографию в указанный перечень. Дело не только в формальных пересечениях – наличие нескольких авторов, тематика освоения, близкий период. В названии, аннотации и введении более чем четко обозначен временной этап, но сами темы «вытаскивают» каждого из авторов за узкие рамки межвоенных десятилетий. В данном случае это не минус «несоответствия темы и содержания». Напротив, читателей помещают в широкий контекст процессов от колонизации со второй половины XIX века до урбанизации второй половины XX века. 1920–1930-е годы показываются в монографии как «осевой» период, собирающий прошлое и будущее. Межвоенная «складка» открывает альтернативность если не сценариев периода, то взглядов на него.

Остановимся на изложении конкретных идей по главам. Следует сделать оговорку, что в данной краткой рецензии отмечаются основное содержание и некоторые частные аспекты, не исчерпывающие богатого наполнения каждой главы и монографии в целом.

Первая глава «Колонизация Мурмана между двумя мировыми войнами (1914–1940)», написанная Е. А. Ореховой, демонстрирует классический исторический подход в построении повествования с глубокой проработанностью источников (многочисленные ссылки, подтверждающие излагаемые автором факты или тенденции, нормативно-правовые акты, статистические данные), промежуточные обобщения между отдельными разделами главы и итоговое заключение позволяют акцентировать основные выводы, а таблицы емко представляют систематизированные данные. 1920-е годы рассматриваются как период железнодорожной колонизации. С 1930-х годов приоритетным становится принудительное переселение в регион, а также удаление «иностранцев» наряду с ассимиляцией карелов и саамов русскими и финнами. Относительно динамики населения важны сюжеты взаимодействия отдельных этнических групп (финнов, норвежцев, саамов).

Один из основных моментов, который демонстрирует глава, это взаимосвязи советского и досоветского периодов в процессе колонизации.

Одновременно одна из тенденций, которая выделяется автором, – смена «семейной» колонизации 1920-х годов на «коллективную», «социалистическую» в 1930-х годах.

На конкретных примерах рассматриваются подчас не лишённые проблемности связи Кольского Севера с Карелией и архангельским Поморьем, а также роль факторий, сельскохозяйственных и промысловых объединений. Достойны внимания отдельные сюжеты, в частности: противоречия установок центра и саамов (с. 18–19); влияние больших событий (война) и, как следствие, ограничения военного времени; изменение содержания понятия Мурман (с. 24); организация торговли продуктами питания одним из товариществ (с. 48–49). Несколько тем имеют явные пересечения с последующими главами. Раздел, посвященный новым колонистам – жителям Мурманска и объединениям колонистов, соотносится с тематикой динамики населенных пунктов (глава 4) и жизни спецпереселенцев в городах (глава 5), а анализ финского фактора колонизации (особенно последний раздел со страницы 67) пересекается с некоторыми материалами второй главы. Ее автор Е. Ю. Дубровская формулирует название как «Пространство сооружения магистрали: строители Мурманской железной дороги и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны». Делается шаг назад в хронологии. Возвращаясь в период Первой мировой войны и революционных событий, читатель вознаграждается ощущением погружения в это время. Дорога концентрирует социальные группы Кольского полуострова, соседних Карелии и Финляндии, далеких Китая и Балкан. Именно из этих мест приходили строители на Мурманку². Фиксируется незаконченность проекта и динамичность социальных групп, которые его осуществляли. Рассматриваются ожидания и реальность строителей в путевых заметках путешествующих и строящих новую дорогу (от лейтенанта Д. И. Астафьева и иеромонаха Исаакия до безымянного «построечника»). Тема повседневности «вольных» и «невольных» строителей показана с разных сторон: от медицинских условий и организации работ до настроений и досуга с учетом местных условий и привнесённого восприятия. Интересно сочетание сухих отчетов и живых травелогов. Воспоминания современников передают многочисленные эмоции пограничного состояния периода и экстремальных условий (ирония, раздражение, страх). Замечателен анализ изменений военного времени через сравнение материалов сельских сходов «придорожной» Сороки (Карелия), расположен-

ной на Белом море, и беломорской же, но удаленной от магистрали Кузомени (Терский берег). В завершение следует вернуться к началу главы и упомянуть, что изложение берет начало с историографического очерка, который рассказывает об исследованиях по истории железной дороги и социально-политической ситуации на севере России.

«Саамы Экостровского погоста в 1900–1930-х годах: территория расселения, хозяйственные промыслы, переход к оседлости» – третья глава, которая написана О. А. Бодровой. Автор подробнее развивает сюжеты о «коренных малочисленных народах», на которых останавливались авторы монографии ранее, но они не были самостоятельной темой. Изложение локализуется на районе озера Имандра, самого крупного на Кольском полуострове внутреннего водоема, на котором проживали саамы Экостровского и Бабинского погостов. Описание начинается с образа кольских саамов в этнографической литературе. Отсылки в историю вплоть до XVI–XVII веков демонстрируют насыщенность прошлого региона и освоенность населением конкретных мест, через которые прошла северная магистраль. Отмечаются особенности хозяйства экостровских саамов (малая роль оленеводства в сравнении с рыболовством). Показано значение локальной группы «коренного населения» в роли исполнителей ямской повинности еще до строительства Мурманской железной дороги.

Преобразования 1920–1930-х годов привели к появлению приезжего населения и новых населенных пунктов, некоторым подвижкам в занятости (например, работа на метеостанции или железной дороге), наконец, к увеличению числа «населенных мест» (с. 168). Показывается отражение оленеводческой, охотничьей и рыбопромысловой терминологии в топонимике, таким образом, наряду с людьми и вещами еще одним элементом образа становится восприятие в языке. Завершается глава описанием занятости в колхозах и совхозах и переходу к оседлости саамского населения. В последнем случае централен образ Калины Архипова – «первого оседлого саама Мончи» (с. 171).

Глава 4 «От станционных поселков до промышленных городов: историко-этнографический профиль региона» (автор – О. В. Змеева) посвящена процессу урбанизации в регионе. Главными «героями» становятся два города – Мурманск и Хибиногорск / Кировск. Первый формируется железной дорогой и морским рыбным промыслом, второй – геологическим освоением.

Социальная структура и время строительства железной дороги в регионе описываются через особенности военного периода, природно-климатические условия и инфраструктурные проблемы: «отсутствие транспортных сетей» в определении автора (с. 185). Выделено несколько этапов в привлечении рабочих для строительства магистрали (с. 187–189), рассмотрен сформированный на этой территории специфический «социальный порядок», который работал не только через разделение обязанностей и на основании норм, но и «благодаря правилам, установленным этническими традициями» (с. 194). Ценен анализ образа города Мурманска через типологию его качеств / характеристик – «уникальных», «специфических» и «уступающих» (с. 199–201), а также отсылки к различным образам – «писательским» (К. Г. Паустовский, Б. Н. Блинков) или «исследовательским» (В. К. Алымов, А. А. Киселев). «Нарушение» хронологического принципа – дополнение сюжетами второй половины XX – начала XXI века – вновь помогает читателю увидеть образ Мурманска более объемным.

Центральной фигурой хибиногорского сюжета является А. Е. Ферсман. Автор главы в одном из разделов предельно «заземляет» освоение Хибин до одного события – первой поездки сотрудников Академии наук в июне 1920 года на Кольский полуостров. Очерки и научно-популярные книги академика предстают как своеобразный этнографический и исторический источник (не избегающий, правда, мифологизации), а сами геологи – как антропологи (название одного из разделов), внимательно или попутно фиксирующие окружающую культуру. Они становятся не только преобразователями ландшафта, а создают иное социальное пространство, связанное с полевыми исследованиями и научным преобразованием региона, где рука об руку с «искателями минералов» идут проводники-«аборигены» и наемные рабочие.

Последняя, но отнюдь не менее важная глава «Спецпереселенцы на Кольском полуострове: социально-культурная идентификация» за авторством И. А. Разумовой обращается к (само)восприятию представителей «переселенных групп населения», оказавшихся «волею судеб» в Заполярье.

Концентрированная сложность темы подчеркивается уже в начале историографического обзора и характеристики источников, когда, касаясь взглядов исследователей, автор обращается к противоречиям в оценках периода (С. А. Красильников vs В. Я. Шашков на с. 244); относительно источниковедческих проблем указываются малодоступность и малотиражность

опубликованных и различные информационные лакуны неопубликованных документов. Более глубокие проблемы источников – специфика эго-документов, сочетание «явного» и «потенциального» в семейном знании³, социальные аспекты работы публикаций (разрыв поколений и многообразие дискурсов).

История семьи и биография, наверное, формируют основной стержень «полифонического» изложения главы, наиболее насыщенного своими точками зрения в сравнении с другими главами (тоже их предлагающими). Автор избирает следующую последовательность изложения (отнюдь не в диахронии) – история переселения через факты биографии. Важнейший элемент здесь начало – центральное травмирующее событие (с. 248). Жизнь на утраченной земле идеализированная, показывающая «типовой вневременной образ». Перед читателем предстают многочисленные цитаты индивидуальных историй с часто общими страхами и лишениями. Семья спецпереселенцев демонстрирует крайние стратегии «жить ради» и «не жить вовсе» для разных случаев (с. 264), а также различные варианты выстраивания адаптивных отношений с репрессивной властью. Спецпереселенцы рассматриваются как общность по «объективным признакам», через определение «клеймо» и другие самоопределения. Выделяются культурные маркеры спецпереселенцев через ключевые концепты, которые они применяют для самоописания (от страдания и жертвы до живучести и справедливости (с. 274–286)). Наконец, определяется социальное окружение в восприятии спецпереселенцев (свои, другие, чужие; друзья, враги). Послесловие к главе под заголовком «Воссоздание общности» можно прочитать исторически и формально (через различные нормативные снятия ограничений), но гораздо более важным, как представляется, становится изложение напряжений между «обвиняющей» и «скромной» памятью, а также заключение о важности слышания всех голосов прошлого.

Таким образом, данное исследование – это, с одной стороны, обобщающая работа, проде-

ланная на большом материале и ставшая итогом предыдущих многолетних изысканий авторов, с другой стороны, изучение актуального прошлого в свете многочисленных современных вызовов. Среди них – миграционные процессы, проблемы развития городов и моногородов, межрегиональные и приграничные связи, отношения центра и периферии, региональная идентичность, трудные вопросы истории и памяти. Поэтому работа заинтересует как ученых, так и практиков в регионе и за его пределами. Написанная доступно (но оставаясь прежде всего научной), она, думается, заслужит внимание преподавателей учебных заведений и учащихся, став новой настольной книгой по изучению региональной истории и повседневной культуры в вузах и школах, учреждениях культуры региона (музеях, библиотеках). Следует сказать, что представленное исследование – хороший пример сотрудничества и научных контактов ученых двух территорий (Мурманская область и Республика Карелия) и исследовательских центров трех городов (Апатиты, Мурманск, Петрозаводск).

Авторы книги не уходят в метатеорию, позволяя, с одной стороны, фактам показать себя, а с другой – положить их в соответствующие ячейки тем и смыслов. Историко-антропологический баланс соблюдается с точки зрения академического внимания к источникам и их переработки в соответствии с авторской структурой, а не только лишь голой хронологией и прямолинейной логикой причин / следствий. Кажется, фигурой всегда выступают совсем не маленькие группы,двигающиеся по колеям экономики и политики. Отдельные люди и их ближайшее окружение часто работают фоном в прагматике большой модернизационной истории. Однако фигура и фон меняются местами под углом подхода или ракурса изложения. Одновременно каждый из авторов монографии в соответствующих главах показывает свою тему в сцепке с другими главами и вписывает ее в большую историю. Эта перенастройка оптики, несомненно, привлечет читателей монографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемую монографию даются в тексте в круглых скобках.

² Название Мурманской железной дороги, данное современниками.

³ Подробнее в более ранней монографии И. А. Разумовой [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двинин Е. А. Край, в котором мы живем. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1966. 242 с.
2. Киселев А. А. Родное Заполярье: Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. 511 с.

3. Климов Ю. Н. В суровые годы двадцатые: большевики Северо-Запада в борьбе за проведение нэпа в 1921–1925 гг. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1968. 236 с.
4. Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / Под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. 366 с.
5. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот богу не маливался»: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.
6. Разумова И. А. Потасенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 374 с.
7. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Под ред. Й. П. Нильсена. М.: Весь Мир, 2017. 705 с.
8. Федоров П. В. Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991. СПб.: Арт-Экспресс, 2021. 726 с.

Поступила в редакцию 31.10.2022; принята к публикации 26.12.2022

Review

Konstantin Ya. Kotkin, Cand. Sc. (Philosophy), Museum Collections Curator, Murmansk Museum of Regional Studies (Murmansk, Russian Federation), Associate Research Fellow, Centre of Arctic and Siberian Exploration of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3281-3036; kostyakotkin@rambler.ru

The book review: Population of the Kola Peninsula between the two world wars: view of historians and anthropologists. (O. V. Zmееva, Ed.). Moscow, 2022. 366 p.

For citation: Kotkin, K. Ya. The book review: Population of the Kola Peninsula between the two world wars: view of historians and anthropologists. (O. V. Zmееva, Ed.). Moscow, 2022. 366 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):101–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.859

REFERENCES

1. Dvinin, E. A. The place in which we live. Murmansk, 1966. 242 p. (In Russ.)
2. Kiselev, A. A. Native Arctic: Essays on the history of the Murmansk Region (1917–1972). Murmansk, 1974. 511 p. (In Russ.)
3. Klimov, Yu. N. The harsh twenties: the Bolsheviks of the Northwest in the struggle for the NEP policy implementation in 1921–1925. Murmansk, 1968. 236 p. (In Russ.)
4. Population of the Kola Peninsula between the two world wars: view of historians and anthropologists. (O. V. Zmееva, Ed.). Moscow, 2022. 366 p. (In Russ.)
5. Nikonov, S. A. “They who never sailed the sea, never truly prayed to God”: Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by the Pomor peasants and monasteries between the XVI and the XVIII centuries. Moscow; St. Petersburg, 2020. 496 p. (In Russ.)
6. Razumova, I. A. Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History. Moscow, 2001. 374 p. (In Russ.)
7. Rapprochement: Russia and Norway in 1814–1917. (J. P. Nielsen, Ed.). Moscow, 2017. 705 p. (In Russ.)
8. Fedorov, P. V. Russia surrounded by water: an overview of the history of the Kola Peninsula. 1216–1991. St. Petersburg, 2021. 726 p. (In Russ.)

Received: 31 October, 2022; accepted: 26 December, 2022

Дискуссии

От редакции. В статье известного российского историка В. И. Голдина основное внимание уделяется не полному освещению событий Гражданской войны на Севере в энциклопедии «Россия в Гражданской войне», отмечаются ошибки и искажения, допущенные авторами издания. Статья носит полемический характер и отражает точку зрения автора, не всегда совпадающую с позицией редакции журнала.

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2023.860
УДК 94(470)"19"

ВЛАДИСЛАВ ИВАНОВИЧ ГОЛДИН

доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1439-6267; v.i.goldin@yandex.ru

РОССИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: СЕВЕРНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются региональные проблемы изучения Гражданской войны в России, в первую очередь на материалах Русского Севера. Характеризуется литература, вышедшая в свет в связи со столетием этих событий. Центральное внимание уделяется освещению региональной проблематики, прежде всего проблем, процессов и событий Гражданской войны на Севере в энциклопедии «Россия в Гражданской войне». Выявляется соответствие качества статей этого издания современному уровню историографии истории Гражданской войны на Севере. При анализе содержания материалов энциклопедии указывается на ошибки и искажения, допущенные в ней. Делаются выводы о необходимости преодоления ошибочных утверждений, представленных на страницах этого издания, характеризуются перспективы изучения проблем истории Гражданской войны в России и на Русском Севере.

Ключевые слова: Гражданская война в России, интервенция, Север России, история, историография, критический анализ

Для цитирования: Голдин В. И. Россия в Гражданской войне: северное региональное измерение // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 106–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.860

ВВЕДЕНИЕ

Столетие событий Гражданской войны в России усилило общественный интерес к ним и актуализировало изучение этой проблематики. Была проведена серия научных конференций, в том числе на Севере России, с публикацией материалов. В России и за рубежом вышло в свет несколько сотен новых книг, ставших предметом историографического анализа [2]. Предпринята реализация фундаментальных научных проектов, одним из которых стало издание новой энциклопедии Гражданской войны в России. Ее содержание, и прежде всего рассмотрение проблем истории Гражданской войны, событий на Русском Севере, является предметом анализа в данной статье.

РЕГИОНЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В современной науке, изучающей такую сложную, противоречивую и драматическую тему, как Гражданская война, существуют разные теоретические подходы и направления [3], [16], [17].

Одним из них является ее измерение в нескольких аспектах:

1) международное, рассматривающее эту войну как часть глобального кризиса, связанного с Первой мировой войной и ее последствиями, в том числе иностранной интервенцией в России, с одной стороны, и стремлением большевиков превратить мировую войну в международную гражданскую войну, с другой;

2) общероссийское во всем многообразии ее проблем как военного, так и невоенного характера;

3) региональное, рассматривающее течение войны и жизнь страны сквозь призму происходившего в ее регионах; одним из проявлений этого подхода является ее осмысление как серии войн, происходивших в пространстве макрорегионов. С региональным измерением Гражданской войны тесно связано изучение локальных особенностей ее протекания, а также повседневности военного времени, то есть жизни, быта, эволюции мировоззрения, поведения так называемого маленького человека в эпоху потрясе-

ний и хаоса. Это направление считается одним из наиболее перспективных в познании и переосмыслении Гражданской войны в России.

Регионология этой драматической эпохи динамично развивалась в последние годы и десятилетия, что воплотилось в формировании авторитетных региональных научных школ, в том числе на Севере России, издании объемной литературы, раскрывающей общее и особенное в протекании Гражданской войны в стране. Жизнь провинции стала предметом обсуждения на научных конференциях в региональных центрах, приуроченных к 100-летию войны, с подведением итогов сделанного и определением перспектив исследовательской работы [11], [12], [18]. Есть еще один момент, связанный с важностью изучения Гражданской войны в регионах и жизни местного населения в эту сложную эпоху. Дело в том, что люди, познавая прошлое, интересуются прежде всего тем, что происходило там, где они живут, на их малой Родине, и через понимание этого идут к восприятию глобальных событий и эпохи в целом.

РУССКИЙ СЕВЕР В РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Русский Север во время Гражданской войны всегда был предметом особого внимания историков. За сто лет в России и за рубежом опубликовано около двухсот книг и тысячи статей, ей посвященных. В канун столетия подведены итоги развития этой историографии, охарактеризованы основные направления и результаты научного поиска исследователей [4], [7: 5–9], [8: 11–46]. Важным представляется не только изучение этого обширного макрорегиона самого по себе с раскрытием особенностей протекания Гражданской войны и интервенции и жизни населения здесь, но и органичное вписывание его в общероссийское пространство, что было сделано в одной из монографий [10].

Высокий уровень и динамика исследований способствовали тому, что в 2012 году, в канун завершения проведения в Архангельске и Мурманске серии из шести международных научных конференций (с участием представителей 12 стран) с публикацией их материалов, было принято решение о создании Ассоциации исследователей Гражданской войны в России с центром в Архангельске, ставшей ведущим координирующим центром изучения этой проблематики в стране. Под ее эгидой в канун столетия было проведено несколько крупных научных форумов, в том числе в Архангельске совместно с Российским военно-историческим обществом и в Новосибирске на базе Института истории Сибирского

отделения РАН. Автор статьи является президентом этой Ассоциации и главным редактором издаваемого ею альманаха.

Последние годы характеризовались публикацией северными историками ряда содержательных монографий о Гражданской войне и интервенции в России и на Русском Севере [1], [7], [8], [19]. Автор статьи реализует собственный проект издания многотомной серии по этой теме под названием «Русский Север в эпоху великих потрясений. 1900–1920», рассматриваемый как обобщающий. Два первых тома этого издания вышли в свет в 2018 и 2021 годах [7], [8].

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРЕ В НОВОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ

В 2021 году в Москве опубликована энциклопедия «Россия в Гражданской войне. 1918–1922» [20]. Любое новое энциклопедическое издание вызывает особый интерес как у специалистов, так и заинтересованных читателей. Тем более, что это уже не первая энциклопедия по данной теме, что внушало надежду на прогресс. Первая энциклопедия о Гражданской войне и интервенции вышла в свет в 1983 году и вторым изданием в 1987 году [13]. Впрочем, другое и уже четырехтомное издание энциклопедии о революции и Гражданской войне, вышедшее в Москве в 2008 году, стало во многом разочарованием для специалистов.

Во Введении к новой трехтомной энциклопедии указывалось, что она раскрывает широкий круг проблем военной, политической, экономической, социальной и культурной истории, уделяя при этом особое внимание тем проблемам, которые не рассматривались ранее. Правда, в нем оговаривалось, что авторский коллектив ставил главной задачей не решение спорных историографических вопросов, а прежде всего систематизацию и обобщение выявленных фактов, анализ выводов и оценок ученых по широкому комплексу проблем [20: 20]. Но и это само по себе очень важно.

В энциклопедии представлено более 2900 статей, а в авторский коллектив вошли более 150 историков, многие из которых хорошо известны, и знакомство с их статьями вполне удовлетворительно. Но это касается далеко не всех авторов.

Изучение огромной энциклопедии, составленной по алфавитному принципу, где соседствуют часто полярные темы, является нелегким делом. Представляется, что для облегчения поиска читателем необходимого материала могли быть два пути. Первый из них заключается в том, чтобы поместить словник в начале или в конце издания, хотя его публикация заняла бы десяток

или более страниц. Другой вариант – во Введении и в статьях выделять слова-отсылки, по которым читатель, интересующийся определенной проблематикой, мог бы легче найти требуемое. К сожалению, ни то, ни другое не сделано, и в силу этого поиск крайне затруднен.

Автор статьи, не анализируя содержание этой энциклопедии в целом, ее достоинства и недостатки, рассмотрит лишь то, какое освещение на ее страницах получили проблемы и события Гражданской войны на Севере России. С этой точки зрения начинаем поиск со слов «Север», «северный» и других производных, чтобы потом обратиться к конкретным регионам, событиям, биографиям и т. п. Увы, уже при обращении к первым терминам испытываем разочарование. Севера как макрорегиона на страницах энциклопедии просто нет, как и связанных с ним понятий «Европейский Север», «Русский Север» и др. И это при том, что в энциклопедии есть многие другие российские макрорегионы – Сибирь, Урал, Дальний Восток и пр. В этом издании представлена отдельная статья даже Финляндия, которая в конце 1917 года получила независимость и вышла из состава России. Впрочем, к Финляндии, как соседствующей с Русским Севером и доставлявшей ему и его населению много проблем и неприятностей в рассматриваемый период, и к финляндско-российским отношениям еще вернемся в дальнейшем. По логике создателей энциклопедии именно в статье о регионе, начинающейся с характеристики его географии, жителей, административно-территориальных единиц, должен содержаться обзор военных и иных событий, жизни населения, общая характеристика того, что должно полнее раскрываться в соседствующих статьях. Так, рядом со статьей о Сибири расположено еще порядка десяти статей. Но Север – огромный макрорегион, простиравшийся от границ с Норвегией и Финляндией до Урала, включавший в себя пять губерний и несколько других образований (Северная область, Мурманский край), с особым протеканием Гражданской войны здесь, своеобразным фронтом, растянувшимся на две тысячи километров и периодически захватывавшим и часть Западной Сибири, с особой ролью интервенции, оказался по непонятным причинам не представлен в издании. Впрочем, не повезло в энциклопедии и Северо-Западу. В ней также нет обобщающей статьи об этом регионе, но есть две статьи под названиями «Северо-Западная армия» и «Северо-Западное правительство», где рассматривается история антибольшевистского движения в этом регионе, но не более. Добавим, что заинтересованный читатель напрасно будет искать статьи с названиями «Мурманск», «Архангельск», «Великий

Устюг», «Вологда», «Петрозаводск», «Северная область», «Карелия» и т. п. Он ничего не найдет.

Что же есть тогда в этой энциклопедии о Русском Севере? На слово «северный» и иные производные от Севера находим лишь Северный морской путь и Северный фронт. Обратимся к анализу их содержания. Статья о Северном морском пути (СМП) является единственной действительно оригинальной и качественной в издании. Она написана красноярским историком, кандидатом наук А. Е. Гончаровым. Он хорошо знаком нам по совместному международному проекту об истории СМП, который завершился изданием фундаментального труда о нем в 2022 году в Нидерландах.

Статья о Северном фронте, напротив, вызовет разочарование у специалистов и читателей. Небольшая по объему, она начинается пояснением, что Северный фронт – название для оперативно-стратегических объединений войск Белого движения, а также войск РККА в годы Гражданской войны на Северном стратегическом направлении. Далее следует десяток строк о Северном фронте белых, из которых заинтересованный читатель, не говоря уже о специалистах, ничего не сможет извлечь. Нет ни последовательности наименования – Народная армия, Вооруженные силы Северной области и, наконец, Северный фронт, ни динамики численности войск на протяжении войны, ни всех имен командующих (указаны лишь два – генералы Марушевский и Миллер). Нет и упоминания о том, что войска белогвардейцев создавались, вооружались и находились под общим командованием иностранцев – главнокомандующего войсками Антанты в России британского генерала Ф. Пуля и его преемника главнокомандующего войсками на Севере России британца, генерала Э. У. Айронсайда. Автор рассматриваемой статьи лишь упоминает одной строчкой, что значительным (как следует из повествования, летом 1919 года) был иностранный воинский контингент на Севере – до 10–12 тыс. американских, французских, сербских, итальянских и английских войск. Поправим автора, что, во-первых, численность иностранного воинского контингента на суше (без учета лиц, находившихся на военных судах) в это время составляла в действительности порядка 35 тыс. солдат. В целом же через Север России прошло в годы войны примерно 43–44 тыс. иностранных военнослужащих, представителей более 10 стран и национальностей [6: 314], [15: 460–465].

Особо следует подчеркнуть, что интервенты не просто находились на Севере, но именно они (а не белогвардейские соединения, формирование которых затянулось до весны – лета

1919 года и которые так и не обрели должной боевостойкости, восстания в них были постоянным явлением) вели здесь основные боевые действия против частей Красной армии, вынашивая даже весной – летом 1918 года планы похода с Севера на Москву. Амбициозному генералу Пулю мнились лавры Наполеона, победно вступающего в поверженную российскую столицу, но надежды оказались напрасными. Добавим, что летом 1919 года интервенты впервые в мировой истории развернули на Севере преступную войну с использованием оружия массового уничтожения – химического оружия, газов [9].

В статье не упоминается мнение абсолютного большинства российских и зарубежных исследователей о том, что если бы не иностранная вооруженная интервенция, то не было бы и Гражданской войны на Севере России (за исключением отдельных локальных столкновений). Война была привнесена в регион искусственно, на иностранных штыках, а интервенты, исповедуя принцип «разделяй и властвуй» и привычку воевать чужими руками, приложили, оккупировав значительные территории Русского Севера, большие усилия для раскола северного социума и развязывания здесь междоусобной войны.

К сожалению, практически полное отсутствие в энциклопедии материалов о международной интервенции в России и на Русском Севере следует признать вопиющим недостатком этого издания. Статья под названием «Антанта» касается главным образом истории этой коалиции, но не раскрывает ее интервенции в России и на Русском Севере. Между тем иностранная интервенция в многообразии форм (военная, политическая, финансово-экономическая и др.) была важнейшей составной частью российской Гражданской войны. В ней участвовало около полумиллиона солдат, не считая Чехословацкого корпуса (находившегося под эгидой Франции), численность которого колебалась от 40 с лишним до более 70 тыс. солдат. Его выступление стало катализатором Гражданской войны в России. Добавим, что по планам Антанты несколько десятков тысяч чехословаков планировалось направить весной 1918 года на Север России, где они должны были стать ядром армии интервентов. Но в силу восстания корпуса в конце мая эта переброска не состоялась. Подчеркнем, что именно интервенты Антанты были настоящими хозяевами на оккупированных территориях от Забайкалья до Дальнего Востока, в Крыму и на Русском Севере.

Вернувшись к вышеуказанной статье о Северном фронте, заметим, что в ней содержится небольшой, без подробной характеристики и описания цифрами, с опорой на литературу вче-

рашного дня материал о Северном фронте РККА. И это неудивительно, ибо московский автор статьи о Северном фронте Гражданской войны – А. В. Олейников никогда не имел никакого отношения к изучению ни этой темы, ни Гражданской войны в России вообще, а занимался Восточным (Русским) фронтом Первой мировой войны.

О Северо-восточном участке отрядов завесы автор лишь бегло упоминает, но ничего не может сообщить читателям, хотя в энциклопедии 1980-х годов был, хотя и небольшой, но материал об этом, так же как о 6-й, а затем 6-й отдельной армии красных, воевавшей на Северном направлении, других дивизиях и формированиях Красной армии, которые воевали на Севере России. Но ничего этого нет в новом издании. То же самое относится и к флоту. Если в энциклопедии 1980-х годов были статьи о Северо-Двинской военной флотилии и Онежской военной флотилии красных, то в рецензируемом энциклопедическом издании их уже нет. Из боевых операций Красной армии на Севере обнаруживаем в энциклопедии лишь статью, посвященную Шенкурской операции, не обладающую какой-либо новизной, а ранее традиционно включавшаяся в энциклопедии Видлицкая операция в рецензируемом издании отсутствует.

О белых воинских формированиях на Севере России в энциклопедии найдем очень мало, но зато в обилии обнаружим ошибки. А. В. Олейников, опубликовавший статью под парадоксальным названием «Белая гвардия» (историки-профессионалы традиционно пишут о белой армии или армиях), характеризуя белые формирования на Севере, пишет: «Северная армия – Войска Северной области – Северный фронт». Но Северной армии в Северной области никогда не было, как и войск Северной области, а это формирование официально именовалось «Вооруженные силы Северной области». Далее автор утверждает, что в мае 1919 года адмирал Колчак назначил генерал-лейтенанта Миллера командующим всеми войсками Северной области, включая Северную армию. В действительности Колчак назначил Миллера своим указом от 10 июня 1919 года главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков на Северном фронте. Но Олейников в этой статье и далее пишет:

«Мурманская Добровольческая армия – Войска Мурманского р-на (находилась в оперативном подчинении Северной армии; в июне 1919 года Мурманская Добровольческая армия была переименована в Войска Мурманского р-на и вскоре была объединена с войсками Олонецкой Добровольческой армии под общим командованием генерал-лейтенанта В. С. Скобелыцына); Олонецкая Добровольческая армия (после разгрома частями РККА в Карелии в июле

1919 года Олонецкая армия объединена с Мурманской Добровольческой армией» [20; Т. 1: 199–200].

На самом деле Мурманской Добровольческой армии не существовало, но 1 августа 1918 года был издан приказ врио командующего вооруженными силами Мурманского края штабс-капитана Гапонова о формировании Мурманской армии на добровольной основе. Приток добровольцев был скудный, и к ноябрю 1918 года удалось создать лишь несколько рот. Поэтому от идеи армии отказались, а приказом от 7 ноября того же года солдаты сводились во 2-й Мурманский пехотный полк, преобразованный в 1919 году в создаваемый 2-й Северный стрелковый полк [21: 64–65].

Олонецкая добровольческая армия, созданная в Финляндии весной 1919 года из так называемых добровольцев под командованием полковника А. Сихво, никакого отношения к войскам Мурманского района не имела. Она начала наступление из Финляндии в Карелию / Олонецкую губернию в апреле 1919 года, но в конце июня того же года была разгромлена частями Красной армии, и ее остатки ушли на финскую территорию Финляндии. О сотрудничестве с русскими белогвардейцами ее командование говорить отказывалось, а пыталось вести диалог в конце мая 1919 года с командующими войсками интервентов на Мурмане британским генералом Ч. Мейнардом о совместных действиях против советской Карелии. Но переговоры были безрезультатны. Ни о каком объединении остатков Олонецкой добровольческой армии с некоей мифологизированной Мурманской Добровольческой армией речи идти не могло.

Упомянутый выше генерал-майор (а не генерал-лейтенант, как у Олейникова) В. С. Скобельцын, прибывший в Мурманск из-за границы в конце мая 1919 года, в июне был назначен командующим войсками Мурманского района, находясь в этой должности до февраля 1919 года, когда, бросив войска, бежал в Финляндию.

Что касается упоминавшейся выше Олонецкой добровольческой армии, то в энциклопедии есть неплохая статья о ней санкт-петербургского историка В. И. Мусаева. Им же подготовлена и статья «Олонецкое правительство». С сожалением заметим, что в них не использована литература последних лет и десятилетий. То же самое касается статьи московского автора, кандидата наук О. В. Чистякова о Временном правительстве Архангельской Карелии.

Касаясь белых морских и речных формирований, отметим, что краткие материалы о Северо-Двинской, Онежской и Печорской военных флотилиях и Флотилии Северного Ледовитого

океана (ФСЛО) содержатся в статье С. Ю. Гордеева и О. В. Чистякова под названием «Белый флот». Но не соответствует истине утверждение авторов, что экипажи судов ФСЛО приняли участие в антисоветском восстании в Архангельске 2 августа 1918 года. Это относилось лишь к офицерам. Матросы, напротив, в основной своей массе симпатизировали советской власти и защищали ее. Целый ряд экипажей судов оказывал вооруженное сопротивление заговорщикам. Ряду тральщиков с матросами удалось вырваться из Архангельска и уйти вверх по Северной Двине. Часть из тех, кто остались, принимали в дальнейшем активное участие в работе архангельского подполья, многие были репрессированы.

Вообще же, указанная статья Гордеева и Чистякова изобилует ошибками. Так, бегство генерала Миллера и его сподвижников и переход Архангельска в руки восставших произошли не 21, а 19 февраля 1920 года. Причем, бежавшие проследовали на ледоколе «Козьма Минин» (яхта «Ярославна» была брошена при входе в Белое море) не во Францию, а в Норвегию. Восстание в Мурманске произошло не 7 марта, а 21 февраля 1920 года.

В энциклопедии нет статей, посвященных таким воинским формированиям на Мурманско-Олонецком направлении, как Финский легион и Карельский полк. Они создавались и действовали под общим командованием интервентов Антанты, но последним с трудом удалось предотвратить их восстание зимой 1919 года.

В рецензируемом издании отсутствует тема драматических и крайне противоречивых событий на Мурмане в 1918 году, завершившихся интервенцией и падением советской власти здесь, хотя она на протяжении десятилетий была предметом острых дискуссий, пока в литературе не была воссоздана объективная история [7], [8]. Но в одном из помещенных биографических материалов вновь видим искаженную картину. Вот отрывок из статьи А. В. Олейникова о генерале Н. И. Звегинцове:

«В Белом движении командующий войсками Мурманской Добровольческой армии в июле – нояб. 1918. Во время боевых действий против советских войск в июле освободил Сороку, Кемь, Онегу, ряд других городов и селений. Инициатор обращения к Великобритании с просьбой направить ее войска в Мурманск и Архангельск. С августа зам. нач., затем нач. воен. отдела Воен. управления (Воен. министерство) Временного правительства Северной области. С дек. 1918 по янв. 1920 находился в резерве чинов при штабе Главнокомандующего Сев. Армией» [20; Т. 1: 811].

Начнем с того, что Звегинцов действовал на Севере под несколько измененной фамилией – Звегинцев. С 7 июля 1918 года, после пере-

ворота в Мурманске, он был назначен командующим вооруженными силами Мурманского края, но реально в его распоряжении не было воинских частей, а лишь несколько десятков человек. Соответственно, «освободить» Сороку, Кемь, Онегу и ряд других городов и селений он не мог. Первые два указанных города захватили интервенты (британские, сербские и французские солдаты), действовавшие под командованием вышеупомянутого генерала Мейнарда при артиллерийской поддержке британского крейсера «Аттентив». Онега же была захвачена союзным отрядом во главе с начальником разведотдела интервентов полковником Торнхиллом. Других городов (кроме Архангельска) захвачено в это время не было.

Мурманской Добровольческой армии в Белом движении не существовало. Звегинцов никогда не был начальником военного отдела Военного управления Северного правительства, но лишь несколько дней являлся заместителем заведующего военным отделом. О каких инициативах Звегинцова об обращении к Великобритании с просьбой направить ее войска в Мурманск и Архангельск идет речь, непонятно, и о каком периоде тоже. Финал деятельности Н. И. Звегинцова в Мурманском крае, о котором не упоминает автор статьи А. В. Олейников, следующий. В начале ноября 1918 года он был отстранен от должности командующего «без нового назначения». Причина – привлечение его к белогвардейскому следствию по обвинению в сотрудничестве с советской властью. Парадоксальное обвинение для человека, на деле предавшего ее, обернулось большими неприятностями для Звегинцова. Он постоянно находился под угрозой ареста. 27 июля 1919 года ему было предъявлено обвинение в 12 пунктов с итоговой констатацией:

«Виновен в участии в преступном сообществе, имеваемом Советская власть, с целью ниспровержения существующего в России общественного строя – статья 126 Уголовного Уложения» [5: 24].

Разбирательство по делу Н. И. Звегинцова тянулось до самого падения Северной области. В эмиграции, куда ему удалось выехать, продолжались нападки на него со стороны правых кругов офицерства. В целом же вся деятельность и печальный финал Звегинцова на Мурмане, как и его сподвижников здесь – А. М. Юрьева и Г. М. Веселаго, также привлеченных к белогвардейскому следствию, подробно раскрывается в книгах автора этих строк [5: 8–34], [7], [8].

Перечень конкретных примеров некомпетентности и / или недостаточной осведомленности авторов о событиях и персоналиях Гражданской войны на Севере России можно продолжить.

В энциклопедии не представлена история антисоветской Северной области и жизни населения здесь в годы войны. Статьи кандидата наук С. В. Куликова, никогда не занимавшегося историей Гражданской войны на Севере, о Верховном управлении и Временном правительстве Северной области поверхностны, не раскрывают эту тему, к тому же грешат ошибками и недостоверностями.

Не раскрыта картина событий и боевых действий не только на Архангельском, но и на Мурманско-Олонецком направлении, где интервенты Антанты, ведя наступательные действия в 1918–1919 годах, пытались овладеть Петрозаводском, а при удачном стечении обстоятельств и Петроградом. Не освещаются в издании переговоры, которые шли с мая и летом 1919 года в Гельсингфорсе между руководством Финляндии и командующими антибольшевистскими армиями на Северо-Западе и Севере России генералами Юденичем и Марушевским о совместных действиях против Советской России. Не рассматриваются и более поздние неудачные попытки наладить военный союз антисоветской Северной области и Финляндии. Но все это подробно описано в научной литературе [10: 267–286].

Деятельность органов советской власти на Севере в годы войны, как и биографии их руководителей (за исключением М. К. Ветошкина), в энциклопедии не раскрываются.

В издании немало статей о советских национальных областях, но нет ничего о Карельской Трудовой Коммуне (КТК), хотя такие статьи всегда были в предшествующих энциклопедиях. Ее создание было вызвано, с одной стороны, стремлением к решению так называемого карельского вопроса и к мирному урегулированию отношений с Финляндией, а с другой стороны, могло стать примером для революционного движения в Скандинавских странах и Финляндии. Сложные и интересные перипетии становления КТК, несомненно, заслуживали отражения в энциклопедии. Нет в ней и биографических материалов об Э. Гюллинге и других руководителях КТК.

Вообще же, подбор биографий в энциклопедии, в том числе по Северу, носит странный и весьма произвольный характер.

Нет в этом издании статьи о Карельском восстании (конец 1921 – начало 1922 года), ставшем последним отзвуком Гражданской войны на Севере, хотя статьи о нем всегда были в предшествующих энциклопедиях. Добавим, что это восстание хорошо изучено в новейшей литературе [1], [14].

Перечень слабых мест этой энциклопедии, ошибок и недостоверных сведений на ее страницах можно продолжить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный анализ демонстрирует разрыв между достигнутым уровнем разработки проблем Гражданской войны на Севере России в новейшей историографии и слабым представлением ее истории на страницах рецензируемой энциклопедии. Данное в ее вводной статье обещание основываться на аналитических выводах и современных оценках историков не выполнено. Фактически Северная Россия, да и Северо-Запад страны, предстает в этом издании огромным белым пятном, фрагментарно заполненным поверхностным

и часто недостоверным материалом и мифологемами. Историкам предстоит исправлять ошибки и недостатки этой энциклопедии. В связи с этим хочется надеяться на выход в свет XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» (в 2 книгах) 20-томной академической «Истории России», где автор этой статьи выступает ответственным редактором (вместе с В. В. Кондрашиным из Института российской истории РАН), написавшим и все главы о Северной России. В издании воссоздается полноценная и объективная история этой эпохи на Севере России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю. В пучине Гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 352 с.
2. Голдин В. И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121.
3. Голдин В. И. Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской смуты» 1917–1920. Симферополь, 2020. С. 7–20.
4. Голдин В. И. Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере: актуальные и дискуссионные проблемы // Historia Provinciae. Журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 4. Спецвыпуск: Гражданская война в России: региональное измерение. К 100-летию начала Гражданской войны. С. 16–50.
5. Голдин В. И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918–1920 гг.). Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1989. 94 с.
6. Голдин В. И. Навязанная извне. Гражданская война и интервенция на Русском Севере: к диалектике процессов // Русский Сборник. Исследования по истории России. XXVIII: Гражданская война и интервенция в России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. М.: Модест Колеров, 2020. С. 285–344.
7. Голдин В. И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918 г. Архангельск: Дапринт, 2021. 660 с.
8. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне. Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
9. Голдин В. И. Химическая война на Севере России // Защитники Отечества. Архангельск: Лоция, 2019. С. 207–213.
10. Голдин В. И., Журавлев П. С., Соколова Ф. Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: СОЛТИ, 2005. 350 с.
11. Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка. Уфа: БашГУ, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elib.bashedu.ru/dl/local/Haziev_otv%20red_Grazhdanskaja%20vojna_sb_2018.pdf/info (дата обращения 25.10.2022)
12. Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты. Ижевск: АлкиД, 2018. 494 с.
13. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. Издание второе / Гл. ред. С. С. Хромов. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 720 с.
14. Гусев К. В. К истории карельского мятежа (По материалам комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отецественная история. 1996. № 6. С. 71–84.
15. Зброшенныя в небытыя. Интервенцыя на Севере России (1918–1919) глазами ее участников / Сост. В. И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. 505 с.
16. Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–23.
17. Леонов С. В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. № 1. С. 24–36.
18. Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. М.: Пятый Рим, 2020. 368 с.
19. Овсянкин Е. И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск: Архконсалт, 2007. 560 с.
20. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Полит. энциклопедия, 2021.
21. Тучков В. С. Белые добровольцы Севера. 1918 год // Белое движение на Севере России. Белая гвардия. Альманах. 2006. № 9. С. 64–72.

Поступила в редакцию 25.11.2022; принята к публикации 26.12.2022

Discussion

Vladislav I. Goldin, Dr. Sc. (History), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-1439-6267; v.i.goldin@yandex.ru

RUSSIA IN THE CIVIL WAR: NORTHERN REGIONAL DIMENSION

Abstract. The article investigates the studying of regional problems of the Russia's Civil War, primarily in the Russian North. The author characterizes the literature published in connection with the centenary of the events. Central attention is paid to the coverage of regional issues, mainly to the problems, processes and events of the Civil War in the Russian North in the encyclopedia entitled *Russia in the Civil War*. The study reveals whether the quality of the articles in this edition corresponds to the modern level of historiography of the history of the Civil War in the North, indicating the errors and distortions in the encyclopedia materials discovered as a result of the content analysis. The conclusions are drawn about the need to correct erroneous statements presented on the pages of this edition. The article characterizes the prospects of studying the problems of the Civil War in Russia and the Russian North.

Key words: Russian Civil War, intervention, Russian North, history, historiography, critical analysis

For citation: Goldin, V. I. Russia in the Civil War: northern regional dimension. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):106–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.860

REFERENCES

1. Vitukhnovskaya-Kuappala, M. A., Osipov, A. Yu. In the abyss of the Civil War: the Karelians in the search for survival strategies. 1917–1922. St. Petersburg, 2020. 352 p. (In Russ.)
2. Goldin, V. I. Civil War in Russia: problems of modern historiography. *Russian History*. 2022;3:109–121. (In Russ.)
3. Goldin, V. I. Civil War in Russia in modern scholarly understanding: conception, contents, consequences. *People, society, and power in the epoch of the "Russian Time of Troubles" 1917–1920*. Simferopol, 2020. P. 7–20. (In Russ.)
4. Goldin, V. I. Civil war and intervention in Russia and the Russian North: current and debatable issues. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*. 2018;2(4):16–50. (In Russ.)
5. Goldin, V. I. The counterrevolution in the north of Russia and its crash (1918–1920). Vologda, 1989. 94 p. (In Russ.)
6. Goldin, V. I. Imposed from outside. The Civil War and intervention in the Russian North: the dialectic of processes. *Russian Collection. Research on the history of Russia. XXVIII: the Civil War and intervention in the Russian North*. Moscow, 2020. P. 285–344. (In Russ.)
7. Goldin, V. I. The north of Russia in the fire of the Civil War. Foreign intervention and its consequences. August – December of 1918. Arkhangelsk, 2021. 660 p. (In Russ.)
8. Goldin, V. I. The north of Russia on the way to the Civil War. Attempts of reforms. Revolutions. International intervention. 1900 – the summer of 1918. Arkhangelsk, 2018. 623 p. (In Russ.)
9. Goldin, V. I. Chemical war in the Russian North. *Defenders of the fatherland*. Arkhangelsk, 2019. P. 207–213. (In Russ.)
10. Goldin, V. I., Zhuravlev, P. S., Sokolova, F. H. Russian North in the historical space of the Russian Civil War. Arkhangelsk, 2005. 350 p. (In Russ.)
11. Civil War and Russian province: modern perception, approaches and evaluation. Ufa, 2018. Available at: https://elib.bashedu.ru/dl/local/Haziev_otv%20red_Grazhdanskaja%20vojna_sb_2018.pdf/info (accessed 25.10.2022). (In Russ.)
12. Civil War in the regions of Russia: socio-economic, military, political, and humanitarian aspects. Izhevsk, 2018. 494 p. (In Russ.)
13. Civil War and military intervention in the USSR: Encyclopedia. (S. S. Khromov, Ed.). Moscow, 1987. 720 p. (In Russ.)
14. Gusev, K. V. The history of the Karelian Uprising (according to the materials of the Presidential Commission for Rehabilitation of the Victims of Political Repression). *Russian History*. 1996;6:71–84. (In Russ.)
15. Abandoned into oblivion. Intervention in the North of Russia (1918–1919) through the eyes of its participants. (V. I. Goldin, Comp.). Arkhangelsk, 1997. 505 p. (In Russ.)
16. Kolonitskiy, B. I. From the First World War to civil wars (1917? – 1922?). *Russian History*. 2019;1:3–23. (In Russ.)
17. Leonov, S. V. The Civil War in Russia: essence, periodization, features. *Russian History*. 2019;1:24–36. (In Russ.)
18. International intervention and the Civil War in Russia and Russian North: key problems, historical memory, and lessons of history. Moscow, 2020. 368 p. (In Russ.)
19. Ovsyankin, E. I. At the breaking point of history. Events in the North in 1917–1920. Myths and reality. Arkhangelsk, 2007. 560 p. (In Russ.)
20. Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia. In 3 vols. (K. A. Sorokin, Ed.). Moscow, 2021. (In Russ.)
21. Tuchkov, V. S. White volunteers in the North (1918). *White movement in the North of Russia. White Army. Almanac*. 2006;9:64–72. (In Russ.)

Received: 25 November, 2022; accepted: 26 December, 2022



30 октября 2022 года исполнилось 65 лет доктору филологических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации *Ирине Александровне Спиридоновой*.

Celebrating the 65th anniversary of Irina A. Spiridonova.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

К 65-летию со дня рождения

И. А. Спиридонова родилась в г. Биробиджане Хабаровского края. В 1980 году, окончив филологическое отделение историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета, поступила на работу преподавателем русского языка и литературы в техникум железнодорожного транспорта. С 1985 года обучалась в очной целевой аспирантуре ЛГУ на кафедре истории советской литературы. По окончании в 1988 году была направлена по распределению в ПетрГУ и начала работать в должности преподавателя кафедры русской и зарубежной литературы. В 1989 году защитила кандидатскую диссертацию «Комическое в творчестве В. Шукшина и В. Белова», в 2006 году – докторскую диссертацию «Художественный мир военных рассказов А. Платонова». В 2016 году Ирине Александровне присвоено ученое звание профессора по специальности «Русская литература».

Круг научных интересов Ирины Александровны включает историю и поэтику русской литературы XX века, национальный образ мира в литературе, художественные коды литературы Великой Отечественной войны, а также эстетику новейшей русской литературы. Значительную часть своей исследовательской работы И. А. Спиридонова посвятила изучению творчества А. Платонова, с 1989 года является участником Международного ежегодного Платоновского семинара в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН.

Ирина Александровна внесла значительный вклад в дело подготовки научно-педагогических кадров. С первых лет работы в ПетрГУ она руководила учебными и педагогическими практиками, была куратором научно-исследовательской работы студентов, рецензентом научных и методических работ. Под ее руководством подготовлены и успешно защищены кандидатские диссертации. Как научный руководитель Ирина Александровна не только требовательный, но и чуткий, вдохновляющий своим примером наставник.

Многие годы Ирина Александровна сотрудничала с Карельским институтом повышения квалификации работников образования, выступала с лекциями и мастер-классами в библиотеках и школах Петрозаводска, а также районов Карелии, принимала участие в работе Школы юного литературоведа. С 2013 года является активным участником международных образовательных и культурно-просветительских проектов.

Коллеги и ученики сердечно поздравляют Ирину Александровну, желают новых творческих свершений и семейного благополучия!

*О. Г. Абрамова,
к. филол. н., директор Института филологии ПетрГУ*



ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВИЧ КЕРТ

(01.02.1923 – 26.09.2009)

Один из ведущих исследователей
в области саамского языка,
организатор прибалтийско-финской
лингвистической науки в Карелии

В 2023 году отмечается столетний юбилей Г. М. Керта. Он родился 1 февраля 1923 года в деревне Каменка Ораниенбаумского (ныне Ломоносовского) района Ленинградской области в семье лесничего, имевшего эстонские корни. Был участником Великой Отечественной войны, после которой получил финно-угорское образование в Ленинградском госуниверситете, а затем в аспирантуре Карельского филиала АН СССР, подготовив и защитив в 1953 году кандидатскую диссертацию по финской грамматике. С 1953 до смерти в 2009 году Георгий Мартынович работал в ИЯЛИ КарНЦ РАН. Без малого 30 лет (1959–1986) он руководил сектором языкознания.

Г. М. Керт был зачинателем российской лапологии. Им проведено более десятка экспедиций к саамам Кольского полуострова, в ходе которых собран уникальный материал по языку, фольклору и этнографии саамов, насчитывающий свыше 140 часов магнитофонной записи, а также создан значительный фотоархив. Материалы хранятся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. На их основе издано два тома «Образцов саамской речи» (1961, 1988), подготовлено фундаментальное исследование «Саамский язык (Кильдинский диалект): Фонетика, морфология, синтаксис» (1971), ставшее докторской диссертацией (1972) Георгия Мартыновича. В монографии описаны основные элементы фонетики и грамматического строя саамского языка, выявлена фонологическая система, что дало возможность впоследствии создать научно обоснованный алфавит. Работа до настоящего времени востребована научным сообществом. Она активно используется также в практике языкового строительства, в частности

в создании пособий и учебников саамского языка для саамов Кольского полуострова. В сфере интересов Г. М. Керта находилось и исследование саамской лексики. Семантические и ареальные подходы к ее анализу нашли отражение в одном из наиболее важных проектов, выполнявшихся коллективом авторов под руководством Георгия Мартыновича в секторе языкознания, – «Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского, вепсского и саамского языков». Г. М. Керт заложил и основы исследования саамской топонимии в России. Многие из предложенных им саамских этимологий топонимов Карелии сохраняют актуальность и сегодня. Среди топонимических публикаций наиболее значима работа «Саамская топонимная лексика» (2009), в которой выявлен обширный список дифференцирующих саамских топооснов, широко востребованный в кругах исследователей. Хорошо известна и выдержавшая несколько изданий научно-популярная книга «Загадки карельской топонимики», подготовленная в соавторстве с Н. Н. Мамонтовой. Всего за годы научной деятельности Г. М. Керт опубликовал более двух с половиной сотен работ.

Георгий Мартынович многие годы вел большую просветительскую работу, рассказывая на страницах местной печати о языках и народах Карелии, работе и достижениях языковедов института. Активно участвовал в дискуссиях о статусе карельского языка и развитии письменности, которые велись на рубеже тысячелетий. В эти годы он выпустил сборник полемических заметок «Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления» (2000). Занимался про-

блемами развития саамской письменности, разработкой алфавита, подготовил и опубликовал «Саамско-русский, русско-саамский словарь» для школ (1986).

Далеко не каждый хороший ученый может быть организатором науки. Георгий Мартынович был таковым. Будучи заведующим сектором языкознания, он долгие годы определял основные направления научных исследований сотрудников. Полученная им фундаментальная лингвистическая подготовка, широта научных интересов и понимание перспектив развития науки позволили небольшому по численности коллективу сектора разрабатывать практически все уровни прибалтийско-финских языков Карелии. Под руководством Г. М. Керта в секторе языкознания выполнялись такие крупные темы, как «Лингвистический атлас Европы» и упоминавшийся выше «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков». Он выступил организатором издания «Диалектологического атласа карельского языка» (1997), а также переиздания трудов своего учителя Д. В. Бубриха по прибалтийско-финскому языкознанию (2005).

Георгий Мартынович – счастливый ученый, взрастивший целое поколение благодарных учеников. В выборе тем их диссертаций сказалась широта научных интересов руководителя: грамматика, лексика, синтаксис, словообразование прибалтийско-финских языков, саамский язык, ономасиология. Под его руководством готовили свои диссертации 15 аспирантов и соискателей. Среди его учеников есть и кандидаты, и доктора филологических наук. Можно без преувеличения сказать, что ученики Г. М. Керта определяют сейчас развитие прибалтийско-финского языкознания в Карелии.

Ученый пользовался большим уважением коллег, высоко ценивших его профессиональные качества, а также активную научную и жизненную позицию. Он был избран членом специализированного Ученого совета по защите докторских диссертаций Марийского университета, членом редколлегии журналов «Советское финно-угроведение» (Эстония, 1956–1996 годы), «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), а также членом Совета по топонимии РАН. Длительное время был членом Советского комитета финно-угроведов, советско-финской рабочей группы по сотрудничеству в области языкознания. Г. М. Керт являлся также иностранным членом-корреспондентом трех научных обществ Финляндии – «Общества финляндской литературы» (с 1974 года), «Финно-

угорского общества» (с 1975 года), «Саамского просветительского общества» (с 1974 года).

Г. М. Керт награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, военными медалями и почетными грамотами Президиума РСФСР и Президиума АН СССР. Ему присвоены звания «Заслуженный деятель науки КАССР» и «Заслуженный деятель науки РСФСР».

А еще у Георгия Мартыновича был талант привлекать к себе людей. До сих пор с большой теплотой вспоминают о нем и его экспедициях кольские саамы. Он остался в памяти его коллег и учеников не только как замечательный исследователь, но и как хороший человек, полный творческих идей, оптимизма и доброты.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Г. М. КЕРТА

Значение саамского языка для финно-угорского языкознания // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1958. С. 104–117.

Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 86–92.

Образцы саамской речи: Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова: (Кильдинский и йоканьгский диалекты). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 216 с.

Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, Д. В. Бубриха. М.; Л., 1961. С. 110–134.

Саамский язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 155–171.

Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л.: Наука, 1967. С. 110–115.

Саамский язык (Кильдинский диалект): Фонетика, морфология, синтаксис. Л.: Наука, 1971. 355 с.

К истории изучения германских заимствований в прибалтийско-финских и саамских языках // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками. Л.: Наука, 1971. С. 66–69.

The History of Ancient Saams // Circumpolar Problems. Oxford; New-York, 1972. P. 81–84.

Кольские саамы // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 216–219.

Д. В. Бубрих: Очерк жизни и деятельности, 1890–1949. Л.: Наука, 1975. 104 с.

Саамский язык // Основы финно-угорского языкознания. Т. 2: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. С. 203–247.

Типологическая характеристика саамского языка (по способам выражения грамматических значений) / Г. М. Керт, В. З. Панфилов // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum*, 1975. Tallinn, 1975. С. 440–443.

Загадки карельской топонимики: Рассказ о географических названиях Карелии / Г. Керт, Н. Мамонтова. Петрозаводск: Карелия, 1976. 104 с.

Характер топонимии юго-западного ареала Кольского полуострова // *Etudes Finno-Ougriennes*. Budapest; Paris, 1977. Т. 14. Р. 141–145.

Общие словообразовательные модели глагола в карельском и саамском языках / Г. М. Керт, Л. Ф. Маркианова // К истории малых народностей Европейского Севера. Петрозаводск, 1979. С. 103–110.

Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6: Вопросы лексикологии и лексикографии. Л.: Наука, 1981. С. 64–68.

Словарь саамско-русский и русско-саамский: Ок. 4000 слов: Пособие для учащихся нач. школы. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.

Образцы саамской речи / Г. М. Керт, П. М. Зайков. Петрозаводск, 1988. 192 с.

Словообразование имен в саамском языке // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 84–91.

Проблемы саамской топонимии // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 82–93.

Саамский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 490.

Саамский язык // Языки мира (Уральские языки). М., 1993. С. 134–148.

Саамско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М., 1994. С. 167–176.

Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления. Петрозаводск: Карелия, 2000. 112 с.

Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии: (Прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 187 с.

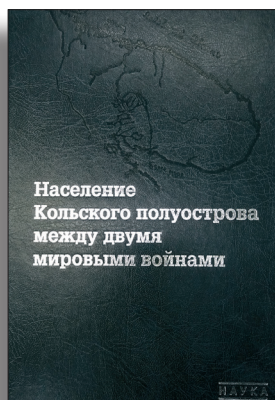
Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 178 с.

*Н. Г. Зайцева,
д. ф. н., вед. н. с. ИЯЛИ КарНЦ РАН*

*И. И. Муллонен,
д. ф. н., гл. н. с. ИЯЛИ КарНЦ РАН*

CONTENTS

| | | | |
|---|----|--|-----|
| Editorial note | 7 | <i>Terentev V. O.</i> THE ROLE OF THE LENINGRAD MILITIA IN THE STABILIZATION OF THE SVIR SECTOR OF THE SOVIET-FINNISH FRONT IN OCTO- BER 1941 | 69 |
| ARCHAEOLOGY | | | |
| <i>Gusentsova T. M., Zhulnikov A. M.</i> NEW DATA ON DATING ENEOLITHIC AND BRONZE AGE ARCHAEOLOGICAL SITES WITH ASBESTOS POTTERY IN THE TERRI- TORY OF NORTHWEST RUSSIA | 8 | <i>Terenteva E. A.</i> PETROZAVODSK IN THE FRENCH PRESS DURING THE SECOND WORLD WAR | 77 |
| WORLD HISTORY | | | |
| <i>Savenkova I. Yu.</i> THE ROLE OF TRADE MONOPOLIES IN THE OPPOSITION BETWEEN THE CROWN AND THE PARLIAMENT UNDER QUEEN ELIZA- BETH I TUDOR | 20 | <i>Churakova O. V.</i> DAILY LIFE OF MILITARY HOSPITAL TRAINS: RESEARCH POTENTIAL OF THE ANTHRO- POLOGY OF FRONTLINE EXTREMITY | 83 |
| RUSSIAN HISTORY | | | |
| <i>Kalinina E. A.</i> IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF PHYSI- CAL CULTURE AND SPORTS IN KARELIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920S | 29 | ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY | |
| <i>Korotkova M. N.</i> STATE SOCIAL POLICY: PERIODIZATION OF HEALTHCARE REFORMS IN THE POST- SOVIET PERIOD | 36 | <i>Kyrzhinakov A. A.</i> HUNTING EQUIPMENT OF THE KHAKASS PEOPLE IN THE XIX–XX CENTURIES | 93 |
| <i>Filimonchik S. N.</i> HEALTHCARE DEVELOPMENT IN KARELIA IN THE 1930S | 44 | Reviews | |
| <i>Shorokhova I. V.</i> A. N. TIMONEN: FROM SOVIET CULTURAL DIPLOMACY TO INTERCULTURAL DIA- LOGUE BETWEEN KARELIA AND FINLAND | 54 | <i>Alekseev T. V., Losik A. V.</i> The book review: Kolchinsky, E. I., Sinelniko- va, E. F. Self-organization of Russian science during the crisis: 1917–1922 | 99 |
| CONFERENCE «PETROZAVODSK: A CITY OF MILITARY GLORY» | | | |
| <i>Zelenskaya Yu. N.</i> LABOR CAMP FOR SOVIET CITIZENS IN KU- TIZHMA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR | 62 | <i>Kotkin K. Ya.</i> The book review: Population of the Kola Peninsula between the two world wars: view of historians and anthropologists | 101 |
| Discussions | | | |
| <i>Goldin V. I.</i> RUSSIA IN THE CIVIL WAR: NORTHERN RE- GIONAL DIMENSION | | | |
| Anniversary | | | |
| <i>Abramova O. G.</i> Celebrating the 65th anniversary of Irina A. Spiridonova | | | |
| Memory | | | |
| <i>Zaitseva N. G., Mullonen I. I.</i> Commemorating the 100th anniversary of Georgiy M. Kert | | | |



НАСЕЛЕНИЕ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

В коллективной монографии рассматриваются процессы формирования населения на Кольском полуострове в межвоенный период, когда административный статус фронтальной территории был неустойчив – вплоть до образования в 1938 году Мурманской области. Осуществлялось индустриальное развитие региона, которое сопровождалось интенсивным заселением, перемещением больших групп людей, формированием социальных общностей и установлением различных отношений между ними. Отдельные главы посвящены колонистам Мурманского побережья, строителям Мурманской железной дороги, представителям аборигенного саамского населения, ученым и геологам Хибин, спецпереселенцам.

Для историков, антропологов, этнографов, обществоведов.

Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / Под общ. ред. О. В. Змеевой. – М.: Наука, 2022. – 366 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

Э. И. Колчинский, Е. Ф. Синельникова

САМООРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ГОДЫ КРИЗИСА: 1917–1922



В книге предпринята попытка комплексного анализа влияния революции 1917 г. и Гражданской войны как глобального системного кризиса на мотивацию, кадровый состав, структуризацию и самоидентификацию российского научного общества и его институтов. Именно в 1917–1922 гг. была создана модель развития отечественной науки как государственной фабрики по производству знания и организована сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая функционирование науки и образования до настоящего времени. Сформированные в то время механизмы финансирования научных учреждений и организаций, нормативно-правовая база их деятельности, а в равной степени и созданные структурные формы организации исследований были актуальны и эффективны длительное время.

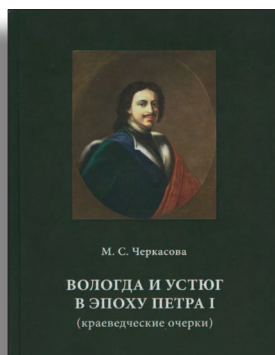
Издание адресовано специалистам в области истории науки и культуры, а также широкому кругу читателей.

Колчинский Э. И., Синельникова Е. Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. – СПб.: Скифия-принт, 2020. – 276 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

М. С. Черкасова

ВОЛОГДА И УСТЮГ В ЭПОХУ ПЕТРА I



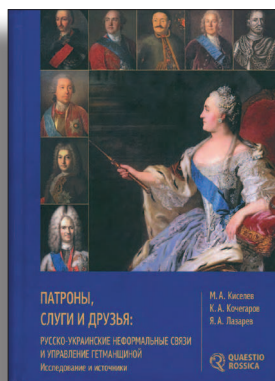
В монографии рассмотрены региональные аспекты Петровских реформ на примере двух севернорусских городов – Вологды и Устюга. Работа выполнена в жанре краеведческих очерков, затрагивающих вопросы Северной войны, создания регулярной армии и флота, земского самоуправления, церковных преобразований и демографических процессов. Привлекается большой массив новых архивных источников, часть которых представлена в приложении.

Книга может быть использована в научно-образовательной области специалистами-историками, педагогами-просветителями, краеведами и всеми заинтересованными в познании прошлого нашего Отечества.

Черкасова, М. С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки) : монография / М. С. Черкасова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет, Северное отделение Археографической комиссии РАН. – Вологда : ВоГУ, 2021. – 260 с.

М. А. Киселев, К. А. Кочегаров, Я. А. Лазарев

ПАТРОНЫ, СЛУГИ И ДРУЗЬЯ: РУССКО-УКРАИНСКИЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И УПРАВЛЕНИЕ ГЕТМАНЩИНОЙ



Монография посвящена феномену неформальных связей в государственном управлении раннего Нового времени на материалах непростой истории взаимоотношений старшины Гетманской Украины с правящей элитой России в 1700–1760-е гг. В исследовательской части анализируется роль неформальных отношений при формировании украинской политики российского правительства и эволюции управления Гетманщиной на протяжении более шести десятилетий, начиная с гетманства И. С. Мазепы и заканчивая окончательной ликвидацией института гетманства в 1764 г.

Книга предназначена как для специалистов широкого профиля – историков, политологов, социологов, филологов, так и для всех, кто интересуется историей России и Украины.

Киселев, Михаил Александрович. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-е гг. Исследования и источники : монография / М. А. Киселев, К. А. Кочегаров, Я. А. Лазарев ; Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный университет, Лаборатория эдиционной археографии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 1244 с.